ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2018. Том 63. № 3

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2018. Том 63. № 3

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя – академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
П. Г. Никитенко – Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала*)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. П. Костюк – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Котляров – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Д. И. Широканов – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционный совет

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр "Наука" Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр "Наука" Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Герд Генчель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
А. Е. Дайнеко – Институт мясо-молочной промышленности Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по продовольствию, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. П. Изотко – Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, Вологда, Россия
С. П. Карпов – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
И. Л. Копылов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Е. Миронович – Белостокский государственный университет, Белосток, Польша
И. В. Саверченко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2018. Том 63, № 3.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. В. Денищик*

Подписано в печать 10.07.2018. Выход в свет 30.07.2018. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 90 экз. Заказ 136.
Цена номера: индивидуальная подписка – 10,66 руб., ведомственная подписка – 25,67 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2018

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES. 2018. Vol. 63. No. 3

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration No. 394 dd. 18 May 2009

This journal is included in the List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Academic Secretary of the Department of Humanities and Arts, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board

Vladimir V. Gnilomedov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Petr G. Nikitenko – National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead editor*)

Yevgeni M. Babosov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigori A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail P. Kostiuk – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Igor V. Kotlyarov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Lokotko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr A. Lukashanets – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Council of the Republic, National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Dmitri I. Shirokanov – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Council

Aleksandr N. Bulyko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Nauka Academic Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Nauka Scientific and Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Book Culture Research Centre, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Gerd Hentschel – Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
Aleksei Ye. Daineko – Institute for Meat and Dairy Industry of the Scientific and Practical Center for Foodstuffs of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University, Minsk, Belarus
Valeri I. Zhuk – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir P. Izotko – Minsk, Belarus
Vladimir A. Ilyin – Institute for Social and Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
Sergey P. Karpov – Moscow State M. V. Lomonosov University, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Igor L. Kopylov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Evgeni Mironovicz – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Ivan V. Saverchenko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Azimchan A. Satybaldin – Institute of Economics, Science Committee, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrey V. Smirnov – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yang Xiong – Institute of Sociology, Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum. belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS
Humanitarian Series, 2018. Vol. 63, No. 3.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. V. Dzianishchyk*

Signed to print on 10.07.2018. Published on 30.07.2018. Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 90 copies. Order 136.
Number price: individual subscription – BYN 10.66, departmental subscription – BYN 25.67.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No.02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2018

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Салеев В. А. Как я понимаю культурологию 263
Зайцев Д. М. Особенности традиционного паломничества в буддизме 273
Малмыгин А. С. Социологические показатели социального события как фактора трансформационного развития общества 280
Соловей А. П. Специфика профессиональной деятельности женщин-исследователей в академической науке Республики Беларусь 288

ГІСТОРЫЯ

Дмитриева О. П. Еврейские библиотеки на территории Беларуси накануне Первой мировой войны 297
Каплиев А. А. Формирование службы скорой медицинской помощи на территории Советской Беларуси (1919–1939 гг.) 306
Марфина О. В. Антропологические исследования детей, подростков и молодежи в Беларуси (конец XIX – начало XXI в.) 317

МОВАЗНАЎСТВА

Семянькевіч А. В. Беларускія назоўнікі *pluralia tantum* як дынамічны лексіка-граматычны клас субстантыўнай лексікі 329
Раткевич М. А. Национально-языковая политика в БССР (1920-е – начало 1930-х гг.) и ее влияние на статус польского языка 338

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мазурына Н. Г. Праявы варыянтнасці ў беларускай каляндарна-абрадавай традыцыі (на прыкладзе веснавой песні “Вол бушуе – вясну чуе”) 348

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Калядка С. У. Сюжэт, фабула, кампазіцыя ў эматыўным тэксце паэзіі 355

ПРАВА

Михалёва Т. Н. Методология межгосударственной региональной интеграции 366

ЭКАНОМІКА

Милашевич Е. А. Комплексная методика оценки деятельности медицинского кластера 377

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Saleyev V. A. How i understand culturology 263
Zaitsev D. M. Peculiarities of traditional pilgrimage in Buddhism 273
Malmyhin A. S. Sociological indicators of a social event as factor of the transformational development of society 280
Solovey A. P. Specifics of professional activity of women-researchers in academic science of the Republic of Belarus 288

HISTORY

Dmitrieva O. P. The Jewish Libraries on the territory of Belarus before the World War I 297
Kapliyev A. A. The formation of the ambulance service in the territory of Soviet Belarus (1919–1939) 306
Marfina O. V. History of anthropological researches of Belarusian children, teenagers and youth (the end of 19th – the beginning of the 21st century) 317

LINGUISTICS

Semenkevich O. V. Belarusian *pluralia tantum* nouns as dynamic class of lexical and grammatical substantive vocabulary 329
Ratkevich M. A. National language policy in the BSSR (1920 – early 1930's) and its influence on the profile of Polish language 338

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Mazuryna N. G. Manifestations of variance in the Belarusian calendar and ritual tradition (on the example of the spring song "Vol bushue – viasnu chuye") 348

LITERARY SCIENCE

Kolyadko S. V. Plot, story, composition in the emotive text of poetry 355

LAW

Mikhaliova T. N. Methodology of regional integration 366

ECONOMICS

Milashevich A. A. Full assessment of the medical cluster 377

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 008+7.01
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-263-272

Поступила в редакцию 27.02.2018
Received 27.02.2018

В. А. Салеев

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

КАК Я ПОНИМАЮ КУЛЬТУРОЛОГИЮ

Аннотация. Рассматриваются предмет, задачи и способы формирования знания новой гуманитарной науки – культурологии. В плане аксиологической интерпретации сущности культуры автором предлагается разработанная им неоаксиологическая методология как ведущий способ исследования сложных сфер и видов культуры. Акцентируется необходимость суверенности культурологии и как науки, синтезирующей разнообразные знания о культуре. Ее высшая задача, по мнению автора, заключается в формировании человека как субъекта культуры.

Ключевые слова: культура, культурология, ценность, оценка, аксиология, неоаксиология, гуманитарное знание, наука, методология, теория культуры, история культуры, прикладная культурология, оценочное отношение, ценности культуры, носитель культуры, опыт личности, духовность, взаимодействие культур

Для цитирования. Салеев, В. А. Как я понимаю культурологию / В. А. Салеев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 263–272. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-263-272

V. A. Saleyev

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HOW I UNDERSTAND CULTUROLOGY

Abstract. The article examines the subject, tasks and ways of forming knowledge of a new humanities science – culturology. In terms of axiological interpretation of the essence of culture, the author proposes his neoaxiologic methodology, as the leading way of investigating complex spheres and types of culture. It emphasizes the need for the sovereignty of cultural studies, as a science that synthesizes a variety of knowledge about culture. The highest task of it, as postulated in the work, is the formation of man as a subject of culture.

Keywords: culture, culture, value, evaluation, axiology, neoaxiology, humanitarian knowledge, science, methodology, theory of culture, cultural history, applied cultural studies, appraising attitude, cultural values, culture bearer, personal experience, spirituality, interaction of cultures

For citation. Saleyev V. A. How i understand culturology. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 263–272 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-263–272

Культурология появилась на восточнославянской земле в конце 1980-х гг. Первоначально она являлась учебной дисциплиной в вузах тогда еще единой, могучей страны. Можно сказать, что культурология возникла на волне перестройки, в ожидании больших, сущностных перемен и наглядно олицетворяла собой новое в образовательном процессе высшей школы. Помнится, что она значительно опережала, по данным социологов конца 1980-х гг., эстетику, этику (они, вслед за культурологией, пользовались наибольшей популярностью у студентов), не говоря уже об исто-

© Салеев В. А., 2018

рии КПСС, научном коммунизме, политэкономии и марксистко-ленинской философии, которые десятилетиями составляли костяк гуманитарного знания в высших учебных заведениях страны.

К тому же культурология отвечала глобальным общественным потребностям: все советские люди ощущали дефицит культурологического знания, и приобщаться к культуре, повышать свои знания о ней, ощущать на себе благотворное влияние культуры было желанием не только студенческой молодежи, но и самых широких слоев населения (знать бы, что через четверть века и уровень культуры значительно понизится, и желания многих людей в этом направлении, под влиянием социоэкономических обстоятельств испарятся).

Уже в начале 1990-х гг., с возникновением вместо бывшего СССР новых суверенных государств, культурология получила новый всплеск интереса – теперь он касался национальной культуры, многие проблемы которой или не разрабатывались, или замалчивались по идеологическим мотивам в советскую эпоху.

Эта сверхмолодая наука, как отмечалось выше, в последнее тридцатилетие, практически на переломе XX и XXI веков, вошла в общественное сознание на территории постсоветского пространства. Ныне дисциплины культурологического цикла входят не только в систему вузовского образования, но присутствуют и в школьном обучении.

К XXI веку выяснилось, что человечество живет в сфере культуры (самое простое и поэтому самое фундаментальное определение культуры – она, в отличие от природы, есть творение ума, чувства и рук человеческих), направляется ею, осуществляет творческие свершения благодаря ей.

Поэтому многочисленные исследования различных аспектов культуры, которые, особенно в последние два десятилетия, заполнили и научное, и публицистическое пространство, требуют проверки и определенного осмысления в русле развития современной гуманитарной науки.

Первые опыты в исследовании культурологии (которые сразу же осуществились вслед за волной массового преподавания этой новейшей дисциплины в вузах) натолкнулись на ряд препятствий. Это прежде всего понимание культуры в ее сущностных характеристиках. Выдающийся французский исследователь Абрахам Моль насчитал в начале 1970-х гг. свыше 250 определений культуры [1, с. 35]. Ныне, почти полвека спустя, число этих определений, вероятно, доходит до полутысячи.

Нельзя сказать, что советские ученые до перестройки не занимались проблемами исследования культуры. Так, работы С. Артановского, Э. Соколова, Э. Маркаряна [2–4] намного опередили свое время.

С середины 1990-х гг. на постсоветское пространство хлынул целый поток книг по культурологии (главным образом учебных пособий). При этом следует отметить лишь немногочисленные примеры позитивных достижений в области качественного культурологического знания.

Так, книга В. М. Розина [5] написана с использованием психологического подхода к явлениям культуры; в пособии П. С. Гуревича [6] культурология трактуется как интегральное выражение гуманитарных знаний, в нем также затрагиваются этнонациональные аспекты проявления культур; в книге Ю. В. Рождественского [7] несколько смещается понятие самого культурологического знания – автор предпочитает говорить о приобщении к «ведению» фактов и проявлений культуры. В этих лучших работах 1990-х гг. представлены и авторские концепции понимания культуры, содержания культурологии как специфической учебной дисциплины.

В начале 1990-х гг. учебные пособия по культурологии публикуются и в Украине. Одна из первых удачных книг, изданных во Львове в 1992 г. [8], содержит в себе три основополагающих раздела – теория культуры, история мировой культуры и история украинской культуры.

В конце 1990-х гг. выходят в свет и белорусские учебники по культурологии. Вслед за пионерскими публикациями в области истории белорусской культуры, белорусского самосознания и белорусской идентичности [9–13] в 2000-х гг. появляются пособия, которые охватывают довольно обширную проблематику культурологических проблем [14–17].

Впрочем, культурологическая проблематика решается и в большинстве новых учебников в России. Примером может служить одно из содержательных учебных пособий последних лет (Пивоев В. М. Культурология: введение в историю и теорию культуры. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014). В большинстве работ, как правило, излагаются в крайне сокращенном виде теоретико-

методологические установки по изучению культуры, затем следует рассмотрение обширных исторических этапов развития, главным образом мировой (с акцентом на европейскую) культуры. В лучших пособиях обнаруживается глава, посвященная отечественной культуре.

В то же время на сегодняшний день разработка теоретических проблем культуры, как и понятийного аппарата самой культурологии, заметно отстаёт от общих потребностей в гуманитарном знании ныне, в приближении к 20-м гг. XXI в.

Во многом это связано с многозначностью основополагающего понятия «культура». Выше уже отмечалось лавинообразное нарастание дефиниций культуры, за каждой из которых стоит концептуальная разработка в плане изучения этого многосложного феномена. Известный социолог Л. Ионин в книге «Социология культуры» излагает методологические принципы классификации дефиниций культуры, по которым строили свою систему американские исследователи А. Кребер и К. Клакхон. Они разделили все определения культуры на шесть основных групп (от A до F), причем некоторая дифференциация существует и внутри групп.

Эта систематизация включала в себя:

a) описательные определения, в которых упор делается на перечисление всего того, что охватывает понятие культуры. Родоначальником такого понимания культуры является знаменитый антрополог Э. Тайлор;

b) исторические определения, в которых акцентируются процессы социального наследования, традиция;

c) нормативные определения. Эти определения делятся на две группы. Первая – определения, ориентирующиеся на идею образа жизни… Вторая – определения, ориентирующиеся на представления об идеалах и ценностях;

d) психологические определения, в которых упор делается либо на процесс научения (D – II), либо на формирование привычек (D – III). Индексом D – IV Кребер и Клакхон обозначают «чисто психологические определения»;

e) структурные определения, в которых внимание акцентируется на структурной организации культуры;

f) генетические определения, в которых к культуре подходят с позиции её происхождения.

Эти определения разделяются на четыре группы: F – I, в которых культура рассматривается как продукт или артефакт; F – II, где упор делается на идеях; F–III – подчеркивается роль символов; F – IV – культура определяется как нечто, происходящее из того, что не есть культура…

Каждое из этих многообразных определений сосредотачивается на какой-то одной стороне, характеристике, качестве культуры [18, с. 15–17].

Из сказанного очевидно, какой сверхсложный феномен представляет собой культура. Однако это, на наш взгляд, не означает, что не должны продолжаться поиски целостного определения культуры. В этом плане не могут удовлетворить и максимально широкие философские абстракции по поводу онтологического или антропологического статуса культуры, «как и вытекающие из них усеченные дефиниции культуры в качестве реального способа связи природного и социального в человеческом бытии» [19, с. 46].

Не менее актуальной остается проблема сущностной природы культуры и источников её развития. Если суммировать теоретические воззрения на формирование культуры в отечественной литературе, исключив такие, отдельно стоящие подходы, как структурно-семиотический (идущий от московско-тартусской школы во главе с Ю. М. Лотманом; в Беларуси его разделяет В. В. Поздняков), синергетический (отчетливо выраженный в отдельных работах академика В. С. Степина и его последователей [20]; в Беларуси приверженцами этого подхода являются Э. М. Сороко, Т. Д. Мдивани), а также ряд частных подходов, например, «диалогический» (М. М. Бахтин, В. С. Библер), то, с нашей точки зрения, останутся три основных, магистральных варианта.

В первом из них акцентируется социальная природа культуры, вытекающая из конкретно-исторического и социально-детерминированного деятельного существования общества (Л. Коган, В. Конев, Е. Вавилин, Ф. Фафанов и др). В Беларуси этот подход на очень высоком научном уровне реализует в своем научном творчестве, посвященном проблематике развития культуры, академик Е. М. Бабосов.

Вторая основополагающая парадигма в рассмотрении проблематики культуры – деятельностный подход в историческом прогрессе (Э. Баллер, В. Межуев, Н. Злобин), подкрепляемый последовавшей на переломе 1980–1990-х гг. более точной разработкой понятия «деятельность» (Э. Маркарян, М. Каган, Л. Буева, В. Давидович, Ю. Жданов). Этот подход был столь популярен в Беларуси в конце XX века, что им пользовались не только философы и социологи, но он превалировал и в психологических и педагогических исследованиях.

Наконец, третьим магистральным подходом, обнажающим сущностную природу культуры и намечающим пути её гармоничного развития, выступает аксиологический подход, который провозглашает, что культура есть «мир воплощенных ценностей» (Н. Чавчавадзе). Эти идеи, судя по литературе, разделяют С. Анисимов, Е. Богомолова, Г. Выжлецов, О. Белый, А. Гайжутис.

В Беларуси аксиологическую методологию как основополагающую в плане исследования проблем культуры используют Н. И. Крюковский и В. А. Максимович. И, разумеется, автор этих строк, который полагает, что аксиологический подход в исследовании и постижении феноменов культуры становится безальтернативным, поскольку исходное понятие – ценность в качестве значимости объекта для субъекта – соединяет созданное человеком в его культуротворчестве с его отношением к действительности, с его глубинным личностным переживанием и оценкой ценностного смысла явлений духовного бытия.

Поэтому совершенно неправомерной представляется автору точка зрения сторонников «дезаксиологического» подхода (имевшего место в отечественной философии в конце 1980-х гг., представители которого отрицали оценочные реакции субъекта, выставляя в качестве альтернативы собственный «моноцельный» подход, позволяющий исследованию быть четко выверяемым в логических параметрах), поскольку оказываются элиминированными чувственные компоненты, в снятом виде выражающие человеческое отношение к предметам и явлениям, составляющим основу аксиологического подхода.

В этом плане критике может подвергаться и «пандеятельностный» подход, ядро которого составляет отражательно-познавательный каркас, где естественно, снимаются эмоционально-чувственные компоненты, «препятствующие» постижению объективной реальности. Это объясняет, почему реализация проективной человеческой деятельности оказывается порой вне сферы культуры: она отчуждается от духовной природы человека, его миросозерцания и мироощущения. Последовательно проведенная логика осмысления гносеологической природы знания приводит М. С. Кагана к идее исключения истины (в отличие от Добра и Красоты) из структуры ценностного поля, хотя он замечает, что между истиной и ценностью существуют разноплановые взаимодействия [21, с. 69–72].

Разумеется, Знание добывается в процессе межобъектных отношений, но вводится в систему общественного сознания, в реальное бытие культуры как необходимая (по своей дополнительности относительно к ценностному отношению) её часть. «Чистые» формы науки, конечно, построены исключительно на гносеологическом «субстрате», что чётко показано В. С. Степиным в его философском учении о развитии науки (раздел, касающийся «классического» периода науки).

Однако в той же доктрине, в разделе, касающемся «постнеклассической» (т. е. современной) науки, допускается и воздействие субъектного фактора на познавательный процесс. Речь идет, главным образом, о фундаментальной науке, т. е. о круге «естественных» наук. Однако в гуманитарных науках знание передается через отношение, с включением эмоционального фактора и, в конечном счете, через оценивание человека.

В оценочной «востребованности» проявляются и достижения науки, которые несут на себе результат человеческого духовного усилия. Вот почему она как институт по созданию знаний, в глобальном плане представляющий несомненную ценность для человечества, является одной из ведущих подсистем общей системы культуры. Заметим, что исключение истины из ядра культуры характерно и для теософских учений (особенно религиозно-философских доктрин Востока), которые стремятся элиминировать рационально-критический подход из человеческого отношения, апеллируя непосредственно к природному человеческому чувству.

Все эти «нестыковки», несоответствия и определенные сложности могут и должны сниматься при углубленном современном аксиологическом поиске, столь, на наш взгляд, плодотворном в обнаружении непреходящей связи человека и культуры.

Именно глубинное осмысление сущности человеческого бытия возможно через созданную человеком (этносом, человечеством) культуру, через ценности, которые она заключает в себе, и через их оценку в свете изменяющегося времени.

«В ценностях, – замечает Н. Чавчавадзе, – мы видим цели и средства культуротворческой деятельности человека, а в культуре – преобразование человеком себя и всего мира сообразно определенным ценностям» [22, с. 6].

Аксиология, как известно, является философским учением о ценностях, главным образом о теории ценностей. Такова классическая трактовка этой специфической области философского знания. «Крестный отец» аксиологии Р. Г. Лотце в 1860–1870-х гг., выделяя аксиологическую проблематику в специальную область философии, определяет три основных рядоположенных сферы, которые основополагающим образом влияют на характер человеческой жизнедеятельности: действительность, истинность и ценность. Принципиально важным является то, что ценностный мир он связывает с высшими духовными идеалами человеческого бытия.

В советской философии разработка аксиологической проблематики начинается с 1960-х гг. Ныне, уже в XXI столетии, можно констатировать, что усилиями ленинградской школы (В. Тугаринов, М. Каган, близкий к ней Л. Столович и др.), тбилисской (Н. Чавчавадзе, О. Бакурадзе, Г. Бандзеладзе, В. Квачахия и др.), московской (С. Анисимов, Ю. Борев, О. Дробницкий, М. Киссель; под словами «и другие» следует понимать и небольшую школу аксиологии в МГУ, куда кроме С. Анисимова можно отнести А. Гайжутиса и автора этих строк) наработаны определенные достижения, которые существенно сокращают более чем полувековое отставание в этой области от мировой философской мысли.

Советская аксиологическая школа в подавляющем своем большинстве постулировала в качестве центральной проблемы в аксиологии проблему ценности. Марксистская философская традиция, как утверждал в своих работах В. Тугаринов, в аксиосфере делала акцент на ценностном отношении, выделяя объектные характеристики как самих явлений, так и их свойств, равнозачисляемых в разряд ценностей [23, с. 11]. На предметных свойствах ценностного отношения как определяющей системе общеаксиологического подхода акцентировал своё внимание и Стефан Моравский, подчеркивающий, что ценностный субстрат не может возникнуть из инструментария исследовательского процесса, но из «оснований предмета исследования, из истинности и особенностей ценностей (этических или эстетических) и соответствующих им оценок» [24, с. 46]. Однако в русле той же знаменательной дискуссии о ценностях и оценках в польской философии 1967 г. появились соображения относительно того, что оценка не является просто ответом на ценность. Собственно оценка, как предположил П. Графф, «должна основываться на чем-то внешнем по отношению к тому, что оценивается, а именно на более общем критерии» [25, с. 87].

Автор этих строк с начала 1970-х гг. предпринимал попытки дифференцировать ценностное и оценочное отношения; при всей своей близости они сохраняют, по мнению автора, и известное различие, обладая в то же время и определенной спецификой и суверенностью. В 1990-е гг. автор, развивая эти идеи, постулирует новое, более объемное понимание термина «аксиология».

В новом, «неоаксиологическом» смысле термин включает в себя не только теоретико-ценностный, но и практико-ориентированный подход [26, с. 15]. Дальнейшая разработка концепции привела к постулированию понятия «аксиологического поля», представляющего собой «синтез ценностно-оценочных связей, полюса которых обусловлены аксиологическим наполнением двух основополагающих структур – ценностью, вернее, объектной структурой, которая выступает в качестве носителя ценности, и оценкой, вернее носителем оценки. Как видим, аксиологическое отношение представляет собой классическое объект-субъектное отношение. Но в реалиях функционирования аксиологического поля не последнюю роль играет так называемое “аксиологическое притяжение”, которое в каждом конкретном случае определяет доминантную роль либо объектно-ценностного, либо субъектно-оценивающего начал» [27, с. 268].

Сегодня после утверждения концепции неоаксиологии на ряде международных философско-эстетических форумов (Минск – 2006, 2009, 2010; Москва – 2006, 2010; Вильнюс – 2011, Санкт-Петербург – 2013, Краков – 2013) можно с достаточной долей достоверности утверждать, что именно неоаксиологический подход может оказаться ведущим методологическим инструментарием,

новым и действенным средством исследования различных форм и пластов культуры, адекватным образом выявляя их специфику, глубину и роль в культуротворческой деятельности человека.

С нашей точки зрения, альтернативы этой методологии нет, поскольку мы понимаем культуру как тонкую духовную систему, в которой с наибольшей силой проявляются ценностно-оценочные связи людей к миру, социуму, своему «ближнему кругу» и своему внутреннему миру. Культура – это характеристика человеческого общества. Она не наследуется биологически, но предполагает обучение и накопление опыта восприятий культурных феноменов.

Культура напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (по большей части посредством языка) и посредством художественных образов (это касается, главным образом, искусства). Разумеется, в культуре существуют нормы и некоторые её части (религиозная культура, нравственная культура) строятся в ценностной ориентации на этих нормах. Выше уже отмечалось огромное количество дефиниций культуры. С нашей точки зрения, и в XIX, и в XX веке были сформулированы две дефиниции, которые с достаточной силой отражают сущностную природу культуры. Одна из них, данная выдающимся этнографом и теоретиком культуры Э. Б. Тайлором, представляется нам исходной и не потерявшей своей значимости для современного культурологического знания: «Культура, или цивилизация в широком этнографическом смысле, слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [28, с. 18].

В XX веке А. Швейцер сформулировал несколько иное понимание проблемы: «Культура – это итог всех достижений отдельных лиц и всего человечества во всех областях и по всем аспектам в той мере, в какой эти достижения способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу» [29]. И ещё: «Нормальное осознание значимости культуры налицо только там, где проводится различие между существенным и несущественным в культуре. Конечно, и тот, и другой прогресс носит духовный характер, в том смысле, что оба зиждятся на духовных достижениях человека» [29, с. 56].

Нетрудно заметить, что в приведенных дефинициях Э. Тайлора и А. Швейцера акцентируется духовное содержание понятия «культура». Такой подход полностью отвечает нашим взглядам. С нашей точки зрения, культура в простейшем выражении являет собой духовный отблеск (духовное отражение) сущности бытия народа (этноса) и человека (в глобальном измерении – духовное отражение сущности человечества).

Культура – это прежде всего результат деятельности многих поколений людей; но это и осмысление результатов этой деятельности, чувственное ощущение и переживание феноменов культуры, воздействие сфер социального и духовного на людей. Культура – это свет духовного и зеркало души народа и человека.

Весьма непросто определить сферы проявления культуры. Марксистская философия четко делила культуру на две взаимосвязанных части: материальную и духовную (впрочем, духовное в этой интерпретации вытеснялось и подавлялось социальным). О том, что эти традиции имеют продолжение и в наше время, можно судить и по современным публикациям в научной литературе. Так, в книге Н. И.Крюковского [30] находим деление культуры на три части: материальную, духовную и художественную (как будто последняя не формируется на духовном стержне?).

С нашей точки зрения, материальное есть основание общественной жизни, оно создает фундамент для развития культуры, но лишь частично и входит в ареал культуры. Конечно, и материальные ценности создаются людьми и не порождаются в готовом виде природой. Но они свидетельствуют не о своеобразии духовного самовыражения, а об уровне удовлетворения материальных потребностей людей. Здесь речь может идти скорее не о культуре, а о цивилизации. Проблема дифференциации культуры и цивилизации представляется нам одной из основополагающих в культурологическом знании.

Она имеет мощную культурологическую традицию, присутствуя и определяя доктрины Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби.

На наш взгляд, принципиальное отличие заключается в том, что круг культуры составляет духовное, круг цивилизации составляют материальное и частично социальное начала.

Завершая рассмотрение этой проблемы, резюмируем: культура – это выражение духовной сущности человека и духовная связь поколений людей; цивилизация – это уклад бытия людей и производство вещей. Как точно заметил писатель М. Пришвин, «культура – это связь людей, цивилизация – это сила вещей».

Существенно одно дополнение – понятие «духовное», согласно многовековой славянской культурной традиции (и это отчетливо выражено во всех трех восточнославянских языках), употребляется в тесной связи с религией, храмом. Мы, разумеется, предлагаем современное, светское понимание понятия.

В этом плане духовность – социокультурный феномен, содержательными характеристиками которого являются освоение высших духовных ценностей (обществом и человеком) и свободное владение ими в целях человеческого совершенствования.

Основополагающие высшие духовные ценности, на наш взгляд, составляют ядро культуры; они выступают одновременно вечными (непреходящими) ее основаниями. Это сферы, связанные с понятиями Истина, Вера, Добро и Красота [31]. В обществе испокон веков существуют и институции, которые продуцируют эти ценности: школа (позже – университет), церковь или костел (в белорусских религиях), семья (основополагающая структура нравственного воспитания), искусство (основная институция по производству эстетических и художественных ценностей).

Подобное рассмотрение нами оснований содержания сущностной природы культуры позволяет предложить дефиницию этого сложного и многостороннего феномена: «Культура являет собой совокупность духовных ценностей, процесс их создания, освоения и оценки как обществом, так и отдельным человеком (личностью)» [31, с. 31].

…И теперь о заглавии этой статьи. Книга известного советского философа М. Мамардашвили носила название «Как я понимаю философию». В заглавном материале книги философ рассуждает о природе философии, «о природе того гуманитарного знания или гуманитарной искры, ее какой-то производящей духовной клеточки, которая описывается в понятиях философии и связана с духовным развитием личности» [32, с. 14].

Автор этих строк, отталкиваясь от предмета новой гуманитарной науки, которая по своей природе в качестве «духовной клеточки» призвана соединять человека с созданным его творчеством миром и сделать это сущностно и гармонично, решается на такое понимание этой новой сферы гуманитарного знания: «Культурология – это гуманитарная наука о культуре, о наиболее общих закономерностях ее развития; о феноменах культуры, об их создании, бытии, значимости и оценке с точки зрения человеческого существования» [31, с. 17].

Здесь следует сделать акцент на том, что культурология должна быть суверенной наукой о культуре. Как известно, практически все гуманитарные науки нацелены на изучение культуры, разных ее частей и сторон; культурология же должна исследовать культуру в целом как специфический, особого свойства феномен; культурологическая методология должна быть способна интегрировать знания о культуре и ее явлениях, полученные другими гуманитарными дисциплинами. Наконец, только культурология способна выявить закономерности развития культуры в ее различающихся сферах и формах, как и оценить место и роль отдельных культурных феноменов по широкой шкале – от отдельно взятого индивида и динамики субкультуры до развития национальной культуры и высших достижений мировой культуры.

Не следует забывать и о задачах культурологии, каковыми являются приобщение людей к культуре, постижение ее ценностей, погружение в глубины культуры, совмещение ритма ее бытия с ритмом жизнедеятельности каждой отдельно взятой личности.

Сверхзадача культурологии заключается в освоении человеком (обществом) ценностей культуры, формировании его в качестве заинтересованного реципиента культуры, активного субъекта культуры, ее носителя (творца).

Специфика культурологического отношения к миру заключается в том, что здесь система знаний обязательно должна дополняться системой пережитого и освоенного опыта личности в общении с объектами и ценностями культуры. Этот опыт, с философской точки зрения, может быть понят как основа непонятийного знания о мире. В основе такого непонятийного знания лежат, как правило, эмоции, чувства, поэтому в конечном итоге уровень эмоциональной культуры человека –

это во многом характер и качество его бытийного, познавательного и культурного опыта. Заметим, что из основополагающих сфер культуры, составляющих ее ядро, большая часть определяется именно уровнем переживания (таковыми являются религиозная и эстетическая сферы), т. е. они напрямую могут быть обусловлены эмоциональным потенциалом человека. Общеизвестно, что бытие в культуре (созидание ли, потребление ли ее ценностей) являет собой творческий процесс. А он во многом зиждется на эмоциональной основе и невозможен без элементов воображения и фантазии.

Культурология – достаточно молодая наука. Еще окончательно не определены ее категориальная система, соотношение между типами культур и субкультурами, механизмы восприятия ценностей культуры и ее оценки, специфика национального круга культуры, взаимоотношение и взаимодействие культур и т. д.

Более или менее разработаны предметная часть культурологии (ориентация на понимание культуры), историческая типология культур.

Конечно, особо остро стоит вопрос о применении методологии в культурологии. Полагаем, что разработанный нами неоаксиологический подход может оказаться наиболее эффективным для исследования континуума культурологической реальности, особенно в сферах культур повышенной сложности: «В религиозной, как и нравственно-этической сфере культуры исключительно важной оказывается роль ценностного притяжения, оценочные компоненты которого временами выходят на первый план. Так, нравственное сознание, исходным импульсом которого является общее основание морали, все же допускает определенную свободу нравственного выбора (и, следовательно, активность оценочного отношения).

…Эстетическое отношение (в силу моноцельности эстетической ценности) представляет собой конструкцию, где ценностное отношение может занимать доминирующую роль; аксиологическое поле художественного выстраивается (на основе полифункциональной структуры художественной ценности) на доминантной основе оценочного отношения.

…Все эти закономерности, как и другие аспекты, возникающие в динамике развития культуры, с достаточной силой проявляются сквозь призму неоаксиологии, которая придает движению структуральных полей культуры органичную полнокровность и завершенность» [33, с. 68–69].

Однако в каждой из своих трех частей – *фундаментальной* культурологии (обобщенно-теоретическое знание о культуре), *исторической* культурологии (специфика региональных и национальных культур в историческом процессе) и *прикладной* культурологии (культурно-просветительная работа и реабилитация в современном культурном процессе) необходимо, на наш взгляд, приложить много усилий для выведения новой гуманитарной науки на должный научный уровень, когда ее суверенность не будет подвергаться сомнению, когда она станет подлинным цементирующим стержнем, собирающим в единое целое знание других многочисленных гуманитарных наук о культуре, когда она, согласно постулатам Н. С. Рериха, одного из величайших апостолов мировой культуры, сможет собрать воедино «…все определения культуры» и тем самым набрать «синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты».

Тогда и сама культурология превратится (на этом и зиждятся наши надежды) в культуроведение – мощный инструмент по совершенствованию человека, по взращению в нем гуманизма и созидательного, творческого начала. В нашем понимании в этом, кроме всего прочего, и заключается высшее предназначение науки.

Список использованных источников

1. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – 407 с.

2. Артановский, С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур / С. Н. Артановский. – Л.: Просвещение, 1967. – 268 с.

3. Соколов, Э. В. Понятие, сущность и основные функции культуры / Э. В. Соколов. – Л.: ЛГИК, 1989. – 81 с.

4. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

5. Розин, В. М. Введение в культурологию / В. М. Розин. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 104 с.

6. Гуревич, П. С. Культурология / П. С. Гуревич. – М.: Знание, 1996. – 288 с.

7. Рождественский, Ю. В. Введение в культуроведение / Ю. В. Рождественский. – М.: Добросвет, 2000. – 286 с.

8. Горбач, Н. Я. Теорія та історія світової і вітчизняної культури: підручник / Н. Я. Горбач, С. Д. Гелей. – Львів: Каменяр, 1992. – 166 с.

9. Конан, У. М. Беларуская культура. Гістарычны нарыс (X ст.–1917 г.) / У. М. Конан // Адукацыя і выхаванне. – 1994. – №10. – С. 24–37.

10. Качаноўскі, У. У. Гісторыя культуры Беларусі / У. У. Качаноўскі. – Мінск: Экаперспектыва, 1994. – 162 с.

11. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1997. – 419 с.

12. Мікуліч, Т. М. Мова і этнічная самасвядомасць / Т. М. Мікуліч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1996. – 159 с.

13. Салееў, В. А. Нацыянальная самасвядомасць і мастацкая культура / В. А. Салееў. – Мінск: Знание, 1990. – 22 с.

14. Салеев, В. А. Введение в культурологию / В. А. Салеев. – Мозырь: Мозырский гос. пед. ун-т, 2004. – 96 с.

15. Культурология: теория и история культуры / под общ. ред. И. Е. Ширшова. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 491с.

16. Культурология : учебное пособие для вузов / С. В. Лапина, Е. М. Бабосов, А. А. Жарикова, И. М. Клецкова, С. Н. Мизякина, И. А. Лапина ; под общ. ред. С. В. Лапиной. − Минск : ТетраСистемс, 2003. − 495с.

17. Мартысюк, П. Г. Культурология : пособие для студентов вузов / П. Г. Мартысюк, С. В. Масленченко. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 272 с.

18. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М.: ЛОГОС, 1996. – 280 с.

19. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.

20. Степин, В. С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма / В. С. Степин // Синтез философии, науки, культуры : к 80-летию академика В. С. Степина / редкол. А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2014. – С. 448–462.

21. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.

22. Чавчавадзе, Н. З. Культура и ценности / Н. З. Чавчавадзе. – Тбилиси, 1984. – 142 с.

23. Тугаринов, В. П. Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 124 с.

24. Morawski, S. Dyskusja “Wartosci I oceny” / S. Morawski // Studia filozoficzne. – 1967. – № 4. – P. 43–56.

25. Graff, P. O prwomocnosci ocen / P. Graff // Studia filozoficzne. – 1967. – № 4. – P. 83–99.

26. Салеев, В. А. Аксиологические основания национальной художественной культуры : дис. … д-ра филос. наук: 09.00.04 / В. А. Салеев. – М., 1991. – 352 с.

27. Салеев, В. А. Неоаксиология: становление философской доктрины / В. А. Салеев // Inveniens quaero. Jeskoti, rasti, nenurinti. – Vilnae. – Vilnius, 2011. – P. 261–271.

28. Тайлор, Б. Первобытная культура / Б. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

29. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.

30. Крукоўскі, М. І. Філасофія культуры. Уводзіны ў тэарэтычную культуралогію: вучэбны дапаможнік для студэнтаў гуманітарных спецыяльнасцей ВНУ / М. І. Крукоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – 190 с.

31. Салеев, В. А. Введение в культурологию: пособие: в 2 ч. / В. А. Салеев. – Мозырь: Мозырский гос. пед. ун-т, 2004. – Ч. 1. – С. 46–53.

32. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

33. Салеев, В. А. Неоаксиология и структуральные поля культуры / В. А. Салеев // Культура. Наука. Творчество: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 апр. 2007 г. – Минск, 2008. – С. 66–69.

References

1. Mol’ A. *Sociodynamics of culture*. Moscow, Progress Publ., 1973. 407 p. (in Russian).

2. Atranovskii S. N. *Historical unity of mankind and mutual influence of cultures*. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 268 p. (in Russian).

3. Sokolov E. V. *Concept, essence and main functions of culture*. Leningrad, Leningrad State Institute of Culture, 1989. 81 p. (in Russian).

4. Markaryan E. S. *Theory of Culture and Modern Science*. Moscow, Mysl’ Publ., 1983. 284 p. (in Russian).

5. Rozin V. M. *Introduction to Culturology*. Moscow, International Pedagogical Academy, 1994. 104 p. (in Russian).

6. Gurevich P. S. *Culturology*. Moscow, Znanie Publ., 1996. 288 p. (in Russian).

7. Rozhdestvenskii Yu. V. *Introduction to Cultural Studies*. Moscow, Dobrosvet Publ., 1996. 288 p. (in Russian).

8. Gorbach N. Ya., Geley S. D. *Theory and history of world and national culture*ю Lviv, Kamenyar, 1992. 166 p. (in Ukrainian).

9. Konan U. M. Belarusian culture. Historical description (20th century – 1917). *Adukatsyya i vykhavanne* [Education and training], 1994, no. 10, pp. 24–37 (in Belarusian).

10. Kachanouski U. U. *History of Belarusian Culture*. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1994. 162 p. (in Belarusian).

11. Lych L., Navitski U. *History of Belarusian Culture*. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1996. 419 p.(in Belarusian).

12. Mikulich T. M. *Language and Ethnic Identity*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1996. 159 p. (in Belarusian).

13. Saleeu V. A. *National self-awareness and artistic culture*. Minsk, Znanie Publ., 1990. 22 p. (in Belarusian).

14. Saleev V. A. *Introduction to Culturology*. Mozyr, Mozyr State Pedagogical University, 2004. 96 p. (in Russian).

15. Shirshov I. E. Balandin K. I., Kachanovskii V. V. *Culturology: Theory and History of Culture*. Minsk, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2004. 491 p. (in Russian).

16. Lapina S. V., Babosov E. M., Zharikova A. A., Kletskova I. M., Mizyakina S. N., Lapina I. A. *Culturology*. Minsk, TetraSistems Publ., 2006. 495 p. (in Russian).

17. Martyisyuk P. G., Maslenchenko S. V. *Culturology*. Minsk, TetraSistems Publ., 2011. 272 p. (in Russian).

18. Ionin L. G. *Sociology of culture*. Moscow, LOGOS Publ., 1996. 280 p. (in Russian).

19. Kagan M. S. *Philosophy of culture*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 415 p. (in Russian).

20. Stepin V. S. Post-nonclassical rationality and synergetic paradigm. *Synthesis of philosophy, science, culture: To the 80th anniversary of Academician V. S. Stepin*. Minsk, Belarusian State University, 2014, pp. 448–462 (in Russian).

21. Kagan M. S. *Philosophical theory of value*. St. Petersburgб Petropolis Publ., 1997. 205 p. (in Russian).

22. Chavchavadze N. Z. *Culture and values. Tbilisi*, 1984. 142 p. (in Russian).

23. Tugarinov V. P. *Theory of values in Marxism*. Leningrad, Leningrad University Press, 1968. 124 p. (in Russian).

24. Morawski S. Dyskusja "Wartosci I oceny" [Values and Value Judgments. Diskussion]. *Studia filozoficzne*, 1967, no. 4, pp. 43–56 (in Polich).

25. Graff P. O prwomocnosci ocen [On the Validity of Value Judgments]. *Studia filozoficzne*, 1967, no. 4, pp. 83–99 (in Polich).

26. Saleyev V. A. *Axiological foundations of national artistic culture*. Moscow, 1991. 352 p. (in Russian).

27. Saleyev V. A. Neoaxiology: the emergence of philosophical doctrine. *Inveniens quaero. Jeskoti, rasti, nenurinti*. Vilnae, Vilnius, 2011, pp. 261–271 (in Russian).

28. Taylor B. *Primitive culture*. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 573 p. (in Russian).

29. Schweitzer A. *Reverence for Life*. Moscow, Progress Publ., 1992. 576 p. (in Russian).

30. Krukouski M. I. Philosophy of culture. Conducting into theoretical cultural studies. Minsk, Universitetskae Publ., 2000. 190 p. (in Belarusian).

31. Saleyev V. A. *Introduction to Culturology. Part 1*. Mozyr, Mozyr State Pedagogical University, 2004, pp. 46–53 (in Belarusian).

32. Mamardashvili M. *How i understand philosophy*. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (in Russian).

33. Saleev V. A. Neoaxiology and structural fields of culture. *Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 19–20 apr. 2007 g.* [Culture. The science. Creativity: materials of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, 19–20 April. 2007]. Minsk, 2008. pp. 66–69 (in Russian).

Информация об авторе

Салеев Вадим Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vas@telegraf.by

Information about the author

Vadim A. Saleyev – D. Sc. (Philos.), Professor, Chief Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: vas@telegraf.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 297.17 (091)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-273-279

Поступила в редакцию 14.11.2018
Received 14.11.2018

Д. М. Зайцев

Белорусская государственная академия связи, Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА В БУДДИЗМЕ

Аннотация. Интерес к буддизму в современном мире с каждым годом только возрастает, и причины этого кроятся как в глобализационных процессах, так и некой тайной привлекательности этого древнего учения. В статье рассматривается буддийское паломничество как важнейшая часть религиозной жизни приверженцев данной мировой религии. Анализируются вопросы возникновения и развития этого явления. Многочисленные примеры показывают разнообразие паломничества в буддизме. Отмечается, что деятельность и наследие паломников являются важным материалом для изучения культуры этой духовной цивилизации. Выделяются наиболее посещаемые религиозные объекты: сакральные города, особые священные храмы, захоронения, места кремации ушедших Учителей. Для сотен миллионов верующих буддистов трепетное отношение к объекту поклонения служит накоплению благодати, а тот или иной праведник является заступником, который помогает человеку прервать цикл перерождений.

Цель исследования – выявить особенности буддийского паломничества, показать влияние исторических, географических, культурных факторов на их формирование. Статья может быть полезна для решения насущных проблем взаимодействия с представителями мира глубоко духовной буддийской цивилизации.

Ключевые слова: паломничество, буддизм, Трипитака, сансара, Паринирвана, медитация, культура

Для цитирования. Зайцев, Д. М. Особенности традиционного паломничества в буддизме / Д. М. Зайцев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 273–279. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-273-279

D. M. Zaitsev

Belarusian State Academy of Communications, Minsk, Belarus

PECULIARITIES OF TRADITIONAL PILGRIMAGE IN BUDDHISM

Abstract. The article considers the Buddhist pilgrimage as the most important part of the religious life of adherents of this world religion. The questions of the origin and development of this phenomenon are analyzed. Numerous examples show the diversity of pilgrimage in Buddhism. It is noted that the activities and heritage of pilgrims are an important material for studying the culture of this spiritual civilization. The most visited religious objects are allocated: sacred cities, special sacred temples, burial places, places of cremation of the departed Teachers. For hundreds of millions of Buddhist believers, a reverent attitude to the object of worship serves the accumulation of grace, and this or that righteous person is an intercessor who helps a person to break the cycle of rebirth.

The purpose of the study is to reveal the peculiarities of Buddhist pilgrimage, to show the influence of historical, geographical, cultural factors on their formation. This work can be useful for solving pressing problems of interaction with representatives of the world of a deeply spiritual Buddhist civilization.

Keywords: pilgrimage, Buddhism, Tripitaka, samsara, Parinirvana, meditation, culture

For citation. Zaitsev D. M. Peculiarities of traditional pilgrimage in Buddhism. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 273–279 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-273-279

Введение. В настоящее время особый интерес во всем мире проявляется к восточным духовным учениям и практикам. В числе наиболее востребованных вероисповеданий, несомненно, следует назвать буддизм, старейшую из трех мировых религий, появившуюся в первом тысячелетии до нашей эры на границе современных Индии и Непала. Сегодня буддийский мир охватывает многие страны Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, а также ряд регионов России. Существует множество буддийских храмов и общин в государствах Западной Европы, США. По оценкам специалистов, буддистов в современном мире насчитывается около пятьсот миллионов, абсолютное большинство из которых – жители Азии. На территории России последователи буддизма в основном проживают в Бурятии, Туве, Калмыкии, Якутии, Хакасии и на Алтае. Небольшое количество буддистов имеется и на территории Республики Беларусь.

© Зайцев Д. М., 2018

Паломничество в буддизме заключается в посещении святых мест для получения духовных результатов, поклонении и выражении почтения высшим силам. В каноне сказано, что паломник – это тот, кто отказался от мира, а места паломничества возвышаются лесенками в небо.

Основная часть. Буддийские объекты паломничества могут быть разделены на следующие категории: священные места, связанные с важными этапами в жизни основателя религии Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни; священные места, связанные с выдающимися Учителями, бодхисаттвами и мастерами буддизма; священные места, связанные с буддизмом как религией, его историей и культурой; священные места, в которых продолжается буддийская жизнь и сегодня. Сам Сиддхартха завещал своим последователям посещать определенные пункты, связанные с главными вехами его земной жизни, однако эти завещания являются скорее рекомендациями, чем постулатом, требующим непременного исполнения.

Тело основателя религии Будды Гаутамы после его ухода в Паринирвану было кремировано, останки разделены на восемь частей и помещены в ступы. Паломничества в буддизме начались именно с поклонения останкам Будды. Со временем стали почитаться и статуи Сиддхартхи. В своем путевом дневнике под заголовком «Доклад о буддийских королевствах» Фа Сянь сообщает о первой буддийской статуе: «Будда поднялся высоко в обитель богов Траятримша и учил Дхарме на благо своей матери. Ожидая возвращения Будды, король Прасенаджит изготовил из сандала его статую и поставил ее на место, обычно занимаемое Буддой. Вернувшись в монастырь, Будда сказал вышедшей его приветствовать статуе: «Ступай назад, на свое место. Когда я уйду в Паринирвану, ты будешь олицетворять меня для четырех классов моих учеников». И тогда статуя вернулась на прежнее место. Это было самое первое изображение Будды, и с тех пор люди его повторяют» [1].

Согласно данному источнику, Будда не только разрешил почитать собственную статую при жизни, но и дал указание о том, что должно служить образцом для всех последующих изображений. Подтверждением этому служит и разрешение Сиддхартхи королю Бимбисаре сделать свое изображение. Также Будда настоятельно подчеркнул очень полезное действие этой картины.

Особое значение для последователей Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни имеют четыре главных центра почитания Будды, которые сегодня широко известны и разрекламированы. В 1896 году непальские археологи откопали на территории городка Лумбини каменную колонну с надписями царя Ашоки, а также записями китайского паломника, которые помогли идентифицировать место рождения Сиддхартхи Гаутамы. Рядом находятся руины дворца, где он жил до двадцати девяти лет. В этом небольшом поселении расположен крупный храмовый комплекс, так называемый «Священный сад». Сегодня в Лумбини действуют более двадцати монастырей. Свой храм или реликварий здесь может установить любая страна мира, где хотя бы часть населения исповедует буддизм. В храмовом комплексе можно увидеть святилища и монастыри Таиланда, Китая, Японии, Германии, Франции. Здесь регулярно проходят семинары и конференции, выступления буддийских Учителей. Сам городок разделен на две части – восточную и западную. В восточной части расположены монастыри ранней буддистской школы Тхеравада, а в западной – монастыри, относящиеся к школам Махаяна и Ваджраяна. Центром же комплекса является храм, который носит имя Майи Деви, матери Сиддхартхи [2]. Неподалеку от храма находится священный водоем Пушкарини, в котором, по легенде, Майя Деви приняла омовение незадолго до рождения Будды.

В Бодхгая Будде Гаутаме после трех суток непрерывной медитации было ниспослано просветление, именно тогда он нашел ответы на все свои вопросы. Это место зафиксировано во многих документах и надписях, в основном в рассказах китайских паломников. Центром привлечения паломников является находящийся на том месте, где Будда обрел просветление Махаботхи Мандир, храм, на стенах которого высечены многочисленные барельефы Просветленного. Паломники приезжают поклониться священному дереву Бодха, под которым медитировал Будда, увидеть Чаукраману – дорожку, полностью вымощенную драгоценными камнями. Также объектами поклонения являются ступы с реликвиями Будды и его огромная статуя [2]. Вокруг главного храма Махаботхи располагаются монастыри и духовные буддийские миссии разных стран, свои храмы построили Бутан, Китай, Япония, Мьянма, Непал, Сикким, Шри-Ланка, Таиланд, Тибет, Вьетнам. Все храмы украшены статуями Будды и выполнены в национальном стиле страны, которая его возвела.

В Сарнатхе Будда прочитал свою первую проповедь о четырех благородных истинах. Согласно легенде, первыми слушателями проповеди Будды были два оленя, а затем пять аскетов. Именно здесь можно лицезреть одну из самых больших ступ региона. Довольно нестандартным строением по форме и содержанию является вихара Мулагандхкути. Внутрь вихары можно вполне свободно зайти, даже несмотря на то, что там хранится одна из главнейших святынь буддизма – кости Будды. Эта реликвия выставляется на всеобщее обозрение каждый год в полнолуние одиннадцатого месяца. Согласно записям китайских путешественников, уже более тысячи лет назад в данном монастырском комплексе проживало около 1500 монахов [2].

В Кушинагаре Сиддхартха покинул свое тело в возрасте восьмидесяти лет и вошел в Паринирвану, достиг главной цели своей религиозной и духовной практики – прервал цепь перерождений, обретя бесконечный покой и счастье. И как символ этой бесконечности, лишенной страданий, тут выстроен храм Паринирваны, где находится грандиозная золотого цвета статуя Лежащего Будды. Также здесь можно увидеть образ Будды из голубого аспидного сланца, расположенный в усыпальнице Мата Кунвар. Одним из главных мест поклонения считается ступа Рамбхар, которая предположительно находится в месте кремирования Гаутамы [2].

Из других центров почитания Будды на территории Индостана особо следует выделить следующие. Раджгар, где Будда дружелюбием усмирил взбесившегося слона Налагири, а также было дано разъяснение Махаяны, Сиддхартха поведал миру учение о пустоте. В этом месте расположена пещера, в котором проходил первый буддийский собор. Вайшали – здесь были составлены правила монашеского устава (Виная), Будда читал свои проповеди, в том числе о природе Будды, предсказал свой скорый уход из земного мира. Шравасти – место, где Буддой было совершено пятнадцать чудес, публично продемонстрированы необычные способности и переданы некоторые учения тантры, на которых основано учение Ваджраяны. Санкасья – здесь произошло сошествие Будды в мир людей с Небес Тушита, где он три месяца обучал свою покойную мать Абхидхарме. В штате Махараштра находятся пещерные храмы Аджанты и Эллоры. Всего двадцать девять храмов, воздвигнутых в скальных породах ущелья, нависающего над рекой. Иные места буддийского паломничества, связанные с жизнью Будды Гаутамы, – это Паталипутра, Наланда, Гайя, Капилавасту, Косамби, Варанаси, Кесария, Девадаха, Пава и Матхура. Все они расположены в долине Ганга.

Паломничества в эти места стали особенно популярны после того, как их посетил император Ашока в III веке до н. э. Кроме него в числе знаменитых паломников были весьма почитаемые монахи из Китая Фасянь, Сюаньцзан и Ицзин, Кореи Хе Чхо, Тибета Дхармасвамин, Шри-Ланкийский реформатор буддизма Анагарика Дхармапала [3, с. 5].

Наиболее почитаемые места паломничества получили общее название *Аттха-махатханани* (в пер. с языка пали – *«Восемь великих мест»*). Постепенно сложились такие понятия, как Восемь чудес Будды, излюбленная тема изобразительного искусства в южном буддизме Тхеравады, и Восемь ступ Татхагаты, в северном буддизме тибето-монгольской традиции Махаяны и Ваджраяны – архитектурный канон для восьми видов Ступ, буддийских монументов, символов просветленного ума. Такие ступы сочетают в себе черты одновременно и мемориальных, и реликварных ступ, в которых могут храниться как телесные останки, так и личные вещи просветленных [3, с. 6].

Паломническая жизнь буддистов не ограничивается территорией Северной Индии и Южного Непала, где главным образом проходила земная жизнь основателя религии. Их пути ведут и в другие страны.

Будда Шакьямуни был на Цейлоне три раза. Он посетил множество мест на острове и благословил их своим присутствием. Впервые Сиддхартха посетил Цейлон после девятого месяца, как достиг просветления. В месте Махиянгана был возведен буддийский храм. Монахи этого храма преподнесли богу Саману реликвию в виде горстки волос Будды. Это предопределило распространение буддизма среди населения Цейлона. Из многочисленных статуй Будды, найденных на Шри-Ланке, Авукана Будда – одна из лучших скульптур в Южной Азии. В Сессаруве находится одна из самых древних статуй Будды высотой около двенадцати метров. В V веке н. э. царь Касапа построил на скале Сигирия неприступную крепость, в которой расположился буддийский монастырь. Храм, созданный в скале, состоит из пяти пещер. Здесь находится самая большая

коллекция статуй Будды, многим из которых уже более двух тысяч лет. Самое важное событие, произошедшее в храме и принесшее ему известность, – запись буддийского канона Трипитака на сингальском языке, который создавался в течение трех лет.

«Шри-Ланка – настоящая буддийская страна», – так об этом удивительном острове отзывается Его Святейшество Далай-лама XIV. «Буддисты посещают места, где когда-то медитировал тот или иной буддийский наставник. Пребывание высокого мастера в этом месте сделало его благословенным или заряженным энергетически, словно окруженным неким электрическим полем. Паломники приходят сюда, чтобы ощутить эти мистические вибрации, разделить его духовные прозрения. На своем пути они преодолевают преграды, не помышляя о выгоде материального толка. Каждый их шаг, каждое движение проникнуты духом духовного прогресса. Некоторые стремятся сделать свое паломничество еще труднее, отправляясь в путь пешком или всю дорогу читая молитвы и мантры, чтобы приумножить обретаемую ими духовную заслугу» [4].

Основной паломнический центр Тибета – его столица, город Лхаса. Там находится дворец Потала, бывшая резиденция Далай-ламы. В Лхасе существуют три кольца (круга), по которым буддисты-паломники совершают обход святых мест. Одним из таких мест в Тибете считается священная гора Кайлаш и озеро Манасаровар, расположенное неподалеку. Кайлаш является священной горой для представителей четырех религий – буддизма, индуизма, джайнизма и древней тибетской религии бон. Вокруг Кайлаш паломники следуют по внешнему и внутреннему кругу, путешествие может продолжаться до двух недель. На внешнем круге находятся четыре тибетских монастыря, на внутреннем – два. Далее паломники отправляются в город Шигацзе, где посещают монастырь Ташилунгпо, резиденцию Панчен-ламы: «Повсюду в Тибете можно видеть, как паломники движутся по часовой стрелке вокруг монастырей, ступы, священной горы. Внутри храмов они также следуют выбранному направлению, методично преподнося дары каждому Будде и божеству. Специальная практика – нендро – призвана особенно глубоко очистить карму молящегося» [5].

К числу рекомендуемых для посещения относятся место обитания идама Чакрасамвары, а также поселение, где поэт и мистик Миларепа одержал победу в диспуте с бонским священником, гора Утайшань как место обитания бодхисаттвы мудрости – Манджушри. Особый вид паломничества представляет собой обход «земель обетованных» как разновидность пути к просветлению с обязательным посещением Бодхгаи (центр), Шамбалы (север), Уддияны (запад), Утайшань (восток), Потала (юг). В число священных объектов входят горы Ньянчхентханлха и Амьемачин – места обитания горных божеств, включенных в буддистский пантеон Падмасамбхавой [6]. Для тибетцев объектом особого почитания является ступа Бодхнатх в Непале.

Бутан – страна, где тантрический буддизм непрерывно практикуется с VII века, что привлекает сюда большое количество почитателей этого течения. Хотя главной буддийской школой здесь является Другпа Кагью, в Бутане присутствуют монастыри всех буддийских направлений, включая Карма Кагью, а кармапы традиционно были и остаются учителями королевской семьи Бутана.

Одним из самых почитаемых мест в Японии считается город Нара, который посещают ежегодно около трех миллионов паломников. Здесь расположены несколько буддийских и синтоистских храмов и кумирен. Наиболее известный – Великий восточный храм – буддийский храм Тодайцзы, в котором установлена одна из самых больших статуй Будды в мире и самая большая в Японии, высотой в двадцать два метра.

В Таиланде находятся более восемнадцати тысяч буддийских храмов и монастырей. Из них свыше четырехсот в Бангкоке. Самый известный – храм Изумрудного Будды, который располагается на территории королевского дворца. На пути от Бангкока к городу Канчанабури размещен самый высокий буддийский памятник в мире – Пхре Пахтом Чеди. В соседней Камбодже можно увидеть знаменитый храмовый комплекс Ангкор Ват, включающий около двухсот различных культовых сооружений. В Индонезии на острове Ява паломники направляются во всемирно известный храмовый комплекс Боробудур [7].

Для некоторых народов России буддизм стал главной религией. Неудивительно, что определенное развитие получило здесь и паломничество. Много святых буддийских мест находится

в Бурятии. Буддийские храмы называют дацанами. Главный из них – Иволгинский дацан, расположен недалеко от Улан-Удэ. Это храм радости, буддисты считают, что он дарует счастье всем, кто его посещает. Тем, кто просит об исцелении от болезней, монахи помогают, применяя древнее тибетское искусство лечения травами, секреты которого хранятся в тайне. На расстоянии четырех километров от курорта «Нилова пустыня», на горе Холма-Урла, расположен Ниловский дацан. По легенде, в древние времена сюда спустился бог Хан Шаргай [8]. В последнее время в Бурятии была открыта Академия буддизма, восстановлены более двадцати дацанов, а также построены новые – Балдан Брайбун, Гусиноозерский, Тамчинский, Мурочинский.

В Туве уже не первый год действует паломнический маршрут, в рамках которого гости могут ознакомиться с буддийскими достопримечательностями Кызыла и произвести радиальные выезды к буддийским святыням: буддийской нише в Чаа-Холе, монастырю Устуу-Хурээ, памятнику «След Будды» и монастырю у озера Чагытай. Также в Туве разработан маршрут «коры» вокруг горы Хайыракан, которую во время визита Его Святейшество Далай-лама XIV освятил как одну из природных реликвий тувинского народа. В Калмыкии закончено строительство буддийского комплекса Гедден Шеддуп Чойкорминг. Это крупнейший храм в Европе, в нем находится позолоченная статуя Будды.

Особое значение для русской истории и культуры имеет освященный в 1915 году Санкт-Петербургский дацан, сплотивший вокруг себя многих ищущих людей из среды интеллигенции. Представители «золотого века» русской философии (Вл. Соловьев, В. Кожевников, Н. Лосский, С. Булгаков, Н. Бердяев и др.) и «серебряного века» литературы (М. Волошин, К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников и др.) неоднократно использовали в своих произведениях буддистские мотивы [9, с. 25]. После ликвидации СССР и крушения советской идеологии в Санкт-Петербурге в 1991 году был восстановлен и действует по сей день Тибетский храм, построенный в честь божества Калачакри.

Интерес к буддизму со стороны западной цивилизации наблюдался как в период античности, так и в средние века. Усиление контактов с буддистским миром начинается с XII века, когда францисканские и доминиканские монахи проникают в Монголию, а Марко Поло, Васко да Гама и другие описывают свои путешествия по Востоку. В XIX – начале XX века началось систематическое изучение данной религии, в ряде западных стран появляются буддистские общества, которые также становятся и культовыми центрами. В Европе и Америке открываются и делаются объектами паломничества десятки монастырей буддизма тхеравады, ламаизма, дзен-буддизма и других направлений. Во многих университетах создаются центры по изучению буддизма и практике медитации. Буддистское движение на Западе во многом приобрело популярность благодаря открытости, мобильности, отсутствию жестких структур и иерархии, строгой приверженности к определенной догматике в данной религии. К изучению буддизма многих подтолкнули знаменитые труды таких мыслителей, как Ф. Ницше, Э. Фромма, П. Тиллиха, Д. Икеды, Ф. И. Щербатского.

Широкое распространение одного из направлений, а именно тибетского буддизма в западных странах – весьма уникальное явление. Соединение древней традиции и современности, практики сосредоточения и стремление к быстрому результату, аскеза и комфорт – весьма противоречиво, тем не менее это реальность. При всей разнице и противоположности ценностей тибетский буддизм занял прочное место в духовной жизни западных обществ. Такое стало возможным благодаря универсальности древнего учения и гибкости его практического применения. Открытость, толерантность и доступность тибетской культуры сохраняются благодаря пониманию тибетцами невозможности применения жестких методов в реализации учения в условиях инокультурной и иносоциальной среды. В ситуации возможного культурного и религиозного конфликта предпочтение отдается адаптации культурных традиций и типов ментальности. Буддистские учения оказались весьма кстати для западного человека, когда культурные, ментальные и практические основания современной западной цивилизации стали неспособными достаточно продуктивно реагировать на потребности и проблемы экзистенциального характера. В настоящее время тибетцы – это не чужеродная замкнутая система, а актуальный сегмент общечеловеческой культуры, перешедший национальные рамки. Тибетский буддизм призывает к моральному совершенствованию личности, что тесно переплетается с философской и религиозной мыслью Запада. В этом

плане буддизм выступает важнейшим средством интеграции человечества и преодоления классовой, элитной, национальной ограниченности [10, с. 44].

Существуют четыре основных традиции проведения буддийских праздников и церемоний: тибетская, японско-китайская, тхеравады и западной буддийской общины. В разных странах и регионах буддийские праздники отличаются. Но праздники предназначены в первую очередь для того, чтобы вспомнить о своем долге и подтвердить намерения. Праздник Весак – день поминовения, в этот день отмечают день рождения, просветления и день смерти Будды. Праздник Асала отмечают в честь первой проповеди Будды. Праздник Лосар – это Новый Год, но не менее почитаем праздник голодных духов [7]. Паломники составляют значительную часть участников данных торжеств.

Заключение. Чтобы почувствовать дух буддизма, ощутить его энергетику, многие адепты Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни и отправляются в паломничество по буддийским местам. Пилигримы отмечают, что учение Будды освобождает, а путешествие помогает очистить душу, ощутить особую духовную атмосферу, прикоснувшись к древним святыням.

В мировом буддизме существует множество мест паломничества, связанных с важными событиями жизни Сиддхартхи Гаутамы Шакьямуни, основателя самой древней мировой религии, его последователей и историей распространения данного вероисповедания. Четыре из этих мест, описанные в Трипитаке, сутрах буддийского канона, завещаны самим Буддой Гаутамой и располагаются в бассейне Ганга в Индии и Непале. Их посещают как буддийские паломники всего мира, так и индуисты. Это места, где он родился, достиг Просветления, совершил Первый поворот Колеса Дхармы, осуществил Паринирвану. Кроме того, популярными остаются и иные маршруты, и места поклонения. Сегодня достопримечательности этой религии бережно охраняются, в том числе монахами, и поэтому неплохо сохранились. Создаются условия, при которых паломники могли бы полностью погрузиться в атмосферу буддизма. Экуменическая направленность западного буддизма, включение в практику элементов учений самых разнообразных школ и направлений способствуют увеличению числа адептов этой религии, соответственно, можно предположить, что число паломников и из-за пределов Азии со временем будет только возрастать.

Список использованных источников

1. Происхождение изображения Будды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.buddhism.ru/proishozhdenie-izobrazheniya-buddyi/#ad-image-0. – Дата доступа: 25.08.2017.

2. Индия и Непал: четыре главных места буддийского паломничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tour52.ru/Vidy-otdyha/religios/buddiyskoe_palomnichestvo.html. – Дата доступа: 25.08.2017.

3. Хижняк, О. С. Восемь великих ступ / О. С. Хижняк // Первые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: материалы науч. конф. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 5–6.

4. Паломничество по святым местам Шри-Ланки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shakyamuni.ru/articles/92. – Дата доступа: 25.08.2017.

5. Круг жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://savetibet.ru/2017/05/05/tuva.html. – Дата доступа: 25.08.2017.

6. Паломничество буддистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sunhome.ru/religion/12771. – Дата доступа: 25.08.2017.

7. Бабкин, А. В. Религиозный туризм в буддизме [Электронный ресурс] / А. В. Бабкин. – Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/babkin05.html. – Дата доступа: 25.08.2017.

8. Святые места буддистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.astrostar.ru/articles/drevnie-kultury/indiya/svyatye-mesta-buddistov.html. – Дата доступа: 25.08.2017.

9. Сафронова, Е. С. Буддизм в странах Запада и в России: историко-культурологический анализ / Е. С. Сафронова; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 1999. – 45 с.

10. Аюшеева, Д. В. Современный тибетский буддизм на Западе / Д. В. Аюшеева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2003. – 121 с.

References

1. *Origin of Buddha image*. Available at: http://www.buddhism.ru/proishozhdenie-izobrazheniya-buddyi/#ad-image-0 (accessed 25 August 2017) (in Russian).

2. *India and Nepal: the four main places of Buddhist pilgrimage*. Available at: http://www.tour52.ru/Vidy-otdyha/religios/buddiyskoe_palomnichestvo.html (accessed 25 August 2017) (in Russian).

3. Khizhnyak O. S. Eight great stupas. *Pervye Torchinovskie chteniya. Religiovedenie i vostokovedenie: materialy nauch. konf.* [The first Torchinov readings. Religious studies and oriental studies. Materials of the scientific conference]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University, 2004, pp. 5–6 (in Russian).

4. *Pilgrimage to holy places in Sri Lanka*. Available at: http://www.shakyamuni.ru/articles/92 (accessed 25 August 2017) (in Russian).

5. *Circle of life*. Available at: http://savetibet.ru/2017/05/05/tuva.html (accessed 25 August 2017) (in Russian).

6. *Pilgrimage of Buddhists*. Available at: http://www.sunhome.ru/religion/12771 (accessed 25 August 2017) (in Russian).

7. Babkin A. V. *Religious tourism in Buddhism*. Available at: http://tourlib.net/books_tourism/babkin05.html (accessed 25 August 2017) (in Russian).

8. *Holy places of Buddhists*. Available at: http://www.astrostar.ru/articles/drevnie-kultury/indiya/svyatye-mesta-buddistov.html (accessed 25 August 2017) (in Russian).

9. Safronova E. S. *Buddhism in the countries of the West and in Russia: historical and cultural analysis*. Moscow, Ros. acad. state. service under the President of the Russian Federation, 1999. 45 p. (in Russian).

10. Ayusheeva D. V. *Modern Tibetan Buddhism in the West*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003. 121 p. (in Russian).

Информация об авторе

Зайцев Дмитрий Михайлович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук. Белорусская государственная академия связи (ул. Ф. Скорины, 8/2, учеб. корп. № 1, 220114, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mdizaj@tut.by

Information about the author

Dmitry M. Zaitsev – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor (Department of Humanities), Belarusian State Academy of Communications (8/2 F. Skorina Str., Edu. Bldg no. 1, Minsk 220114, Belarus). E-mail: mdizaj@tut.by

ISSN 2524-2363 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.4.06
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-280-287

Поступила редакцию 14.03.2017
Received 14.03.2017

А. С. Малмыгин

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО СОБЫТИЯ КАК ФАКТОРА ТРАНСФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Представлены социологические показатели, позволяющие, во-первых, выявить закономерности генезиса, бытия и влияния социального события на социодинамику и направленность общественного развития, во-вторых, демаркировать социальное событие среди других феноменов социальной реальности. На основе социологической дефиниции социального события выделены три взаимосвязанных группы его объективных и субъективных социологических показателей: генезиса и детерминации; социального бытия; социальных последствий. Социологические показатели генезиса и детерминации отражают источники социального события: предпосылки, факторы и причины, обусловливающие возникновение социального события. Социологические показатели социального бытия фиксируют проявление сущностных свойств социального события, а также существование в социальной реальности главных структурных компонентов социального события. Социологические показатели последствий влияния социального события на общественное развитие фиксируют изменения в ведущих структурах и процессах общества: в социальных институтах, социальных отношениях, образе жизни и мировоззрении социальных субъектов. Данные показатели в своем единстве и взаимосвязи составляют целостный комплекс социальных маркеров, позволяющих на эмпирическом уровне осуществлять социологическое измерение влияния социального события на социодинамику общества и возникновение качественно новой социальной реальности.

Ключевые слова: социальное событие, система социологических показателей социального события, социальные изменения, социальная трансформация, общественное развитие

Для цитирования. Малмыгин, А. С. Социологические показатели социального события как фактора трансформационного развития общества / А. С. Малмыгин / Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 280–287. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-280-287

A. S. Malmyhin

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIOLOGICAL INDICATORS OF A SOCIAL EVENT AS FACTOR OF THE TRANSFORMATIONAL DEVELOPMENT OF SOCIETY

Abstract. The scientific article presents sociological indicators that allow, first, to reveal the laws of the genesis, existence and influence of a social event on sociodynamics and the direction of social development, and secondly, to demark the social event among other phenomena of social reality. Three interrelated groups of its objective and subjective sociological indicators are distinguished on the basis of the sociological definition of the social event: genesis and determination; Social being; Social consequences. Sociological indicators of genesis and determination reflect the sources of a social event: the prerequisites, factors and reasons that cause the emergence of a social event. Sociological indicators of social life record the manifestation of the essential properties of a social event, as well as the existence in the social reality of the main structural components of a social event. Sociological indicators of the consequences of the influence of a social event on social development record changes in the leading structures and processes of society: in social institutions, in social relations, in the way of life and worldview of social actors. These indicators, in their unity and interrelationship, constitute an integral set of social markers that allow, at an empirical level, to carry out a sociological measurement of the influence of a social event on the socio-dynamics of society and the emergence of a qualitatively new social reality.

Keywords: social event, system of sociological parameters of social event, social changes, social transformation, social development

For citation: Malmyhin A. S. Sociological indicators of a social event as factor of the transformational development of society. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 280–287 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-280-287

© Малмыгин А. С., 2018

Одним из наиболее значимых и знаковых феноменов общественной жизни, оказывающих трансформационное влияние на развитие общества, является социальное событие. Социальные события выступают в качестве судьбоносных исторических вех социума, качественно динамизируют его развитие и знаменуют формирование новой социальной реальности.

Актуальной и научно-практически значимой задачей в социологическом исследовании социального события как макросоциального феномена является разработка системы его социологических показателей и индикаторов, которые являются необходимым средством получения социологической информации о социальном событии. Разработка системы социологических показателей социального события, выполняющей информационную, аналитическую, оценочную и прогностическую функции, позволяет получить социально значимые социологические данные о социальном событии, т. е. в эмпирически наблюдаемой форме выявить закономерности генезиса и детерминации, существования и общественные последствия социального события, а также измерить интенсивность проявления его сущностных характеристик, определить прогнозные сценарии и тенденции развития социального события.

Социальная актуальность и научно-практическая значимость разработки тезауруса социологических показателей социального события как макросоциального феномена обусловлены также тем, что наличие его эмпирических показателей и индикаторов позволяет выявить особенности и степень влияния социального события на различные сферы и процессы в обществе. В то же время наличие социологических показателей позволяет зафиксировать отражение, восприятие и оценку социального события в общественном сознании, которое является важным субъективным компонентом, влияющим на социодинамику и направленность развития социума.

Методологической основой для разработки системы социологических показателей социального события является социологическая дефиниция социального события. По нашему мнению, в дискурсе социологического научного знания ***социальное событие*** представляет собой совокупность социально востребованных и знаковых социальных действий, явлений и процессов, которые в динамическом взаимодействии обусловливают трансформационные изменения в системе социальных институтов и общественных отношений, образе жизни и мировоззрении основных социальных субъектов, трансформационный социальный прорыв в общественном развитии и наступление нового исторического этапа в развитии общества.

Важными методическими требованиями к разработке системы социологических показателей социального события является, с одной стороны, их дифференциация на несколько типологических групп, фиксирующих различные этапы становления и развития социального события, с другой – социологические показатели должны быть содержательными и комплексными, т. е. отражать структуру и проявление всех социологически значимых свойств социального события. Социальное событие как макросоциальный феномен имеет следующие *сущностные и функциональные свойства*: массовость; закономерность; структурированность, включающую социальные действия, социальные факты, социальные явления и процессы; продолжительность существования в социальном времени и пространстве; трансформационное влияние на экономическую, политическую, социальную и культурную сферы, а также на общественное сознание, социодинамику и направленность развития общества; значимость и актуальность.

На основании социологической дефиниции социального события, его структурной архитектоники, сущностных и функциональных свойств можно логически выделить три основных группы его социологических показателей: генезиса и детерминации; социального бытия (существования) и социальных последствий. Таким образом, система социологических показателей социального события представляет собой совокупность взаимосвязанных эмпирических объективных и субъективных социальных показателей и индикаторов, позволяющих зафиксировать: а) наличие источников и процесс генезиса и детерминации социального события; б) факт существования социального события в общественной жизни и проявление его сущностных свойств; в) краткосрочные и долгосрочные социально-экономические, социально-политические и социокультурные последствия социального события для общественного развития. Представленная таким образом система социологических показателей охватывает все стадии развития социального события и позволяет социологически маркировать социальное событие в ряду других феноменов общественной жизни.

Социологические показатели ***генезиса и детерминации*** социального события фиксируют наличие в общественной жизни социальных условий, предпосылок, факторов и причин, которые обусловливают и маркируют возникновение и развитие социального события в общественной жизни. В качестве критериев, фиксирующих источник генезиса и детерминации социального события, выступают следующие социологические показатели: 1) социальные противоречия; 2) социальные флуктуации; 3) общественные потребности в качественных социальных изменениях; 4) наличие субъектов социальных изменений; 5) изменение характера социальных связей между социальными субъектами и социальными институтами. Рассмотрим более подробно данные базовые показатели происхождения социального события.

Во-первых, в обществе существует множество актуальных и социально значимых трудно разрешаемых социально-экономических, социально-политических, духовно-культурных противоречий. Опираясь на базовые принципы диалектической макрометодологии, можно констатировать, что социальные противоречия являются важнейшим источником изменений и развития общества. Раскрывая сущность противоречия и его динамический характер в жизни общества, немецкий философ Г. Гегель утверждал, что именно противоречия являются «корнем всякого движения и жизненности» [1, с. 520]. Немецкий философ и социолог К. Маркс полагал, что «сосуществование двух взаимно противоречащих сторон, их борьба и слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [4, с. 136].

Рассматривая социальные противоречия в качестве социологического показателя генезиса и детерминации социального события, следует, прежде всего, учитывать социально-экономические противоречия, которые выступают чаще всего главным генерирующим источником как незначительных социальных изменений, так и качественных преобразований, проявляющихся в форме социальных событий. Одновременно с этим в качестве показателей генезиса и детерминации социального события, с одной стороны, целесообразно учитывать наличие в социуме наиболее непримиримых, антагонистических противоречий между основными социальными структурами и субъектами общества. С другой стороны, важным показателем генезиса и детерминации социального события является наличие в обществе тенденций накопления и обострения социальных противоречий, проявляющихся в форме социальных проблем, дисбалансов, дисфункций основных социальных институтов, социальных конфликтов, системного кризиса, фиксируемых в качестве таковых общественным мнением социальных групп, которые заинтересованы в трансформационных изменениях в обществе.

Во-вторых, в качестве показателя источников генезиса и детерминации социального события выступает существование в обществе множества различных социальных флуктуаций. Социальные флуктуации в контексте синергетической методологии представляют собой отклонения социальных процессов и поведения субъектов от базовых социальных норм и правил, обусловливающих сохранение сложившегося социального порядка. В качестве значимого социологического показателя, свидетельствующего о генезисе социального события, выступает наличие отклонений именно в критически значимых для социальной системы экономических, политических социальных процессах, структурах и субъектах. Важным социологическим признаком генезиса социальных событий является процесс накопления, т. е. нарастание массовости и неконтролируемый рост числа социальных флуктуаций, устойчивость их возникновения в социальной системе, усиление их деструктивного влияния на социальный порядок. В качестве примера, иллюстрирующего значимость критической флуктуации для социума, можно привести резкое падение мировых цен на нефть в 1985–1986 гг., которое критически значимо для экономики Советского Союза в социально-экономическом процессе.

В-третьих, важным социологическим показателем, фиксирующим источник генезиса социального события, является существование объективных и субъективных потребностей и интересов основных социальных субъектов в качественных изменениях социальных институтов и социальных отношений, в повышении уровня и качества жизни населения. Данный фактор генезиса и детерминации социального события находит своё выражение в массовой поддержке и одобрении широкой общественностью необходимости осуществления качественных социальных преобразований в обществе, связанных с модернизацией, интенсификацией и ускорением общественного развития.

В-четвертых, существование социальных субъектов и организационных форм их активности, способных осуществить качественные социальные изменения и преобразования. Данный социологический показатель отражает наличие в социуме субъектов, способных выступить в качестве движущей силы трансформационных общественных изменений.

В-пятых, показателем генезиса и детерминации социального события является ослабление и изменение характера социальных связей между социальными субъектами и социальными институтами, поддерживающими единство и целостность общества. Данный показатель фиксирует начальный этап процесса дезинтеграции, ослабления влияния и распада существующей системы социальных институтов, системы социальных отношений и компромиссов, определяющих существование наличной социальной реальности.

Следующей важной частью разработки системы социологических показателей социального события является выявление социологических показателей, фиксирующих ***социальное бытие (существование) социального события и проявление его сущностных свойств***. Показатели социального бытия социального события взаимосвязаны с его сущностными свойствами и базовыми структурными компонентами, которые и являются основой их индикации (выявления). К сущностным свойствам социального события, значимым для определения показателей его существования в социальной реальности, относятся: а) продолжительное существование в социальном пространстве и времени; б) социальная трансформационность; в) массовость; г) взаимосвязь и взаимодействие с основными социальными структурами, субъектами и общественным сознанием; д) структурированность; е) детерминация качественных изменений; ж) социальная значимость, актуальность и социальная востребованность. Структуру социального события составляют социальные действия, социальные факты, социальные явления и процессы, которые являются его основными структурными элементами. Системообразующим структурным элементом социального события является совокупность взаимодействующих социальных явлений и процессов, которые обусловливают возникновение новой социальной реальности.

По нашему мнению, базовые социологические показатели, фиксирующие наличие социального события в общественной жизни, выражаются в следующих социологических показателях. Наиболее значимым социологическим показателем, свидетельствующим о наличии социального события в реальной социальной действительности, является длительное существование в социальном пространстве и времени комплекса взаимодействующих между собой массовых социальных действий, социальных фактов, социальных явлений и процессов, качественно изменяющих социум, а также их отражение в общественном сознании основных социальных групп населения. Данный социологический показатель фиксирует, во-первых, возникновение и наличие в социальной реальности основных структурных компонентов, образующих социальное событие, – социальных действий, социальных фактов и, особенно, социальных явлений и процессов, которые обусловливают структурные изменения в обществе; во-вторых, множественность, т. е. значительное количество социальных действий, фактов, явлений и процессов в социальном пространстве и социальном времени; в-третьих, устойчивый и длительный характер существования и влияния социальных действий, социальных фактов, социальных явлений и процессов, составляющих социальное событие и оказывающих трансформационное влияние в обществе.

Следующим важным социологическим показателем существования социального события в общественной жизни выступает участие в социальных действиях, фактах, явлениях и процессах, образующих предметно-сущностное содержание социального события, значительного количества социальных субъектов и структур: отдельных личностей, социальных групп, общностей, а также государственных и общественных организаций и институтов. Данный социологический показатель маркирует социальное событие с количественной стороны, отражая его массовость, т. е. вовлечение и участие в социальном событии значительного количества как отдельных индивидов, так и больших социальных групп и общностей.

Важным качественным социологическим показателем существования социального события является взаимодействие социальных действий, социальных фактов, социальных явлений и процессов, образующих предметное содержание социального события, с ведущими в обществе

социальными институтами, структурами и субъектами. Данный социологический показатель показывает неизбежность вовлечения в эпицентр бифуркационных явлений и трансформационных процессов социального события наиболее значимых в обществе социальных субъектов и структур. В то же время он отражает воздействие социального события на социальный статус доминирующих в обществе социальных субъектов и структур.

Существенным социологическим показателем наличия социального события в общественной жизни является возникновение трансформационных изменений в системе социальных институтов и социальных отношений, в социально-стратификационной и классовой структуре, в образе жизни и мировоззрении основных социальных субъектов. Данный социологический показатель фиксирует проявление социального события через обусловливаемые им социальные преобразования, которые знаменуют начальную фазу длительного процесса общественных перемен, возникающих в ходе перехода общества к новой системе социальных институтов и отношений. Таким образом, трансформационные преобразования, неизбежно возникающие при наличии в обществе социального события, в силу своей длительности, фиксируют как факт становления и наличия социального события в обществе, так и являются характерным признаком последствий социального события.

Следующей группой социологических показателей социального события являются показатели социально-экономических, социально-политических и социокультурных ***последствий социального события для общественного развития***.

Важнейшими социологическими показателями, фиксирующими последствия социального события, являются: 1) трансформационные изменения в социально-структурной архитектонике общества, а также в системе социальных отношений и социальных институтов, в образе жизни и мировоззрении социальных субъектов. Трансформационные преобразования социальных институтов, выступающих в роли ключевых структур социума, проявляются в изменении статуса (значимости и влияния социальных институтов в обществе) и степени функциональности наиболее значимых политических, экономических, духовно-культурных институтов в общественной жизни. В то же время трансформационные преобразования социальных институтов, обусловленные социальным событием, проявляются через изменения основных институциональных норм, институциональной структуры и культуры, а также авторитета, легитимности и доверия к отдельным институтам со стороны социальных субъектов. Воздействие социального события на социальные институты также выражается в изменении степени их реального регулирования общественных отношений и поведения социальных субъектов, а также в изменении количества институциональных ресурсов (денег, власти и авторитета) и социального статуса владеющих ими социальных субъектов.

Важным социологическим критерием, свидетельствующим о последствиях социального события, выступает преобразование института собственности, выражающееся в изменении формы собственности, её структуры, изменении субъектов и объектов собственности. В качестве примера, иллюстрирующего последствия влияния социального события и преобразование института собственности, выступает трансформация института собственности в странах, составлявших СССР: распад советской социально-экономической системы, характеризующейся доминированием в экономике государственной собственности, обусловил социально-экономическую трансформацию, которая проявилась в переходе к рыночным отношениям и правовому оформлению частной собственности, появлении новых социальных субъектов – предпринимателей, коммерческих фирм, а также новых объектов рыночных отношений.

Трансформационные социальные изменения государства как социально-политического института также являются значимым признаком влияния социального события на общественную жизнь. Взаимосвязанные с социальным событием преобразования государства как ведущего социально-политического института выражаются в изменениях формы государственного устройства и правления, политического режима, социально-правового статуса государства, политической идеологии государства, изменениях в системе государственного управления. Например, распад Советского Союза детерминировал возникновение и становление независимых государств, а также смену социально-правового статуса бывших союзных республик. Так, социально-право-

вой статус БССР как социалистического государства был упразднен с распадом СССР и, согласно Конституции 1994 г., Республика Беларусь была объявлена унитарным, демократическим, социальным и правовым государством.

Следующим важным показателем, фиксирующим последствия свершившегося социального события в общественной жизни, выступают кардинальные изменения сложившихся социальных отношений и взаимодействий между основными социальными субъектами. Обусловленные социальными событиями качественные изменения основных социальных отношений и взаимодействий проявляются, прежде всего, в трансформационных изменениях характера социальных отношений, изменениях социального статуса значительного количества субъектов социальных отношений, структуры и интенсивности важнейших общественных отношений.

Последствия влияния социального события на общественную жизнь проявляются также в изменении образа жизни социальных субъектов в сфере труда, семьи и досуга. Качественные преобразования образа жизни, обусловленные социальным событием, фиксируются посредством следующих индикаторов: а) изменений в системе социальных потребностей и интересов социальных субъектов; б) изменений в социальной деятельности; в) изменений в социальных установках и поведенческих стереотипах; г) изменений в привычных условиях жизнедеятельности и социальном окружении в сфере труда, семьи и досуга. Последствия социального события выражаются в изменении уровня и качества жизни населения, что фиксируется через их объективные экономические и социальные показатели, а также субъективную оценку населением личного благосостояния, удовлетворенности различными сторонами жизни.

Учитывая диалектическую взаимосвязь между общественным бытием и общественным сознанием, важным субъективным показателем последствий социального события выступает изменение мировоззрения как системы взглядов, ценностных ориентаций и убеждений основных социальных субъектов. Трансформационные изменения в мировоззрении, обусловленные социальным событием, проявляются в переоценке основными социальными субъектами общества их основополагающих социальных ценностей, изменении идеологических и социокультурных убеждений, а также ключевых социальных взглядов и представлений, составляющих личностное, групповое и общественное сознание.

Принимая во внимание включенность мировоззрения отдельных социальных субъектов в общественное сознание, можно сделать вывод, что социальные события, вызывающие трансформационные изменения в обществе, оказывают влияние как на мировоззрение социальных субъектов, так и на общественное сознание в целом. Так, в ходе изменений в экономическом сознании общества меняются социальные представления, взгляды социальных субъектов на различные экономические явления и процессы, иными словами, отношение населения, например, к формам собственности, принципам экономической деятельности и т. д. Преобразования в политической сфере, обусловленные социальным событием, затрагивают политическую культуру и, в частности, образующие ее политические ориентации, интересы, стереотипы, предпочтения, установки и убеждения субъектов относительно форм государственного устройства и правления, политического режима и принципов управления, деятельности ведущих политических субъектов и др. Таким образом, трансформационные изменения в мировоззрении и общественном сознании являются важным социологическим маркером последствий социального события.

В качестве значимых социологических показателей последствий социального события также выступают: а) радикальное изменение социальной ситуации; б) изменение направленности общественного развития и поддержка нового вектора развития широкой общественностью; в) ускорение социодинамики и качественный прорыв в общественном развитии; г) разрешение основных, исторически назревших социально-экономических, политических, социальных и социокультурных противоречий; д) позитивное восприятие и оценка в общественном сознании трансформационных изменений; е) формирование новых форм социальных связей и отношений между различными социальными субъектами и социальными институтами; ж) активизация процесса институциализации качественно новой системы социальных институтов. Таким образом,

показатели последствий социального события выражаются в трансформационных социальных изменениях, происходящих в направленности, структурной архитектонике и динамике общественного развития. В целом система социологических показателей социального события отображена в таблице.

Система социологических показателей социального события
System of sociological indicators of social event

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО СОБЫТИЯ
Социологические показатели генезиса и детерминации социального события
наличие существенных социальных противоречий и диспропорции в обществе; критические социальные флуктуации (отклонения) в наиболее значимых для социальной системы экономических, политических социальных процессах, структурах и субъектах; общественные потребности в качественных социальных изменениях; наличие субъектов социальных изменений; изменение характера социальных связей между социальными субъектами и социальными институтами
Социологические показатели социального бытия социального события
длительное существование в социальном пространстве и времени комплекса взаимодействующих между собой массовых социальных действий, социальных фактов, социальных явлений и процессов, качественно изменяющих социум; участие в социальных действиях, социальных фактах, социальных явлениях и процессах, составляющих социальное событие, значительного количества социальных субъектов и структур; взаимодействие социальных действий, социальных фактов и социальных явлений с ведущими социальными субъектами и структурами; становление трансформационных изменений в системе социальных институтов и социальных отношений, в социально-стратификационной и классовой структуре, в образе жизни и мировоззрении основных социальных субъектов
Социологические показатели последствий социального события
трансформационные изменения в системе социально-структурной архитектоники общества, а также в системе социальных отношений и социальных институтов, в образе жизни и мировоззрении социальных субъектов; радикальное изменение социально-политической, социально-экономической и духовно-культурной ситуации в обществе; изменение направленности общественного развития и поддержка нового вектора развития широкой общественностью; ускорение социодинамики и качественный прорыв в общественном развитии; разрешение основных, исторически назревших социально-экономических, политических, социальных и социокультурных противоречий; позитивное восприятие и оценка в общественном сознании трансформационных изменений; формирование новых форм социальных связей и отношений между различными социальными субъектами и социальными институтами; активизация процесса институциализации качественно новой системы социальных институтов

Теоретико-прикладное и социально-практическое значение системы социологических показателей социального события как фактора трансформационной социодинамики общественного развития состоит в следующем. Во-первых, на теоретико-методологическом и эмпирическом уровне социологического исследования она позволяет выявить сущностные черты социального события и зафиксировать его отличие от других социальных феноменов общественной жизни. Во-вторых, социологически измерить и оценить масштаб, а также особенности проявления и трансформационного влияния социального события на социодинамику и направленность общественного развития. В-третьих, осуществлять социальное прогнозирование и определять пути, формы и социальные механизмы эффективного социального управления общественными явлениями и процессами в условиях трансформационных преобразований социума, обусловленных социальным событием, которое, прорывая социальное время и пространство, детерминирует возникновение новой социальной реальности и выступает в качестве движущей социальной силы общественного развития. Разработанный тезаурус социологических показателей социального события является важнейшим элементом теоретико-методической основы эмпирического социологического исследования макросоциального события как фактора социодинамики общественного развития.

Список использованных источников

1. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Гос. социально-экономическое изд-во (Соцэкгиз), 1929. – 1958. – Т. 5: Наука Логики. – 1937. – 814 с.

2. Данилов, А. Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск: Харвест, 1998. – 432 с.

3. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2002. – 568 с.

4. Лахман, Р. Что такое историческая социология? / Р. Лахман. – М. : Дело, 2016. – 240 с.

5. Маркс, К. Собрание сочинений : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 4: Нищета философии. – 638 с.

6. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – СПб. : Алетейя, 2002. – 314 с.

7. Смирнов, В. Э. Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция / В. Э. Смирнов. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 293 с.

8. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.

9. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

10. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – М. : Омега-Л, 2009. – 567 с.

References

1. Hegel G. W.F. *Works. Vol. 5. Science of Logic*. Moscow, State socio-economic publishing house, 1937. 814 p. (in Russian).

2. Danilov A. N. *Transitional society : Problems of system transformation*. Minsk, Kharvest Publ., 1998. (in Russian).

3. Zaslavskaya T. I. *Societal transformation of russian society. The activity-structural concep*t. Moscow, Delo Publ., 2002. 568 p. (in Russian).

4. Lachmann R. *What is Historical Sociology?* Moscow, Delo Publ., 2016. 240 p. (in Russian).

5. Marx K., Engels F. *Collected works. Vol. 4. Poverty of philosophy.* Moscow, State Publishing and Political Literature, 1955. 638 p. (in Russian).

6. Polanyi K. *The Great Transformation: political and economic origins of our time*. Sankt Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. 314 p. (in Russian).

7. Smirnov V. E. *Social mechanisms of social development: sociological and historical-cultural reconstruction*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2016. 293 p. (in Russian).

8. Sorokin P. *Social and cultural dynamics*. Moscow, Astrel' Publ., 2006. 1176 p. (in Russian).

9. Shtompka P. *Sociology of social change*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 416 p. (in Russian).

10.Yadov V. A. *Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality.* Moscow, Omega-L Publ., 2009. 567 p. (in Russian).

Информация об авторе

Малмыгин Артём Сергеевич – научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: artem-baikov@mail.ru

Information about the author

Artsem S. Malmyhin – Researcher. Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: artem-baikov@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.354 (476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-288-296

Поступила в редакцию 13.03.2018
Received 13.03.2018

А. П. Соловей

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Рассматривается специфика научно-исследовательской деятельности женщин-научных работников, обусловленная гендерной ролью женщины в рамках методологического подхода – структурного функционализма. Исходя из необходимости совмещения супружеских, материнских и профессиональных ролей, репрезентируются стратегии профессионализации женщины-ученого. Анализируется влияние замужества и материнства на научно-исследовательскую деятельность женщин по результатам социологического исследования, проведенного в 2017 г. среди женщин-научных работников Национальной академии наук Беларуси. На основе анализа данных социологического исследования сделан вывод о том, что значение семьи и научной карьеры для женщин-исследователей зависит от возраста, наличия ученой степени и занимаемой должности. Для женщин-исследователей высоко значимы как традиционные семейные ценности, так и ценности профессиональной самореализации и экономической самостоятельности. При общей удовлетворенности семейным положением, а также совмещении личной жизни и профессиональной деятельности практически каждая пятая женщина испытывает трудности при совмещении научно-исследовательской деятельности и семейной жизни. «Двойная нагрузка» как фактор, снижающий эффективность научной деятельности женщин, в совокупности с высокой значимостью профессии и семьи для женщины является предпосылкой «ролевого конфликта работающей женщины». Гендерные стереотипы, которые зачастую отражают реальное положение дел в повседневных практиках женщин, оказывают влияние на научную деятельность женщин-исследователей.

Ключевые слова: женщины-исследователи, научная деятельность, гендерная роль, стратегии профессионализации, «двойная нагрузка», «ролевой конфликт работающей женщины», гендерные стереотипы

Для цитирования. Соловей, А. П. Специфика профессиональной деятельности женщин-исследователей в академической науке Республики Беларусь / А. П. Соловей // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 288–296. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-288-296

A. P. Solovey

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SPECIFICS OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF WOMEN-RESEARCHERS IN ACADEMIC SCIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article deals with the specificity of the research activity of women – scientists, determined by the gender role of women in the framework of the methodological approach – structural functionalism. Proceeding from the necessity of combining conjugal, maternal and professional roles, strategies for the professionalization of a woman-scientist are represented. The influence of marriage and motherhood on the research activity of women is analyzed based on the results of a sociological research conducted in 2017 among women-scientists of the National Academy of Sciences of Belarus. Based on the analysis of the sociological research data, it is concluded that the importance of the family and the scientific career for women-researchers depends on age, academic degree and position. For women-researchers, both traditional family values and values of professional self-realization and economic independence are highly valued. Generally satisfied with family status and combining personal life and professional activity, almost one in five women has trouble in combining research and family life. "Double burden" as a factor that reduces the effectiveness of women's scientific activity, together with the high importance of the profession and family for a woman is a premise for the "role conflict of a working woman". Gender stereotypes, which often reflect the real situation in the everyday practices of women, influence the scientific activity of women-researchers.

Keywords: women-researchers, scientific work, gender role, professionalization strategies, "double burden", "role conflict of a working woman", gender stereotypes

For citation. Solovey A. P. Specifics of professional activity of women-researchers in academic science of the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 288–296 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-288-296

© Соловей А. П., 2018

Введение. Женщины-исследователи как социально-демографическая и профессиональная группа выделяются на основе: общего характера профессиональной деятельности (научно-исследовательской), направленной на выполнение общественно значимых научно-исследовательских функций; особенностей социально-профессиональных практик, обусловленных гендерной ролью женщины в обществе. С одной стороны, свойства и признаки этой группы отражают тенденции развития жизненных стратегий женщин как социально-демографической группы, а с другой – профессионального сообщества, занимающегося интеллектуальной деятельностью (научно-исследовательской). Половой диморфизм, который является естественной предпосылкой иного социокультурного статуса женщины, а также строение организма женщины определяют ее биологическое предназначение и влияют на социальное и профессиональное положение. Анализируя особенности профессиональной деятельности женщины, занятой в академическом секторе науки, следует учитывать ее двойственную позицию в производстве социальных практик, поскольку жизненные стратегии женщины включают в себя интересы и женщины, и ученого. Жизненные стратегии женщины-ученого строятся с учетом особенностей ее практик и индивидуального опыта, детерминированных ее социальными ролями в обществе. Женщина-ученый – это представитель прежде всего женской социальной группы, диспозиция и самопрезентация которой обусловливаются гендерной ролью. Замужние женщины, занимающиеся ведением домашнего хозяйства, могут иметь меньше свободного времени, которое необходимо им для развития своей личности и повышения профессионального уровня. Они могут быть больше заняты бытовыми вопросами и потребностями семьи, уходом за детьми и их воспитанием, что ограничивает возможности их профессионального роста. В силу этого женский труд стоит рассматривать как специфическую часть общественного труда. Специфика женского труда обусловлена социальной ролью женщины в воспроизводстве населения и воспитании детей. Зачастую женщинам приходится совмещать профессиональную деятельность с выполнением семейно-бытовой и материнской функций. Именно поэтому концептуализация женской профессиональной деятельности должна осуществляться с учетом данных факторов.

Основная часть. При анализе специфики научной деятельности женщин-исследователей следует учитывать гендерную роль женщины как один из ключевых аспектов положения женщины в обществе. Гендерная роль определяется как набор ожидаемых образцов поведения (или норм) для мужчин и женщин [4, с. 61]. Следовательно, гендерная роль женщины – социально сконструированное ожидаемое поведение, детерминируемое позицией женщины как представительницы конкретного пола (женского). Наиболее полным представляется рассмотрение гендерной роли женщины в рамках такого методологического подхода, как структурный функционализм (позитивистская парадигма). Социологическая концепция общества, в которой социальная структура детерминирует гендерные отношения, была предложена американским социологом Т. Парсонсом, который поддерживал идею Э. Дюркгейма о позитивной функции разделения половых ролей. Э. Дюркгейм отмечал: «Теперь у культурных народов женщина ведет существование, совершенно отличное от существования мужчин. Можно сказать, что две значительные функции психической жизни как бы диссоциировались, что один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой интеллектуальными» [2, с. 66]. Иной социокультурный статус женщины (отличный от мужчины) отмечается в работе «Самоубийство»: «Одно почти все целиком продукт общества, а другое осталось в гораздо большей степени тем, чем сделала его природа» [3, с. 203]. Отсюда следует, что оба пола в неравной степени участвуют в общественной жизни. Мужчина является активным субъектом общественных коллективных дел и поэтому он в большей степени социализирован, чем женщина, ряд потребностей которой зависит от строения ее организма. Таким образом, утверждение Э. Дюркгейма позволяет объяснить природу гендера в силу социально сконструированных различий, которые базируются на биологических различиях мужчины и женщины.

Вовлеченность женщины в процесс воспроизводства и воспитания детей определяет ее социальную позицию и социально конструирует ее. Общая модель дифференциации половых ролей, по Т. Парсонсу, заключается в следующем постулате: «фундаментальное объяснение распределения ролей между биологическими полами лежит в том факте, что рождение детей и уход за ними создают строгую презумпцию первичности отношений матери к маленькому ребенку» [8, с. 23].

По мнению американского социолога, доминирующими женскими ролями являются роли жены, матери и домохозяйки. Согласно данной концепции (поло-ролевой), вписанной в структурно-функциональный подход познания, женщина выполняет экспрессивную (эмоционально-терапевтическую) роль в социальной системе, а мужчина – инструментальную (экономическую). Основываясь на поло-ролевой концепции в теоретическом осмыслении положения женщин в обществе, ключевое место занимает детерминированность положения женщины ее психофизиологическими особенностями, связанными, в первую очередь, с ее репродуктивной функцией.

Специфика профессиональной деятельности женщины-исследователя заключается в необходимости сочетания профессиональной и семейно-бытовых ролей (хозяйки – «хранительницы домашнего очага», жены, матери), что находит отражение в выборе различных стратегий профессионализации. Исходя из соотношения профессиональных притязаний и гендерных ролей, для женщины-ученого могут формироваться следующие стратегии профессионализации: 1) отказ от профессионализации в пользу гендерной роли (к примеру, отказ от карьерного продвижения или стремления защитить диссертации); 2) подчинение профессиональных стремлений гендерной ролей; 3) ориентация на совмещение профессиональной и гендерной ролей [5, с. 205].

Среди специфических факторов, которые могут влиять на профессиональную деятельность и должностное продвижение женщин в науке, особое место принадлежит замужеству и «биологическому предназначению» женщины – материнству. Предполагается, что домашние обязанности занимают много времени, а это сказывается на недостатке времени для исследований и подготовки публикаций. Существуют объективные противоречия между профессиональной занятостью женщины-исследователя и материнством, которые могут проявляться в следующих формах. Во-первых, между повышением требований к качеству и эффективности научного труда женщины и ограничением возможностей для воспитания детей и сокращением времени на семью. Во-вторых, между саморазвитием и профессиональным совершенствованием женщины и желанием создать семью, иметь определенное количество детей. В-третьих, между удовлетворением материальных и духовных потребностей женщины и расходами на содержание и воспитание детей. Влияет на профессиональный и карьерный рост в науке проблема «двойной нагрузки» женщин, которая связана с выполнением ряда работ по дому и материнскими функциями. Фактически женщина постоянно работает в две смены: вне дома (профессиональная деятельность) и дома (ведение домохозяйства и воспитание детей). Следовательно, стоит говорить не о двойной, а о тройной нагрузке женщины: работа + домохозяйство + дети. Это приводит не только к физическим и психологическим перегрузкам, но и является причиной так называемого «ролевого конфликта работающей женщины». Этот внутриличностный конфликт возникает вследствие высокой значимости для женщин успеха как в профессиональной деятельности, так и в семье [1].

Как показывают зарубежные исследования, сам факт замужества не оказывает существенного влияния на карьеру женщины или ее продуктивность в науке, но отрицательно сказывается на ее профессиональной мобильности, ограничивая возможность перемещения на новые и более высокие должности. Рождение ребенка может замедлить или прервать научную карьеру женщины, если обязанности по воспитанию детей лежат главным образом на женщине. Необходимость освоения новых методов и данных, накопленных за время отсутствия женщины на работе, может затруднить ее возвращение, стать препятствием для продвижения по карьерной лестнице [7]. Американские социологи Дж. Коул и Г. Цукерман провели исследование для выяснения влияния семейных обязанностей на исследовательскую продуктивность женщин-ученых. По результатам исследования для некоторых женщин старшей возрастной группы сочетание роли жены и матери с ролью продуктивного ученого несовместимо, так как их взгляды формировались еще до Второй мировой войны, когда считалось, что женщины, решившие сделать серьезную исследовательскую карьеру, должны отказаться от замужества и не иметь детей. Со временем взгляд на роль жены и матери претерпел значительные изменения, но даже молодые женщины-ученые указывают на то, что замужество и материнство все еще рассматриваются как несовместимые с научной карьерой [6].

Проанализируем влияние замужества и материнства на научно-исследовательскую деятельность женщин, занятых в академическом секторе науки, по результатам социологического исследования, проведенного впервые в Республике Беларусь среди женщин-научных работников

Национальной академии наук Беларуси в 2017 г. В ходе социологического анкетного опроса, целью которого было изучение социального самочувствия женщин-научных работников по репрезентативной выборке ($\Delta = \pm 4{,}2\%$ при $\alpha = 0{,}05$), было опрошено 450 женщин, работающих в структурных подразделениях Национальной академии наук Беларуси на должностях от младшего научного сотрудника до директора института. Выборочную совокупность составили женщины в возрасте от 21 до 89 лет, средний возраст респонденток – 39 лет. Среди опрошенных 2,9% – доктора наук, 26,8% – кандидаты наук, без ученой степени – 70,3% женщин. Семейное положение респонденток выглядит следующим образом: замужем (юридически оформленные отношения) – 51,4%, состоят в фактическом браке (незарегистрированном браке) – 5,6%, разведены – 5%, вдовы – 4,4%, не замужем – 33,7%. Средний возраст вступления в первый брак – 24 года. Есть дети у 48,1% женщин (в т. ч. один ребенок – у 59,4%, два ребенка – у 36,7%, три ребенка – у 3,8%). При этом не имеют детей 51,9% женщин.

В ходе исследования был проведен замер степени важности социальных и профессиональных ролей лично для женщины. Респонденткам предлагалось проранжировать от 1 до 7 важность ролей, т. е. самая важная для них роль, ради которой они готовы отказаться от других ролей, должна стоять на первом месте, далее женщины указывали степень важности других ролей по убыванию. В табл. 1 представлена иерархия ролей для женщины-ученого.

Таблица 1. **Иерархия социальных и профессиональных ролей для женщин-исследователей**
Table 1. **The importance of social and professional roles for women-researchers**

Иерархия ролей	Ранг	Среднее
Мать	**1**	3,07
Жена	**2**	3,36
Профессионал (профессиональная деятельность, творчество)	**3**	3,41
Хозяйка («хранительница домашнего очага»)	**4**	4,01
Деловая женщина (продвижение по службе, построение карьеры)	**5**	4,24
Коллега	**6**	4,59
Активистка (общественная деятельность: участие в общественных организациях и объединениях)	**7**	5,29

Первое место в иерархии социальных и профессиональных ролей занимает роль матери, второе – жены, третье – профессионала. Разница между первым и вторым рангом составляет 0,29 балла, тогда как между вторым и третьим – всего лишь 0,05 балла. Это позволяет сделать вывод о том, что роли жены и профессионала имеют практически одинаковое значение для женщины-исследователя. На основании разницы средних значений для третьего и четвертого ранга (0,6 балла), а также на основании того, что разница между четвертым и пятым, пятым и шестым рангами составляет 0,23 и 0,25 балла соответственно, можно выделить две группы ролей по значимости для женщин. В первую входят роли матери, жены и профессионала, во вторую – хозяйки, деловой женщины и коллеги. Последнее место (седьмое) в ролевой иерархии изученной профессиональной группы занимает роль активистки. При этом необходимо отметить, что различие между седьмым и шестым рангом (коллега) составляет 0,7 балла и представляет наибольшее различие между рассмотренными позициями.

Доминантное большинство женщин-исследователей ориентировано на семью. При этом часть женщин ориентирована на совмещение профессиональной и гендерной ролей. Об этом свидетельствуют следующие показатели исследования. Оценивая значение семьи и научной карьеры в своей жизни, около половины (48,7%) женщин отметили, что семья для них более значима, чем научная карьера. По мнению 36,7% женщин, для них одинаково значимы и научная карьера, и семья. Только для 2,5% респонденток научная карьера более значима, чем семья. Затруднились ответить на поставленный вопрос 12,2% женщин.

Рассмотрим мнение женщин-ученых о значении семьи и научной карьеры в зависимости от возраста, наличия ученой степени, занимаемой должности и семейного положения. Отметим, что семейное положение не влияет на оценку значимости семьи и научной карьеры ($sig = 0{,}292$, следовательно, подтверждается нулевая гипотеза об отсутствии связи между переменными).

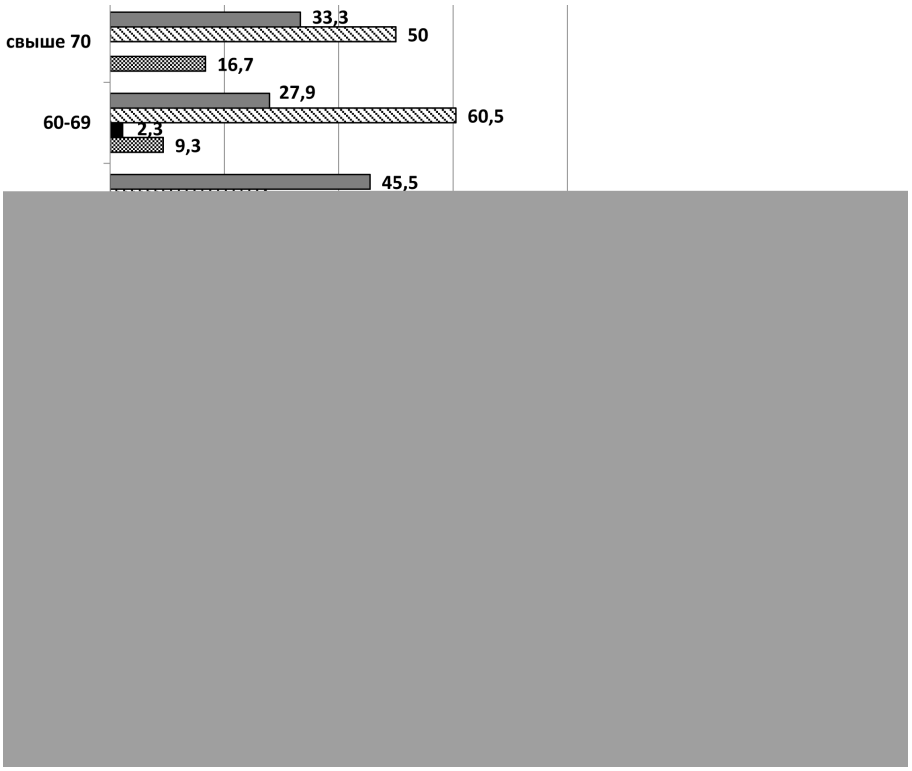

Рис. 1. Значение семьи и научной карьеры для женщин-исследователей в зависимости от возраста, %
Fig. 1. Significance of family and scientific career for women-researchers depending on age (in %)

Как следует из рис. 1, семья более значима, чем научная карьера для женщин всех возрастных категорий, но в разной степени. Для женщин в возрасте 45–49 лет в большей степени семья более значима, чем научная карьера. Семья менее значима, чем научная карьера для женщин в возрасте 60–69 лет. Для женщин всех возрастов одинаково значимы и научная карьера, и семья, однако они более значимы для женщин старшей возрастной группы (60–69 лет), менее значимы – для молодых женщин до 29 лет. В то же время научная карьера более значима, чем семья в незначительной степени для женщин от 21 до 44 лет, а также для женщин возрастной группы 60–69 лет.

По результатам исследования (рис. 2) для докторов и кандидатов наук в наибольшей степени одинаково значимы и научная карьера, и семья (61,5 и 53,8% соответственно). В то же время для женщин

Рис. 2. Значение семьи и научной карьеры для женщин-исследователей в зависимости от наличия ученой степени, %
Fig. 2. Significance of family and scientific career for women-researchers depending on the academic degree (in %)

Окончание таблицы

Библиотека	Количество			Плата за выдачу книг	Доходы и расходы библиотеки	Дополнительные сведения
	книг	читателей	выдач			
Кадино, Могилевкая губерния (частная)**	–	100 читателей в месяц, дети и подростки до 15 лет – 71 человек	Спрос на детские книги – (1176 выдач) и книги на идиш (1050 выдач) Оригинальная литература пользуется большим спросом, чем переводная. Отдел русской беллетристики – 403 выдачи при 293 книгах	–	–	–
Игумень, Минская губерния**	1705 книг, из них – 1239 – на русском, 276 – на разговорном ерейском, 190 – на древнееврейском	120 читателей в месяц, в основном – в возрасте до 21 года	2870 выдач; на русском – 2365, на идиш – 259, на иврите – 246	15 коп., а также залог – 1 руб.	Доходы – 477 р. 50 коп. Плата за чтение – 166 р. 55 коп. Получено залогов – 136 р. 90 коп.	Библиотека функционирует при Обществе оказания помощи и пособия бедным евреям. При бесплатной квартире и бесплатном труде библиотека едва сводит концы с концами, причем на выписку новых книг в течение 1913 г. потрачено всего 74 р.

П р и м е ч а н и я. * Сведения представлены за период с 01.07.1912 по 01.07.1913 г. ** Сведения представлены за 1913 г. ***Составлено по: Еврейское библиотечное дело // Вестник Общества Распространения Просвещения между евреями России. – 1914. – № 29.– С. 39–40; Еврейское библиотечное дело // Вестник Общества Распространения Просвещения между евреями России. – 1914. – № 30. – С. 42–45.

Список использованных источников

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 4, тетр. 3 : Виленская губерния. – 1904. – 179 с.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 5, тетр. 2 : Витебская губерния. – 1901. – 58 с.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 5, тетр. 3 : Витебская губерния. – 1903. – 281 с.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 11 : Гродненская губерния. – 1904. – 319 с.

5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 12 : Минская губерния. – 1904. – 243 с.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : [в 80 ч.] / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Ч. 13 : Могилевская губерния. – 1903. – 276 с.

7. Розенблат, Е. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Е. Розенблат, И. Еленская // Диаспоры. – 2002. – № 4. – С. 27–52.

8. Иоффе, Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси : крат. науч.-попул. очерк / Э. Г. Иоффе. – Минск : АРТИ-ФЕКС, 1996. – 292 с.

9. Перепись населения г. Минска, произведенная 27–30 сентября 1917 г. / Мин. гор. управа. – Минск : Тип. Мин. Сионист. Орг., 1918. – 32 с.

10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 701. Оп. 1. Д. 40. Л. 43–44.

11. Смиловицкий, Л. Л. Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 / Л. Л. Смиловиций. – Минск : Арти-Фекс, 1999. – 360 с.

12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1416. Оп. 3. Д. 20196. Л. 19–28.

13. НИАБ. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 98. Л. 7–9.

14. Еврейское библиотечное дело // Вестн. Общества Распространения Просвещения между евреями России. – 1914 . – № 29. – С. 1–40.

15. Захаркевіч, С. А. Этнічныя меншасці Беларусі: вопыт сацыяльнай трансфармацыі ў XIX–пачатку XX ст. / С. А. Захаркевіч // Пр. гіст. фак. БДУ : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2009. – Вып. 4. – С. 242–249.

16. Russian Poland, Lithuania and White Russia. – London : H. M. Stationery Office, 1920. – 144 p. – (Handbooks prepared under the direction of the historical section of the foreign office ; № 44).

17. Еврейское библиотечное дело // Вестн. Общества Распространения Просвещения между евреями России. – 1914. – № 30. – С. 42–46.

References

1. Troinitskii N. A. (ed.) *The First General Census of Population of the Russian Empire,1897. Part 4, book 3: Vilno Province*. St. Petersburg, Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 40 p. (in Russian).

2. Troinitskii N. A. (ed.) *The First General Census of Population of the Russian Empire,1897. Part 5, book 2: Vitebsk Province.* St. Petersburg, Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1901. 58 p. (in Russian).

3. Troinitskii N. A. (ed.) *The First General Census of Population of the Russian Empire, 1897. Part 5, book 3: Vitebsk Province.* St. Petersburg, Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1903. 281 p. (in Russian).

4. Troinitskii N. A. (ed.) *The First General Census of Population of the Russian Empire,1897. Part 11: Grodno Province*. St. Petersburg, Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 319 p. (in Russian).

5. Troinitskii N. A. (ed.) *The First General Census of Population of the Russian Empire, 1897. Part 12: Minsk Province*. St. Petersburg, Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 243 p. (in Russian).

6. Troinitskii N. A. (ed.) *The First General Census of Population of the Russian Empire, 1897. Part 13: Mogilev Province*. St. Petersburg, Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1903. 276 p. (in Russian).

7. Rozenblat, E., Elenskaya, I. Dynamics of quantity and settlement of the Jews in Belarus in the XX century. *Diaspory* [Diaspora], 2002, no. 4, pp. 27–52 (in Russian).

8. Ioffe E'. G. *Papers on History of the Jews in Belarus*. Minsk, Arti-Feks Publ., 1996. 292 p. (in Russian).

9. *Census of Population Accomplished on 27–30 September, 1917*. Minsk, Tip. Printing house of the Minsk Zionist Organization, 1918. 32 p. (in Russian).

10. National Achieve of the Republic of Belarus. F. 701. Inv. 1. F. 40. Sh. 43–44. (in Russian).

11. Smilovitskii L. L. *The Jews in Belarus: From our Common History, 1905–1953*. Minsk, Arti-Feks Publ., 1999. 360 p. (in Russian).

12. National Historical Achieve of Belarus. F. 1416. Inv. 3. F. 20196. Sh. 19–28. (in Russian).

13. National Historical Achieve of Belarus. F. 2084. Inv. 1. F. 98. Sh. 7–9. (in Russian).

14. Jewish Librarianship. *Vestnik Obshchestva Rasprostraneniya Prosveshcheniya mezhdu evreyami Rossii* [Messenger of the Association of Spreading the Enlightenment among the Jews], 1914, no.29, pp. 1–40 (in Russian).

15. Zaharkevich S. A. Ethnic Minorities of Belarus: Experience of Social Transformation in the XIX – the Beginning of XX. *Pratsy gistarychnaga fakul'teta Belaruskaga dzyarzhaunaga universiteta: navukovy zbornik* [Works of the Department of History of Belarusian State University: scientific collection]. Minsk, Belarusian State University, 2009, Iss. 4, pp. 242–249 (in Belarusian).

16. *Russian Poland, Lithuania and White Russia*. *Handbooks prepared under the direction of the historical section of the foreign office. No 44*. London: H. M. Stationery Office, 1920. 144 p.

17. Jewish Librarianship. *Vestnik Obshchestva Rasprostraneniya Prosveshcheniya mezhdu evreyami Rossii* [Messenger of the Association of Spreading the Enlightenment among the Jews], 1914, no.30, pp. 42–46 (in Russian).

Информация об авторе

Дмитриева Ольга Петровна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой иноязычной коммуникации факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров. Академия управления при Президенте Республики Беларусь (ул. Московская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: volhadzmitrieva@gmail.com

Information about the author

Olga P. Dmitrieva – Ph. D. (Hist.), Head of Foreign Language Communication Department. Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus (17 Moskovskaya Str., 220007 Minsk, Belarus). E-mail: volhadzmitrieva@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 614.88(091):(476)“1919/1939”
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-306-316

Поступила в редакцию 13.03.2018
Received 13.03.2018

А. А. Каплиев

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ СЛУЖБЫ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ (1919–1939 гг.)

Аннотация. Статья характеризует основные этапы зарождения службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси в контексте становления советского здравоохранения. На основе широкого комплекса источников выделены основные факторы, детерминировавшие формирование института скорой медицинской помощи, показана эволюция организации работы данной службы. В рамках изучаемого периода автор условно выделил три этапа развития экстренной медицины, сформировавших облик службы скорой медицинской помощи и здравоохранения БССР в целом. Отмечена роль механизации санитарного транспорта как ключевого фактора модернизации и развития скорой медицинской помощи в Советской Беларуси.

Ключевые слова: скорая медицинская помощь, Советская Беларусь, ночные дежурства врачей, здравоохранение, санитарный транспорт, эпидемии

Для цитирования. Каплиев, А. А. Формирование службы скорой медицинской помощи на территории Советской Беларуси (1919–1939) / А. А. Каплиев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 306–316. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-306-316

A. A. Kapliyev

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE FORMATION OF THE AMBULANCE SERVICE IN THE TERRITORY OF SOVIET BELARUS (1919–1939)

Abstract. Article contains analysis of the ambulance service`s development in Soviet Belarus during the interbellum period. Major factors that caused the emergency medical care origins and evolution were highlighted. Author divided the studied period in three stages: “epidemic”, “institutional” and “technogenic” that influenced the ambulance service development. Author underlined a huge role of sanitary transport modernization that became the most important factor of emergency medical care development during the studied period.

Keywords: ambulance services, Soviet Belarus, night duties of doctors, healthcare, sanitary transport, epidemics

For citation. Kapliyev A. A. The formation of the ambulance service in the territory of Soviet Belarus (1919–1939). *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 306–316 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-306-316

Введение. Развитие институтов экстренной медицины в процессе становления советского здравоохранения Беларуси является одним из наименее исследованных вопросов в отечественной историографии. Вместе с тем именно создание регулярной службы скорой медицинской помощи (СМП) стало определяющей чертой, характеризующей общее состояние советской медицины в период её зарождения.

Цель настоящего исследования – изучение процессов становления и развития службы СМП в контексте формирования системы здравоохранения на территории Советской Беларуси до 1939 г. Анализ основан на широком комплексе источников из фондов государственных архивов, библиотек и музеев. Исследование осуществлялось с использованием общенаучных и специальных исторических методов в соответствии с основополагающими принципами историзма и объективности.

Основная часть. Первые попытки организации институтов оказания экстренной медицинской помощи (медпомощи) на территории Беларуси предпринимались усилиями местных врачебных и благотворительных обществ ещё в конце XIX – начале XX в. Однако с началом Первой ми-

© Каплиев А. А., 2018

ровой войны все созданные к 1914 г. структуры медицинской помощи в экстренных случаях (ночные дежурства врачей, кареты и станции (пункты) СМП) были свёрнуты или интегрированы в армейскую медицинскую службу [1, с. 21–22].

В период с 1914 по 1921 г. белорусские земли являлись ареной перманентных военных действий, и любые попытки организации упорядоченной медицинской помощи гражданскому населению прерывались возобновлявшимися боями, оккупацией территории Беларуси и постоянно менявшимся территориально-административным делением.

К моменту установления советской власти медицина Беларуси находилась в состоянии полного упадка. Программа реформ большевиков, принятая на VIII съезде РКП(б) в 1919 г., в области охраны здоровья населения предполагала широкую национализацию лечебных заведений, аптек и трудовую повинность медицинских работников. Одной из ближайших задач партия определила обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи населению [2, с. 411].

Для организации медицинской службы в советских республиках, в том числе и ССРБ (ЛитБел ССР), были созданы Народные комиссариаты здравоохранения (НКЗ), которые ведали всеми мероприятиями, *«...имеющими целью поднятие уровня здоровья населения...»* и *«...установлением условий, нарушающих здоровье и вредно влияющих на него»* [3, л. 21]. На местах создавались территориальные органы управления – губернские (позднее – окружные) и уездные отделы здравоохранения. С оглашением декрета Совета Народных Комиссаров от 18 февраля 1919 г. «О передаче всей лечебной части бывших больничных касс Народному Комиссариату Здравоохранения» медицинские учреждения со всем оборудованием и персоналом переходили в ведение НКЗ и его отделов на местах. Все частные медико-санитарные учреждения (больницы, амбулатории, лазареты, аптеки) были подвергнуты национализации [4, с. 96].

Непрерывные военные действия и присутствие на территории Беларуси многочисленных армейских контингентов, а также волны миграции населения в прифронтовых районах, антисанитария и общий социально-экономический кризис привели к появлению очагов опасных инфекционных заболеваний: тифа, холеры, дизентерии.

Разветвлённая сеть железных дорог стала идеальной системой распространения инфекций, что обусловило быстрое развитие эпидемий на всей территории Беларуси. Ситуацию усугубляли продолжавшиеся боевые действия Польско-советской войны: расквартированные в Беларуси войска, а также военнопленные создавали дополнительные эпидемические риски, особенно в крупных городах [5, л. 94 об.]. Количество заболевших по отдельным губерниям насчитывало десятки тысяч человек, что привело к перегрузке существующих лечебных учреждений и общему кризису здравоохранения в 1919 г.

Для выхода из сложного эпидемического положения советское руководство пошло на чрезвычайные меры: все медицинские работники были подвергнуты обязательной повинности по оказанию лечебной помощи населению [6, с. 1408–1409]. В условиях трудовой повинности врачам приходилось работать по 16–18 часов в сутки, при этом отмечалось, что *«оплата труда медработников не соответствовала их жизненным потребностям»* [7, л. 94].

Методическое и практическое руководство противоэпидемическими мероприятиями осуществляли созданные на местах Чрезвычайные Комиссии по борьбе с эпидемиями, которые наделялись широчайшими полномочиями. Важнейшую роль в борьбе с инфекциями стала играть оперативная медпомощь и доставка заражённых в стационары и изоляционные камеры. Недостаток лечебных учреждений и врачебных кадров в условиях нараставшего распространения инфекции вынуждал руководителей здравоохранения на местах предпринимать неординарные меры для разрешения тяжёлой ситуации, комплекс которых включал организацию первых структур СМП.

Одной из первых организационных форм оказания экстренной медицинской помощи гражданскому населению в условиях эпидемии стали дезинфекционные и санитарно-эпидемические («летучие») отряды. Отряд представлял собой группу медработников (в основном фельдшеров) числом до 12 человек, в обязанности которых входила дезинфекция помещений, транспортировка заражённых в изоляторы, организация карантинных мероприятий и оказание первой помощи пациентам [8, л. 229 об.].

Важнейшим институтом по оказанию экстренной медицинской помощи являлись ночные дежурства врачей. Организационные и методические основы деятельности ночных дежурств были выработаны ещё в дореволюционный период, что обусловило простоту и оперативность их формирования уже в рамках становления советской системы охраны здоровья населения [1, с. 16, 19]. Отличительными особенностями ночных дежурств были строго лимитированный период деятельности, который включал лишь ночные часы, а также отсутствие в распоряжении дежурантов специализированного санитарного транспорта и малая численность персонала. Ночные дежурства зачастую были не только единственной формой оказания экстренной медпомощи, но и необходимой ступенью в организации регулярной службы СМП, являясь базой для её развёртывания.

Наименее распространённой формой оказания экстренной медицинской помощи в «эпидемический» период стали собственно кареты СМП. Ввиду сложности в эксплуатации и высокой затратности содержания, как и в дореволюционный период, СМП создавалась лишь в крупнейших городах страны. В частности, в Могилёве Чрезвычайная Комиссия по борьбе с эпидемиями постановила привести имевшуюся в городе карету скорой помощи (закуплена городским управлением ещё в 1912 г.) *«в состояние, соответствующее её назначению»* для перевозки эпидемических больных [7, л. 41]. В Гомеле аналогичная структура в 1919 г. также создала дежурства врачей СМП, выделив для этой цели персонал и ресурсы [9, л. 8]. Организационно гомельская СМП входила в структуру местного санитарного бюро, координировавшего действия по борьбе с эпидемией, что подтверждает тезис о принадлежности институтов СМП, созданных в данный период, к единому комплексу мероприятий, имевших целью ликвидацию вспышки инфекций.

Коммуникации СМП с противоэпидемическими службами отмечались и в других регионах Беларуси. Важной частью борьбы с эпидемиями стала дезинфекция заражённых помещений, которая осуществлялась специальными дезинфекционными камерами (дезкамерами). В журнале деятельности Минской городской дезкамеры уже с марта 1918 г. встречается «карета для перевозки больных», регулярно выезжавшая по требованиям официальных властей. Позднее данная карета упоминалась как «городская заразная карета», а с апреля 1919 г. за ней закрепилось официальное название – «карета скорой медицинской помощи». О важности работы данной кареты свидетельствует сам факт пролонгации её деятельности даже после установления в Минске польского оккупационного режима [10, л. 1, 19, 28 об.].

Приведённый комплекс форм оказания экстренной медицинской помощи, совокупность которых условно можно назвать «протослужбой» СМП, был создан стихийно и потому страдал отсутствием стандартизированного подхода к оказанию помощи. Организованные в «эпидемический» период структуры имели различные формы и принципы работы, так как являлись лишь ситуационным решением для борьбы с инфекциями, что предопределило скоротечность их существования. По мере ликвидации основных очагов эпидемий в начале 1920-х гг. рассмотренные организации СМП были свёрнуты [11, с. 84].

С установлением относительно мирного периода в 1921 г. и началом непрерывного процесса государственного строительства молодое советское здравоохранение столкнулось с рядом сложностей. Слабость материально-технической базы наряду с сознательным и целенаправленным отказом от наработок земской системы здравоохранения привели к утере преемственности и необходимости создания новой парадигмы построения службы охраны здоровья. Формируемая в рамках советской системы модель построения здравоохранения обеспечивалась за счёт государства и базировалась на трёх основополагающих принципах: квалифицированность, общедоступность и бесплатность, что должно было коренным образом отличать её от земской медицины, доступной лишь обеспеченным слоям общества [12, с. 11].

В середине 1921 г. с введением новой экономической политики (НЭП) и элементов рыночной экономики здравоохранение лишилось государственного финансирования и было переведено на средства местного бюджета. Большинство местных бюджетов не смогли компенсировать утрату финансовой поддержки государства, ввиду чего начались массовые сокращения лечебной сети и кадров здравоохранения (в среднем более, чем наполовину), а также фактический перевод медицинского обслуживания на платную основу. Особенно угрожающей стала ситуация в сельской медицине, чья весьма скромная лечебная сеть в отдельных районах ликвидировалась полностью,

заставляя крестьян искать лечения в близлежащих городах, что перегружало работавшие на пределе возможностей городские лечебные заведения [13, с. 135].

В подобных условиях обеспечить всестороннюю и квалифицированную медпомощь всему населению было невозможно. Ввиду данных обстоятельств руководство здравоохранением приняло решение отдать приоритет развитию медицины для застрахованных (государственные служащие, рабочие и их иждивенцы), а медицина для крестьян и работников негосударственных учреждений и предприятий должна была обеспечиваться ими самостоятельно за счёт «самообложения» в сельской местности и на основании договоров с лечебными учреждениями в городах. Данные шаги свидетельствуют о фактическом отходе от основных принципов советского здравоохранения и общей кризисной ситуации в медицине в начале 1920-х гг. [14, л. 13].

Ещё одним важным следствием НЭПа стал ренессанс частной врачебной практики. Низкая зарплата в совокупности с систематическими перегрузками на государственной работе мотивировала многих квалифицированных врачей к открытию частных лечебно-консультативных кабинетов. В то же время молодая советская медицина, подвергшаяся сокращению и лишённая материальной поддержки, стремительно теряла авторитет у пациентов, поэтому в городах, где в основном концентрировались частные врачебные кабинеты, население отдавало предпочтение последним.

Существование частной медицины по сути являлось антагонистичным советской концепции здравоохранения, что индуцировало перманентную борьбу за её ликвидацию. Значительную часть обращений в частные кабинеты составляли экстренные случаи, оказать помощь при которых, ввиду отсутствия регулярной СМП, за исключением приватного доктора, было некому. Поэтому НКЗ ставил «отмирание» частной практики в прямую зависимость от интенсивности развития СМП, которая, таким образом, являлась не только средством медицинского обеспечения населения, но и инструментом идеологической борьбы против «классового врага» советского здравоохранения [15, л. 143 об.].

Наибольшее значение в процессе организации СМП имело создание профильных медицинских служб и расширение сферы деятельности ранее существовавших. В первой половине 1920-х гг. важным элементом оказания экстренной медицинской помощи стали структуры медпомощи на дому (в архивных документах упоминается как «квартирная помощь», «районная помощь») и неотложной помощи, которые были формально стратифицированы, но фактически исполняли схожие функции. При организации медпомощи на дому город делился на несколько районов, за каждым из которых закреплялся отдельный врач. «Квартирная помощь» была призвана обслуживать только тех пациентов, которые по состоянию здоровья не имели возможности самостоятельно посетить амбулаторию или поликлинику [16, с. 392]. В условиях отсутствия профессиональной службы СМП её функции зачастую ложились именно на врачей медпомощи на дому, которые были систематически перегружены, особенно в малых городах и сельской местности.

Осознание недостаточности существовавших медицинских служб в совокупности с постепенным выходом здравоохранения из кризисного состояния индуцировало создание профильных институтов экстренной медицинской помощи. Необходимость оперативного исправления сложившегося бедственного положения принуждала к реализации уже проверенных и действенных мероприятий, одним из которых была организация ночных дежурств врачей. В условиях ограниченных средств и дефицита квалифицированных медицинских кадров для формирования полноценных бригад СМП ночные дежурства являлись наиболее оптимальной альтернативой регулярной СМП [17, л. 50]. В районных и некоторых окружных городах данный институт был основой экстренного медицинского обслуживания до середины 1930-х гг. Пункт ночного дежурства врачей не оборудовался специализированной санитарной каретой и не требовал большого штата обслуживающего персонала. Смены в 10–12 часов предполагали широкие перспективы для совмещения врачей в службе дежурств, что позволяло решить проблему кадрового дефицита, характерную для здравоохранения Советской Беларуси на протяжении всего изучаемого периода.

В середине 1920-х гг. часть комплекса институтов СМП составляли врачебные и фельдшерские пункты первой помощи. Фактически данные структуры в большинстве случаев обеспечивали лишь оказание неспециализированной (доврачебной) помощи на промышленных предприяти-

ях, однако в архивных документах они зачастую упоминаются как «пункты скорой помощи», что усложняет анализ и стратификацию форм оказания СМП. Пункты первой помощи являлись важной частью не только экстренного обеспечения трудящихся медицинской помощью, но и элементом системы предупреждения заболеваемости, мониторинга санитарного состояния предприятий, обучения населения приёмам оказания первой помощи [18, с. 10–12]. В конце 1920-х гг. концепция приближения медицинской помощи к населению путём расширения сети медпунктов эволюционировала в проект врачебного пункта здравоохранения, который, согласно Большой Медицинской Энциклопедии, осуществлял *«оказание первоначальной лечебной помощи при несчастных случаях и внезапных заболеваниях …»* [19, с. 54–55].

Тем не менее все приведённые институты только частично исполняли функции СМП, что в условиях повышения требований к медицинскому обеспечению являлось лишь полумерами. К середине 1920-х гг. неспособность существовавших организаций внебольничной медпомощи обеспечить растущие потребности населения привела к необходимости создания профессиональной СМП на регулярной основе.

Для организации эффективной работы СМП требовалась чёткая правовая база, которая начала формироваться с 1921 г., когда в НКЗ была принята резолюция по докладу об оказании специальной медицинской помощи. Создание станций СМП предполагалось, в первую очередь, в крупных городах из расчёта один пункт (станция) на 150 тыс. человек населения. Наиболее рациональным признавалось расположение пункта СМП в центре города (при каком-либо лечебном учреждении) с обеспечением соответствующим специальным транспортом и обученным медперсоналом. Отдельно указывалось, что в прочих городах и фабрично-заводских посёлках должен быть организован *«специальный транспорт для несчастных случаев»* [20, л. 11–11 об.]. В сельской местности создание регулярной СМП не предполагалось, а оказание экстренной медпомощи должно было обеспечиваться только путём расширения участковой врачебной сети и медицинских пунктов [21, л. 101]. Таким образом, СМП как организованная служба в 1920-х гг. продолжала оставаться преимущественно городским явлением (рис. 1).

Следует отметить, что до второй половины 1920-х гг. развитие СМП в регионах Беларуси происходило крайне нестабильно. Процесс создания СМП не являлся равномерным и в различных регионах был хронологически дифференцирован. В зависимости от финансового положения СМП зачастую меняла «учреждение-патрон», при котором находился пункт экстренной помощи, или вовсе закрывалась. Например, открытый в конце 1922 г. в Витебске при бывшей больнице Красного Креста пункт СМП уже в 1923 г. прекратил работу из-за отсутствия средств, а возобновил свою деятельность только после улучшения финансового положения местного здравоохранения в 1925 г. [22, с. 4]. Такая же ситуация была характерна и для Минска, где место дислокации пункта СМП периодически изменялось.

Во второй половине 1920-х гг. относительно бессистемное развитие СМП в различных областях страны было взято под контроль центральных органов руководства здравоохранения. В отношении НКЗ БССР от 5 марта 1927 г. № 1738 всем окружным отделам здравоохранения предписывалось: «*…павінен быць арганізаваны спецыяльны інстытут хуткай дапамогі альбо неабходна выдзяліць аднаго адзначанага ўрача (у залежнасці ад велічыні гораду)»* [23, л. 33 об.]. Важное место в регламентации деятельности экстренных служб имели положения «О порядке и правилах оказания первой неотложной помощи» (1926) и «О станциях скорой помощи» (1927), определившие порядок работы, штаты и обязанности СПМ [24, с. 62–63; 25, с. 39–41].

В конце 1920-х гг., обобщая первый опыт работы службы СМП, руководство НКЗ отмечало значительное число ложных и непрофильных вызовов, совокупность предупредительных мер против которых выразилась в создании положения «Об издании обязательных постановлений о порядке вызова скорой медицинской помощи» [25, с. 41–45]. На основе данного акта в городах БССР был выработан ряд обязательных постановлений об использовании СМП, утверждаемых местными городскими советами [26, л. 25].

Предвоенное десятилетие являлось периодом наиболее интенсивного развития СМП за весь изучаемый период. Форсированные индустриализация, коллективизация и освоение новых видов производств привели к необходимости расширения и приближения к населению сети струк-

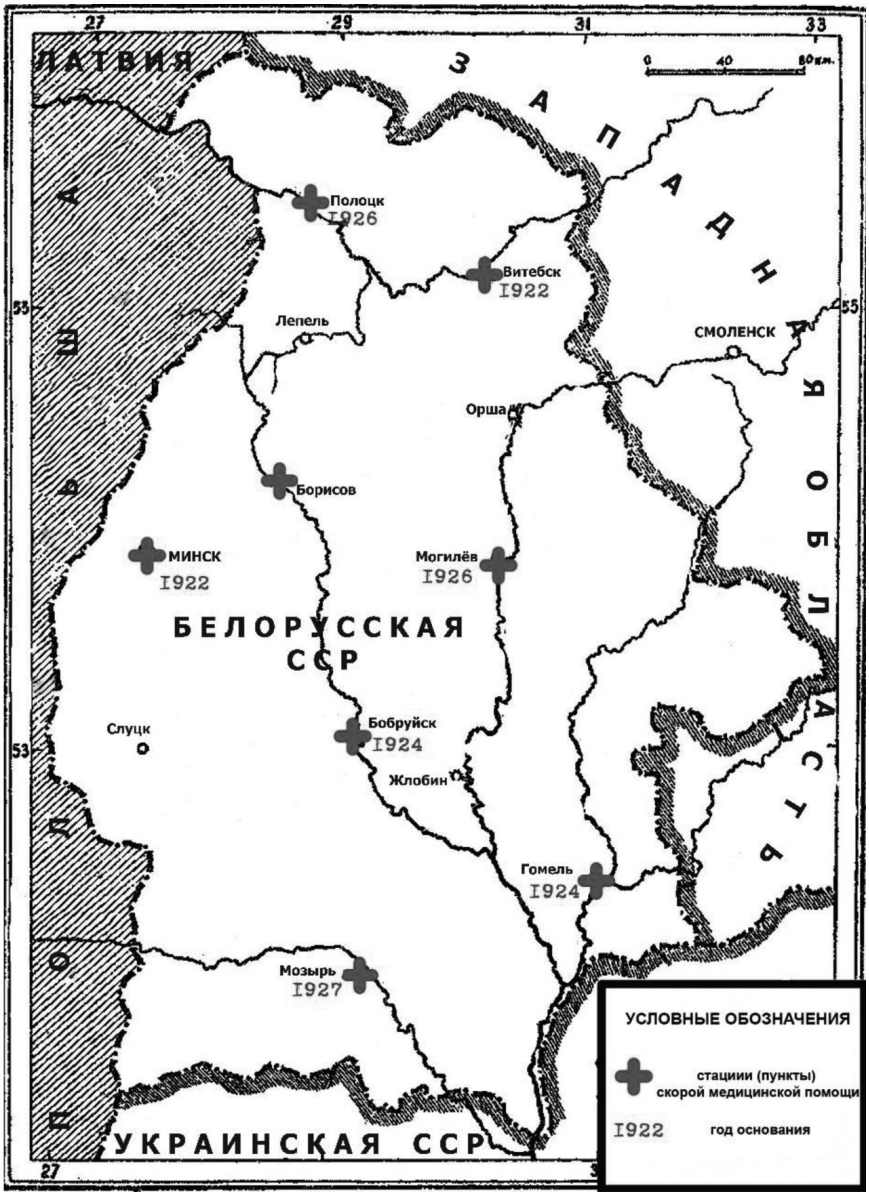

Рис. 1. Карта распространения скорой медицинской помощи в БССР в 1920-х гг.
Fig. 1. Ambulance service's diffusion map in BSSR in 1920th

тур СМП в совокупности со значительным увеличением оперативности медицинского обслуживания. Поэтому одной из главных тенденций 1930-х гг. стало распространение СМП за пределы крупнейших городов в средние и малые, а также в сельскую местность. Существовавшие пункты СМП в районных городах расширялись и превращались в самостоятельные станции, что привело к значительному количественному росту структур СМП (рис. 2).

Требования времени предопределили не только расширение сети СМП, но и активную механизацию санитарного транспорта, которая стала важнейшей тенденцией 1930-х гг. [29, л. 82]. В 1920-х гг. санитарный транспорт в Советской Беларуси внедрялся недостаточными темпами. Периодически поставлявшиеся на станции СМП автомобили были устаревшими, вследствие чего быстро выходили из употребления и заменялись конными каретами, уже ставшими рудиментарным анахронизмом. Данная тенденция была обусловлена слабостью советской автомобильной промышленности 1920-х гг., ввиду чего СМП БССР (а также всего СССР) в основном использовала подержанные автомобили зарубежного производства, что сопровождалось сложностями при их эксплуатации и частыми поломками. В условиях фактически полного отсутствия оригинальных

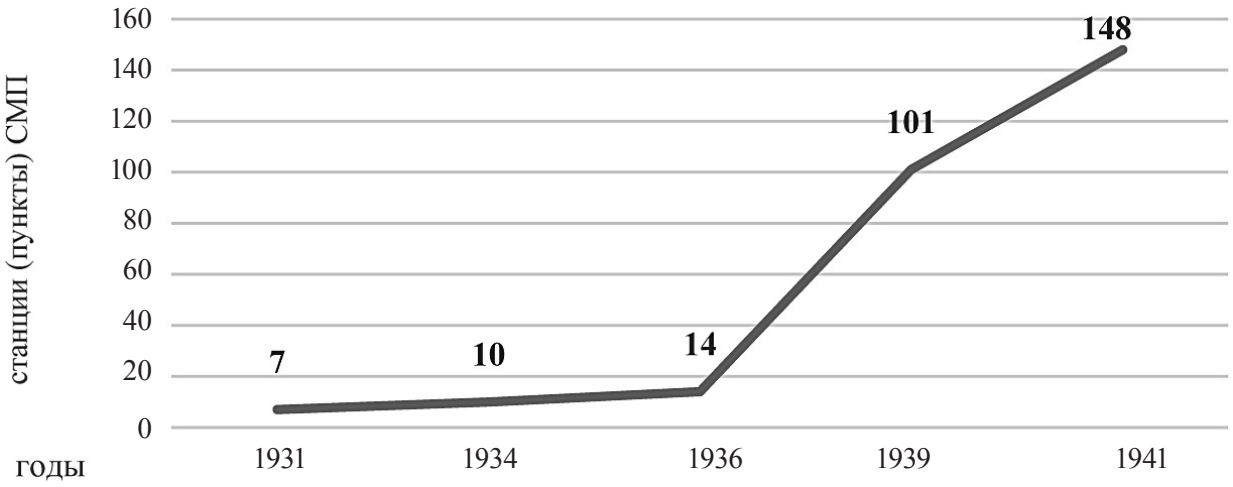

Рис. 2. Рост структур скорой медицинской помощи в городах БССР в 1930-х гг. [13, с. 65; 27, с. 53; 28, л. 5]
Fig. 2. Growth of structures of the ambulance services in cities of BSSR in 1930th [13, p. 65; 27, p. 53; 28, sh. 5]

запчастей ремонт вышедшего из строя автотранспорта зарубежного производства становился чрезвычайно сложной задачей [30, л. 2]. Так, несмотря на появление в Минске санитарных автомобилей, в 1929 г. констатировалось возвращение к обслуживанию СМП конной каретой, что было обусловлено поломкой машины и отсутствием средств на её ремонт или замену.

Компенсировать постепенно изнашивавшийся парк подержанных зарубежных автомобилей было призвано выделение станциям СМП отечественных грузовых машин, не приспособленных, однако, для медицинских целей. В 1930-х гг. структуры СМП БССР стали получать советские полуторатонные автомобили ГАЗ АА. Принимая во внимание полную непригодность поставленных машин для перевозки пациентов, белорусские медики, используя опыт московской СМП, переделывали грузовые автомобили в санитарные в «кустарных» условиях. С автомобиля снимался кузов и оборудовался салон из дубовых досок, которые обивались жестью и окрашивались. Салон оборудовался носилками, а на борт автомобиля наносилась надпись «Скорая медицинская помощь» [31, с. 4–5].

Несмотря на приведённые недостатки, поставка неспециализированных автомобилей помогла постепенно разрешить кризисную ситуацию с санитарным автотранспортом в БССР (рис. 3).

Увеличение автопарка СМП позволило выделить больше ресурсов для расширения районов эффективной деятельности службы. С введением нового административно-территориального деления в 1938 г. была создана сеть областных станций СМП. В отличие от городских станций СМП, подобные учреждения специализировались на выездах в сельские районы, где регулярные инсти-

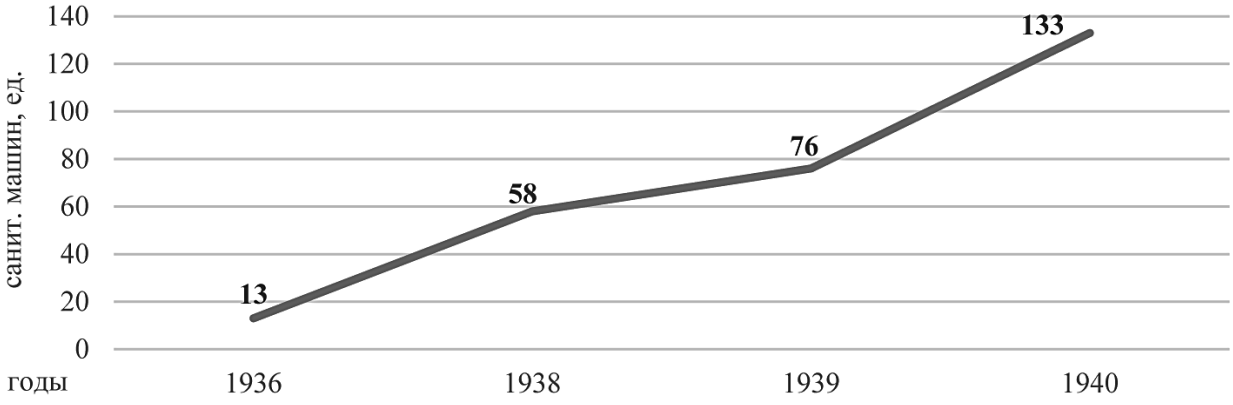

Рис. 3. Количество автомобилей городских станций скорой медицинской помощи БССР в 1936–1940 гг. [27, с. 127; 32, л. 6]
Fig. 3. Number of vehicles of city ambulance stations in BSSR in 1936–1940 [27, p. 127; 32, sh. 6]

туты экстренной медпомощи отсутствовали. Областная станция СМП являлась учреждением, обособленным от городской СМП областного центра, и располагалась при крупном лечебном заведении (поликлиника, городская больница, санитарная станция). Одной из важнейших функций областных СМП было обеспечение районов консультативной помощью врачей-специалистов из городов [33, л. 18].

Важно подчеркнуть, что несмотря на относительную стабилизацию ситуации с обеспечением медицинским транспортом, даже в конце 1930-х гг. наблюдались серьёзные проблемы с его эксплуатацией. Например, в Минске из 14 машин городской станции СМП работало только 4–5, а оставшиеся не имели шин и не были обеспечены бензином. На Витебской городской станции СМП, несмотря на наличие 14 машин, в строю находилось только две, в областной СМП автомобиль долгое время был в ремонте, а машины районных пунктов *«дали значительный простой в связи с бездорожьем»* [34, л. 60, 61]. В Орше отмечалась постоянная нехватка бензина, угрожавшая СМП закрытием, а в Полоцке прибытие бригад СМП осуществлялось только через 3–4 часа после вызова [35, л. 15].

По схожим причинам неудовлетворительной признавалась работа СМП в районах. Нередко встречались случаи, когда тяжёлых больных из отдаленных регионов приходилось везти на конной подводе, что негативно отражалось на состоянии здоровья пациентов. В некоторых районах из-за отсутствия бензина СМП отказывалась выезжать на вызов [36, л. 64].

Важным шагом в развитии оперативности и расширении зоны обслуживания экстренной медпомощью являлась организация санитарной авиации. Деятельность по созданию собственных медицинских самолётов в БССР началась ещё в конце 1920-х гг. под эгидой Белорусского общества Красного Креста и при поддержке Наркомата здравоохранения. Однако действующие санитарные самолёты появились в Беларуси только в 1934 г. (3 единицы), а свой первый вылет санитарная авиация осуществила 12–13 марта 1935 г. по маршруту Пропойск – Краснополье [37, с. 318].

Анализ деятельности принципиально новой для Беларуси службы санитарной авиации в предвоенный период позволил классифицировать её как средство приближения медицинской помощи к отдалённым и недоступным наземному транспорту районам страны, что значительно увеличило возможности здравоохранения. В 1935 г. самолётами была оказана помощь лишь в 52 случаях, но к 1939 г. санитарная авиация выполнила 1250 вылетов, из которых 610 – по срочному вызову [37, с. 318, 320; 38, л. 58]. В 1938 г. экстренные вызовы в любой точке страны обслуживались уже пятью санитарными самолётами [32, л. 6].

Развитие современного санитарного транспорта подготовило основу для создания в декабре 1939 г. Республиканской станции СМП, которая оказывала помощь в случаях, когда областные, городские и районные структуры СМП не имели технической возможности или специалистов для своевременного и профессионального обеспечения населения медпомощью. Особенностью её работы являлось обслуживание труднодоступных районов БССР, для чего сотрудники обеспечивались всеми существовавшими в тот период видами транспорта, от автомобиля до самолёта [39, л. 46–47].

Модернизация технического обеспечения СМП коррелировала с выработкой её методической и законодательной базы. В декабре 1937 г. в Ленинграде была проведена первая всесоюзная конференция по организации и подаче СМП, итогом работы которой явилась разработка универсального «Положения о скорой медицинской помощи». Документ регламентировал основные аспекты деятельности службы и её организационные основы. Создание самостоятельных станций СМП предусматривалось лишь в городах с численностью населения более 50 тыс. человек, а в менее крупных городах (от 25 до 50 тыс. человек) учреждались пункты СМП при уже существовавших лечебных учреждениях (больницы, поликлиники). Наконец, в городах с численностью населения менее 25 тыс. человек создание отдельных структур СМП не предусматривалось, а экстренная медпомощь должна была оказываться силами местных больниц или амбулаторий. Отдельно оговаривалась возможность создания СМП в малых населённых пунктах, имевших *«важное промышленное или иное значение»* [40, с. 2].

В методическом обеспечении деятельности СМП ведущую роль в СССР играли научно-исследовательские институты СМП, созданные в Москве (1923) и Ленинграде (1932). В течение 1940–1941 гг. ими были разработаны инструкции для главного врача и персонала станций СМП,

а также о порядке действий при различных экстренных случаях. Для повышения профессионализма работников службы разрабатывались учебные и справочные пособия (памятки, руководства).

Приведённые процессы предопределили количественный скачок структур СМП по всей территории БССР. Тенденция интенсивного роста СМП ярко проявилась в последние предвоенные годы (рис. 3).

Подводя итоги вышеизложенного, следует подчеркнуть, что к концу 1930-х гг., несмотря на интенсивное приближение экстренной медпомощи к сельским жителям, она тем не менее оставалась преимущественно городским явлением. В целом по БССР служба СМП приобрела следующую структуру:

– республиканская станция (обслуживание всей территории БССР);

– городские станции (областные города и районные центры);

– областные станции (помощь населённым пунктам, не имевшим собственных структур экстренной медпомощи);

– сельские пункты (не получили серьёзного распространения).

Выводы

1. Одним из важнейших факторов, детерминировавших начало развития СМП на территории Советской Беларуси, были продолжавшиеся после революций 1917 г. военные действия и наступивший период эпидемий инфекционных заболеваний. Первые институты оказания экстренной медицинской помощи сформировались как средство сдерживания вспышки инфекций в условиях затяжного кризиса здравоохранения. После постепенной стабилизации эпидемиологической обстановки большинство созданных в «чрезвычайный» период экстренных медицинских служб было ликвидировано, что не позволяет квалифицировать СМП начала 1920-х гг. как организованную службу.

2. Преодолев сокращения медицины и финансовый кризис периода НЭП, здравоохранение Советской Беларуси смогло восстановиться лишь к середине 1920-х гг. СМП в системе охраны здоровья занимала далёкую от приоритетных позицию, что обусловило слабость и неорганизованность её структуры. С укреплением законодательной базы экстренного медицинского обслуживания и формированием стабильной лечебной сети отмечается интенсивное развитие и службы СМП.

3. В 1930-х гг. коллективизация и индустриализация активизировали вопросы оказания экстренной медпомощи в промышленности и сельском хозяйстве. Индуцированное модернизацией страны развитие СМП вывело службу на новый организационный и структурный уровни, что позволяет характеризовать СМП БССР в 1930-х гг. как регулярную службу. Создание областных и Республиканской станций СМП в совокупности с интенсивной механизацией медицинского транспорта и созданием санитарной авиации позволило распространить экстренную медпомощь в ранее недоступные регионы страны.

4. Резюмируя проведённый анализ, следует выделить три этапа развития института СМП на территории Советской Беларуси с 1919 по 1939 г. :

1) «эпидемический» (1919–1921 гг.), характеризующийся отсутствием стандартизированного подхода, бессистемностью и плюрализмом организационных форм оказания СМП в чрезвычайный период эпидемий;

2) «институционализационный» (1921–1929 гг.), когда был постепенно преодолён несистемный характер развития и заложены законодательные и методические основы деятельности СМП как организованной службы;

3) «техногенный» (1930–1939 гг.), совместивший интенсивную механизацию санитарного транспорта и целенаправленное увеличение доступности и оперативности медицинского обслуживания путём расширения и стратификации сети СМП.

Сокращения

БССР (ССРБ) – Белорусская Советская Социалистическая Республика.
ГАВО – Государственный архив Витебской области.
ГАГО – Государственный архив Гомельской области.
ГАМн – Государственный архив Минской области.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Дезкамера – дезинфекционная камера.
ЗГАП – Зональный государственный архив в г. Полоцке.
ЛитБел ССР – Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика.
Медпомощь – медицинская помощь.
НКЗ (Наркомздрав) – Народный Комиссариат Здравоохранения.
НЭП – новая экономическая политика.
РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков).
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
СМП – Скорая медицинская помощь.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

Список использованных источников

1. Капліеў, А. Станаўленне службы хуткай медыцынскай дапамогі на беларускіх землях (канец XIX – пачатак XX стагоддзя) / А. Капліеў // Беларус. гіст. часоп. – 2016. – № 12. – С. 15–23.
2. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической Партии Советского Союза. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – 602 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 46. Оп. 1а т. 2. Д. 425.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М. : [б. и.], 1943. – 886 с.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 11. Оп. 1. Д. 757.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. – М. : [б. и.], 1942. – 1483 с.
7. ГАГО. – Ф. 11. Оп. 1. Д. 734.
8. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 64. Оп. 1. Д. 212.
9. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 31.
10. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 1664. Оп. 1. Д. 4.
11. Каплиев, А. А. Служба скорой медицинской помощи в Гомеле (1919–1921 гг.) / А. А. Каплиев // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2016. – Вып. 31. – С. 80–86.
12. Медицина прошлого и медицина будущего / Подотдел Санитарного Просвещения Ярославского Отдела Здравоохранения. – Ярославль : Тип. Совет. Народ. Хозяйства № 1, 1919. – 16 с.
13. Тищенко, Е. М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX вв. / Е. М. Тищенко. – Гродно : [б. и.], 2003. – 269 с.
14. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 524.
15. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 254.
16. Гофрин, Д. Помощь на дому / Д. Гофрин // Большая медицинская энциклопедия (БМЭ) : в 35 т. – М. : Сов. энцикл., 1933. – Т. 26. – С. 392–399.
17. Зональный государственный архив в г. Мозыре. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 121.
18. Бюлетэнь Савету Народных Камісараў Беларускае ССР. – 1928. – № 15 (58).
19. Гофрин, Д. Пункт здравоохранения / Д. Гофрин // БМЭ : в 35 т. – М. : Сов. энцикл., 1936. – Т. 28. – С. 54–66.
20. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 318.
21. ГАВО. – Ф. 64. Оп. 1. Д. 168 б.
22. Заря запада. – 1926. – № 34.
23. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 113. Оп. 1. Д. 107.
24. Бюллетень Народного Комиссариата Здравоохранения. – 1926. – № 5.
25. Бюллетень Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР. – 1927. – № 24.
26. ГАМн. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 140.
27. Краваль, И. А. Здоровье и здравоохранение трудящихся в СССР / И. А. Краваль. – М. : Редакционно-издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР и в/о «Союзоргучет», 1937. – 224 с.
28. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 1а т. 2. Д. 577.
29. ГАВО. – Ф. 376. Оп. 1. Д. 38.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 482. Оп. 24. Д. 421.
31. Козырев, Э. В. История и этапы развития скорой медицинской помощи в г. Минске / Э. В. Козырев, В. Е. Титишин, А. В. Ильин // Столетие службы скорой медицинской помощи г. Минска : проблемы, достижения, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 14 октября 2010 г. / под ред. С. В. Зарецкого, И. Е. Шиманского. – Минск: БелМАПО, 2010. – С. 3–20.
32. ГАРФ. – Ф. 8009. Оп. 6. Д. 5.
33. ГАМн. – Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 28.
34. ГАВО. – Ф. 1971. Оп. 1. Д. 13.
35. ЗГАП. – Ф. 113. Оп. 1. Д. 219.
36. ГАМн. – Ф. 1п. Оп. 4а. Д. 41.
37. Петрова, А. Ф. История развития общества красного креста в Белоруссии (1872–1965 гг.) : дис. … канд. ист. наук: 07571 / А. Ф. Петрова. – Минск, 1969. – 541 с.
38. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12117.
39. Государственный архив Могилёвской области. – Ф. 133. Оп. 1. Д. 42.
40. Положение о скорой медицинской помощи / отв. ред. Г. С. Матульский. – М. : Тип. Мособлисполкома, 1938. – 16 с.

References

1. Kapliev A. A. The origins of Ambulance`s institualization in Belarus in the end of XIX – beginning of XXth centuries. *Belaruski gistarychny chasopis* [Belarusian Historical Journal], 2016, no. 12, pp. 15–23 (in Belarusian).

2. Protocols and verbatim records of congresses and conferences of the Communist Party of the Soviet Union. The eighth Congress of the RCP(b). Protocols. Moscow, 1959. 602 p. (in Russian).

3. *National Archive of the Republic of Belarus,* c. 46, inv. 1a vol. 2, f. 425. (in Russian).

4. Government`s laws and orders 1919. Moscow, 1943. 886 p. (in Russian).

5. *State Archive of Gomel Region,* c. 11, inv. 1, f. 757. (in Russian).

6. Workers and Peasants Government`s laws and orders 1917–1918. Moscow, 1942. 1483 p. (in Russian).

7. State Archive of Gomel Region, c. 11, inv. 1, f. 734. (in Russian).

8. State Archive of Vitebsk Region, c. 64, inv. 1, f. 212. (in Russian).

9. State Archive of Public Organizations of Gomel Region, c. 1, inv. 1, f. 31. (in Russian).

10. State Archive of Gomel Region, c. 1664, inv. 1, f. 4. (in Russian).

11. Kapliev A. A. Ambulance service in Gomel (1919–1921). *Gistarychna-arhealagichny zbornik* [Historical-Archaeological Collection], 2016, no. 31, pp. 80–86 (in Russian).

12. *Medicine of the past and the medicine of the future*. Yaroslavl, The printing house of the Soviet National Economy No. 1, 1919. 16 p. (in Russian).

13. Tishchenko E. M. *Healthcare of Belarus XIX–XX cc.* Grodno, 2003. 269 p. (in Russian).

14. State Archive of Vitebsk Region, c. 64, inv. 1, f. 524. (in Russian).

15. State Archive of Vitebsk Region, c. 64, inv. 1, f. 254. (in Russian).

16. Gofrin D. Help at home. *Big medical encyclopedia (BME). Vol. 26*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1933, pp. 392–399 (in Russian).

17. Zonal State Archive in Mozyr, c. 54, inv. 1, f. 121. (in Russian).

18. *Bulletin of the Council of People's Commissars of Belarusian SSR*, 1928, no. 15 (58) (in Belarusian).

19. Gofrin D. Health point. *Big medical encyclopedia (BME). Vol. 28*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1933, pp. 54–66 (in Russian).

20. State Archive of Vitebsk Region, c. 64, inv. 1, f. 318. (in Russian).

21. State Archive of Vitebsk Region, c. 64, inv. 1, f. 168 b. (in Russian).

22. *Zarya Zapada* [Dawn of the West], 1926, no. 34 (in Russian).

23. Zonal State Archive in Polotsk, c. 113, inv. 1, f. 107. (in Russian).

24. *Byulleten' Narodnogo Komissariata Zdravookhraneniya* [Bulletin of The People's Commissariat of Health], 1926, no. 5 (in Russian).

25. *Byulleten' Narodnogo Komissariata Zdravoohraneniya RSFSR* [Bulletin of The People's Commissariat of Health of RSFSR], 1927, no. 24 (in Russian).

26. State Archive of Minsk Region, c. 6, inv. 1, f. 140. (in Russian).

27. Kraval' I. A. *Health and healthcare of workers in the USSR*. Moscow, Soyuzorguchet Publ., 1937. 224 p. (in Russian).

28. National Archive of the Republic of Belarus, c. 46, inv. 1a vol. 2, f. 577. (in Russian).

29. State Archive of Vitebsk Region, c. 376, inv. 1, f. 38. (in Russian).

30. State Archive of Russian Federation, c. 482, inv. 24, f. 421. (in Russian).

31. Kozyrev E. V., Titishin V. E., Il'in A. V. History and development stages of ambulance services in the city of Minsk. *Stoletie sluzhby skoroi meditsinskoi pomoshchi g. Minska: problemy, dostizheniya, perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 14 oktyabrya 2010 g.* [The centenary of the ambulance service in Minsk: problems, achievements, prospects: mat. intern. scientific.-practical conference, October 14, 2010]. Minsk, Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, 2010, pp. 3–20 (in Russian).

32. State Archive of Russian Federation, c. 8009, inv. 6, f. 5. (in Russian).

33. State Archive of Gomel Region, c. 1p, inv. 9a, f. 28. (in Russian).

34. State Archive of Vitebsk Region, c. 1971, inv. 1, f. 13. (in Russian).

35. Zonal State Archive in Polotsk, c. 113, inv. 1, f. 219. (in Russian).

36. State Archive of Minsk Region, c. 1p, inv. 4a, f. 41. (in Russian).

37. Petrova A. F. *History of the development of the Red Cross in Belorussia (1872–1965)*. Minsk, 1969. 541 p. (in Russian).

38. National Archive of the Republic of Belarus, c. 4p, inv. 1, f. 12117. (in Russian).

39. State Archive of Mogilev Region, c. 133, inv. 1, f. 42. (in Russian).

40. Matul'skii G. S. (ed.) *Regulations on ambulance*. Moscow, Printing house Mosoblispolkoma, 1938. 16 p. (in Russian).

Информация об авторе

Каплиев Алексей Александрович – магистр исторических наук, аспирант. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kapliyev@mail.ru

Information about the author

Alexey A. Kapliyev – MA (Hist.), Postgraduate Student. Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., 220072 Minsk, Belarus). E-mail: kapliyev@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 572
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-317-328

Поступила в редакцию 20.11.2017
Received 20.11.2017

О. В. Марфина

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕЙ, ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ В БЕЛАРУСИ (конец XIX – начало XXI в.)

Аннотация. Цель работы – представить историю антропологического изучения физического развития белорусских детей, подростков и молодежи, которая берет начало с конца XIX в., в то время, когда антропологическая наука переживала период своего становления. В 1920-х гг. одной из государственных задач была охрана здоровья подрастающего поколения, тогда же началось планомерное изучение физического развития детского населения БССР. В это же время разрабатывались единые методические подходы, была внедрена математическая обработка данных и впервые создавались нормативы физического развития белорусских детей. В 1950-х гг. массовые исследования здоровья и физического статуса детей и подростков в нашей республике проводились силами врачей и гигиенистов. Результаты их работы позволили установить динамику и выявить основные закономерности формирования детского организма, а также создать новые возрастно-половые стандарты физического развития школьников. Начиная с 1970-х гг. сотрудниками отдела антропологии Института истории НАН Беларуси проводятся систематические комплексные исследования физического развития детей, подростков и молодежи, включающие также изучение внутригрупповых различий с учетом темпов роста и определения типа их соматического развития. Благодаря этой работе в нашей республике на обширном материале, с использованием методов продольного и поперечного изучения населения были получены результаты, иллюстрирующие важнейшие эпохальные закономерности физического развития новорожденных, дошкольников, учащихся школ, характеризующие в том числе процесс акселерации (ускорения роста, развития и созревания организма). В историческом аспекте важнейшим направлением антропологических исследований на современном этапе является мониторинг физического развития детского населения Республики Беларусь. Было также установлено наличие явления грацилизации (уменьшение массивности скелета), вследствие чего у современных школьников наблюдается более тонкое телосложение в возрастном интервале 7–17 лет.

Ключевые слова: антропологические исследования, белорусские дети, подростки и молодежь, стандарты физического развития, динамика во времени

Для цитирования. Марфина, О. В. Антропологические исследования детей, подростков и молодежи в Беларуси (конец XIX – начало XXI в.) / О. В. Марфина // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 317–328. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-317-328

O. V. Marfina

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HISTORY OF ANTHROPOLOGICAL RESEARCHES OF BELARUSIAN CHILDREN, TEENAGERS AND YOUTH (the end of 19th– the beginning of the 21st century)

Abstract. The work purpose is to present history of anthropological study of physical development of the Belarusian children, teenagers and youth. This story originates at the end of the 19th century, at that time the anthropological science endured the period of the formation. In 1920 one of national objectives was health protection of younger generation; systematic study of physical development of the children's population of BSSR began to be carried out. In the same time uniform methodical approaches were developed, mathematical data processing was introduced. Standards of physical development of the Belarusian children were for the first time created. In 1950 mass researches of health and physical status of children and teenagers in our republic were conducted by forces of doctors and hygienists. Results of their work allowed to establish dynamics and to reveal the main regularities of formation of a children's organism. New age and sex standards of physical development of school children were created. Since 1970, the staff of department of anthropology of Institute of history NAN of Belarus conducts systematic complex researches of physical development of children, teenagers and youth. Researches include studying of intra group distinctions taking into account growth rates and definition like somatic development. Researches include studying of intra group distinctions taking into account growth rates and definition like somatic development. Thanks to this work in our republic the results illustrating the most important epoch-making regularities of physical development of newborns, preschool children, pupils of schools including acceleration process were received. In historical aspect the most important direction of anthropological researchers at the present stage is monitoring of physical development of the children's population of Republic of Belarus. Reduction of massiveness of a skeleton was observed in consequence of which a thinner constitution of modern children at the age of 7–17 years is noticed.

© Марфина О. В., 2018

Keywords: anthropological researches, the Belarusian children, teenagers and youth, standards of physical development, change in time

For citation. Marfina O. V. History of anthropological researches of Belarusian children, teenagers and youth (the end of 19th – the beginning of the 21st century). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 317–328 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-317-328

Первые работы по изучению физического развития детей в качестве основного критерия состояния здоровья появились на территории Беларуси в конце 70-х гг. XIX в. Пионером в области массовых обследований физического развития детского населения по праву считается И. П. Зубковский [1]. В 1872 г. Он начал изучать физическое развитие и состояние здоровья детей, проживающих в интернате Полоцкой военной гимназии. И. П. Зубковским впервые был применен лонгитудинальный метод исследований. В начале каждого учебного года на протяжении трех лет проводились антропометрические измерения основных показателей физического развития (длина и масса тела, окружность грудной клетки) у всех обучающихся одновременно (всего 508 воспитанников). Возраст обследованных от 10 до 19 лет. Эти исследования содержат первые сведения о физическом развитии молодого поколения. Собранный материал был разделен на три категории: к 1-й категории отнесены воспитанники, исследованные однократно (поступившие в учебное заведение, 150 человек); ко 2-й категории – подвергшиеся двукратному исследованию (обучающиеся с первого по второй год, 142 человека), к 3-й категории – исследованные ежегодно в течение трех лет обучения (216 человек). В ходе этих исследований была установлена зависимость уровня физического развития и состояния здоровья от условий труда и быта учащихся. Имея дело со сплошным обследованием одних и тех же учащихся на протяжении ряда лет, И. П. Зубковский подошел к решению теоретических вопросов школьной гигиены: были установлены закономерности роста детей и подростков с учетом социального статуса учащихся. По материалам исследования санитарно-гигиенического состояния Полоцкой военной гимназии, в которой он работал младшим врачом, И. П. Зубковский написал и защитил диссертацию «Опыт исследований по вопросам санитарного состояния и гигиенической обстановки военно-учебных заведений. Санитарное состояние Полоцкой военной гимназии и гигиеническая ее обстановка» (1879). И. П. Зубковский первым в России разработал нормы питания для учащихся гимназии.

Необходимо отметить, что первые антропологические исследования были направлены на изучение физического облика населения различных регионов Российской империи также и в связи с их этнической историей. Вопрос о проведении антропологических исследований современного и древнего населения на территории Беларуси неоднократно обсуждался на заседаниях антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Организатор и руководитель Общества профессор А. П. Богданов в своих выступлениях перед его членами обращал внимание на то, что именно западные регионы, где интенсивно осуществлялись процессы смешения различных народностей, представляют особый интерес для антропологического изучения. В 1886 г. Обществом любителей естествознания для проведения подготовительных работ для антропологических исследований на территории Беларуси был командирован К. Н. Иков [1]. Ранее им была разработана первая «Инструкция для описания и измерения живых» (1883). Программа антропологических исследований состояла из двух частей: измерительной и описательной. Описательная программа включала расовые признаки: форму головы, форму лица, цвет радужной оболочки глаз, цвет волос. Измерительная программа включала кефалометрию: важнейшие измерения головы и лица человека. Исследователь старался связать антропологические особенности народов с их происхождением. Обследования были запланированы в населенных пунктах, как он полагал, наиболее изолированных – в Пинском, Мозырском и Слуцком уездах Минской губернии. Однако по прибытию в Беларусь планы были скорректированы. Исследования проведены в Королевской волости Витебского уезда (в деревнях, принадлежащих помещику А. С. Бируле-Белыницкому, который имел естественнонаучное образование, хорошо знал свой край и поддерживал научные исследования) и юго-западной части Ройдановской волости Минского уезда, близ истоков р. Неман (м. Ройданы, с. Литвяны и д. Микуличи). В соответствии с составленной им инструкцией были измерены представители обоего пола и всех

возрастов (включая детей с 3–4-летнего возраста). Он подчеркивал важность всестороннего изучения различных этносов и считал объектом исследования не только взрослую мужскую и женскую часть населения, но и детей разных возрастов, с целью изучения морфологических изменений в процессе роста, развития и созревания организма. Таким образом, в конце XIX в. К. Н. Иковым были проведены антропологические исследования белорусских детей. Результаты были опубликованы в «Известиях Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» в виде статьи «Заметки по кефалометрии белорусов сравнительно с велико и малорусами (предварительное сообщение)» (1890), в которой представлен сравнительный анализ антропологического материала по трем основным славянским группам России – великорусам, малороссам и белорусам. Автор пришел к выводу, что белорусы, как и другие восточнославянские народы, не являются однородными по своему антропологическому составу. Научная деятельность К. Н. Икова пришлась на то время, когда антропологическая наука находилась еще в процессе формирования. Отсутствовала унифицированная методика, не были разработаны методология и программа исследования. Модифицировав программу французского анатома и антрополога П. Брока, К. Н. Иков впервые разработал и апробировал программу комплексных исследований современного населения белорусских губерний, делая особый акцент на изучении важных в расово-диагностическом отношении признаков, таких как длину тела, форму головы, форму лица, цвет радужной оболочки глаз, цвет волос на голове.

Значительный вклад в изучение различных аспектов жизни белорусов внес Н. А. Янчук [1]. Он отстаивал самостоятельность белорусской культуры и народа. В его разносторонней деятельности большое место заняли также и антропологические исследования. В 1886 г. он получил от Общества любителей естествознания командировку в Минскую губернию, в 1887 г. – в Гродненскую, а в 1888 г. – в Седлецкую губернию. Это были этнографические исследования, которые он дополнял антропологическими и археологическими изысканиями, что было характерно для научной традиции того времени. После Октябрьской революции преподавал в Московском университете, где читал курс лекций по белорусской и украинской литературе. В 1918 г. читал курс истории белорусской литературы в Белорусском народном университете в Москве. В 1919 г. Н. А. Янчук стал профессором Московского университета, в 1920 г. – вошел в состав Историко-этнографической комиссии по вопросу о границах Беларуси, Литвы и Польши. Принимал участие в комиссии по основанию Белорусского государственного университета, а после его открытия в 1921 г. занял место профессора кафедры белорусской литературы и этнографии. Его материалы по результатам исследования белорусского детского населения были опубликованы в Известиях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии: «Некоторые данные к вопросу об антропологическом типе белорусов» (1890). Антропологические измерения в Минской губернии были проведены в четырех уездах: Игуменском, Минском, Слуцком и Бобруйском, где было измерено и детское население (с 3-летнего возраста). В Гродненской губернии он обследовал в основном литовцев, в Седлецкой – малороссов. Определялись размеры головы и лица, цвет глаз и волос, место рождения, возраст, происхождение, род занятий, место и время наблюдений. Необходимо отметить, что при первых исследованиях возникало большое количество проблем, начиная с организации антропологического обследования населения. В то время измерения тела вызывали особое недоверие – из-за суеверий люди боялись негативных последствий, сглаза и т. п. Вызывало трудности определение национальной принадлежности и определение точного возраста и др. Особая заслуга Н. А. Янчука в том, что он является одним из первых исследователей антропологических особенностей современного населения Беларуси и соседних территорий. Он организовал антропологические исследования не только взрослого, но и детского населения, провел измерения и зафиксировал описательные признаки белорусов, украинцев, литовцев и представителей других национальностей. Полученные антропологические данные были им в дальнейшем обобщены и проанализированы, результаты представлены в целом ряде публикаций. Кроме того, в работах Н. А. Янчука содержатся определенные методические рекомендации. Уже в те годы им была обозначена важность для решения задач антропологии обследования целых семей. Но его идея посемейных исследований получила развитие только спустя многие десятилетия.

В самом начале XX столетия антропометрическими измерениями белорусских детей (с 9-летнего возраста) в деревнях Слуцкого уезда занимался А. Н. Рождественский [1]. По возможности полные измерительные и описательные сведения собирались по программе, изданной антропологическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Результаты опубликованы в «Русском антропологическом журнале» в статье «К антропологии белорусов Слуцкого уезда, Минской губ.» (1902). А. Н. Рождественский проследил у детей возрастные изменения длины тела, наибольшего продольного и поперечного диаметров головы, а также цвета волос и радужной оболочки глаз. Он отметил постепенное потемнение волос с увеличением возраста: начиная с 9–10 лет доля белокурых (29%) падает и к 15 годам вовсе исчезает, замещаясь увеличивающейся частотой светлорусых (38%), доля которых в свою очередь снижается после 15-летнего возраста, переходя в увеличивающуюся группу темнорусых (50%). Сравнение групп по цвету глаз не дает однозначных результатов, хотя по полученным данным можно полагать, что голубоглазость с увеличением возраста переходит в сероглазость.

В 1923 г. при Наркомздраве РСФСР была создана Межведомственная комиссия по изучению физического развития взрослого и детского населения страны, председателем которой стал В. В. Бунак. В результате большой работы, проделанной комиссией, в 1925 г. вышел в свет сборник инструкций «Методика антропометрических исследований». В 1926 г. при Государственном институте социальной гигиены Наркомздрава РСФСР было организовано Центральное антропометрическое бюро. Здесь при участии известных антропологов и медиков В. В. Бунака, Л. А. Сыркина, В. Г. Штефко, А. В. Молькова начали закладываться научные основы стандартизации антропометрических исследований, пропагандировались принципы статистической обработки данных, проводилась работа по созданию единого инструментария.

С 20-х гг. XX столетия, когда охрана здоровья подрастающего поколения являлась одной из государственных задач СССР, стали разрабатываться единые методические подходы, начало осуществляться также планомерное изучение физического развития детей и подростков в БССР. В 1923 г. медиками были проведены антропометрические измерения детей (от 1 года до 17 лет) дошкольных и школьных учреждений Минска. Изучались такие показатели физического развития, как длина тела (стоя и сидя) и его масса, размер грудной клетки (окружность при вдохе и выдохе, передне-задний и боковой размер) и головы (окружность, поперечный и продольный диаметры). Оценивалось также телосложение, развитие мускулатуры и подкожно-жирового слоя, состояние позвоночника и форма грудной клетки, отмечались болезни внутренних органов, кожи, зубов, а также неправильность речи. Результаты исследований детей обоего пола белорусской, русской и еврейской национальности были опубликованы в «Статистическом ежегоднике» (1925), который издавался центральным статистическим управлением БССР [1].

В 1922/23 учебном году сотрудниками антропометрического кабинета Центральной детской амбулатории в Минске было предпринято обследование детей белорусской и еврейской национальности 8–15 лет для определения состояния их физического развития. Исследование показало несомненную связь между длиной тела детей разных возрастов и социальным положением родителей и, следовательно, с условиями жизни. Масса тела в гораздо большей степени, чем длина, отразила характер влияния уровня благосостояния, способа питания, физических нагрузок и других факторов. Результаты исследований были опубликованы Д. Л. Эйнгорном в журнале «Врачебное дело» (1925). На протяжении 1925 г. исследования детского населения от 1 года до 20 лет под руководством доктора Д. Л. Эйнгорна продолжались сотрудниками антропометрического кабинета Центрального детского диспансера в Минске. По существу в 20-е гг. XX столетия впервые в Беларуси были разработаны нормативы физического развития для детей и подростков Минска. Результаты антропометрических измерений детей и подростков белорусской и еврейской национальности в дошкольных и школьных учреждениях Минска были опубликованы в «Статистическом ежегоднике» (1926) [1].

Знаковым событием для белорусской антропологии 1920-х гг. явилась организация в 1926 г. антропологического центра – в рамках Института белорусской культуры начала работать антропологическая комиссия, на базе которой затем был открыт республиканский научный центр – кафедра антропологии Белорусской академии наук (1929 г.). Организация кафедры позволила ее ру-

ководителю – известному ученому профессору А. К. Ленцу, изучавшему типы высшей нервной деятельности человека, развернуть на новом уровне масштабные комплексные исследования не только взрослого населения, а также детей и молодежи. А. К. Ленц (1882–1952) – российский невропатолог и психиатр, доктор медицинских наук, профессор. Был высокообразованным человеком, окончившим, кроме юридического факультета Петербургского университета в 1907 г., Военно-медицинскую академию в 1913 г. Он являлся учеником академиков И. П. Павлова и В. М. Бехтерева. Профессор А. К. Ленц – организатор и руководитель нового научного центра в нашей республике – антропологической комиссии Института белорусской культуры (1926–1929 гг.), а затем заведующий кафедрой антропологии АН БССР (1929–1930 гг.). Кафедра антропологии включала антропологическую лабораторию, лабораторию по изучению высшей нервной деятельности и антропологический музей. Антропологическая лаборатория состояла из ряда отделов: антропометрии и описательных признаков; функциональных антропологических исследований; отдела статистики по обработке материала, полученного как от сотрудников кафедры, так и из других учреждений для проведения сравнительного анализа. Задачи новой отрасли науки определялись потребностями народного хозяйства БССР. Они заключались также и «в выявлении расового и биологического типа белорусов, их характерных черт, а также в определении изменений функциональных особенностей белорусов под влиянием условий жизни» [2, л. 132]. Кафедра антропологии проводила работу в двух направлениях. Кроме антропометрии, характеризующей тип телосложения, и определения социально-экономических условий жизни, влияющих на физическое развитие, изучались проблемы, связанные с высшей нервной деятельностью. Целью работы кафедры стало установление преемственности физического типа населения от древних времен до современности. Также ставилась задача определения функционального типа обследованных на основании изучения групп крови, измерения артериального давления, показателя тонуса скелетной мускулатуры и спирометрии. План научно-исследовательской работы сотрудников кафедры включал осуществление антропологических исследований, которые должны были охватить все районы Беларуси. Предполагалось проведение экспедиций по стране, а также организация связей с антропометрическими пунктами в разных городах. В рамках научно-исследовательской работы планировалась педагогическая и организационная деятельность на местах, которая включала подготовку кадров педагогов, врачей в крупных и малых центрах Беларуси и введение единой методики основных приемов измерений во всех организациях, где проводились антропологические исследования [2, л. 133]. В то время, помимо осуществляемой сотрудниками кафедры антропологической работы, часть измерений проводилась в окружных военных лабораториях, в комиссиях по приему новобранцев, а также в кабинетах физического воспитания, которые имелись в каждом городе. Главной целью всех этих учреждений было определение санитарной конституции. Разработанный на кафедре план экспедиций в первую очередь предусматривал антропологическое обследование белорусов, призванных в ряды Красной Армии, студентов-белорусов всех высших учебных заведений Минска и белорусов, проживающих в различных округах сельской местности. Для изучения последних планировалось проведение в 1928–1929 гг. ряда экспедиций в Могилевскую и Витебскую обл. [2, л. 31]. Были осуществлены антропологические экспедиции в Оршанский и Могилевский р-ны. За время работы был собран материал, анализ которого позволил впервые охарактеризовать физическое развитие и физиологические показатели системы крови и обмена веществ у обследованных детей и молодежи. В 1930–1931 гг., в связи с недостаточным охватом территории Беларуси антропологическими исследованиями, перед кафедрой были поставлены масштабные задачи по расширению штата специалистов и выполняемых ими заданий [2, л. 179]. К сожалению, материалы проведенных экспедиций были утеряны во время войны, кафедра была реорганизована в Научно-исследовательский институт психоневрологии, антропологические исследования в республике на многие годы (до середины 1960-х гг.) были остановлены. Сведения о результатах исследований содержатся лишь в нескольких работах А. К. Ленца и сотрудников его кафедры Ю. Н. Веремецкой, А. А. Смирнова, Д. Л. Эйнгорна и Р. М. Моносзон-Любиной, опубликованных в белорусских изданиях «Запіскі аддзелу прыроды і народнай гаспадаркі Беларускай Акадэміі навук», сборнике «Этнаграфія, антрапалогія, псіхалогія», издаваемом Институтом белорусской культуры, а также украинском ежегоднике «Антропологія.

Річник кабінету ім. Ф. Вовка». Проведенная под руководством А. К. Ленца работа кафедры антропологии отличалась корректной постановкой задач и современным подходом к осуществлению планомерных комплексных исследований населения. Это были грандиозные планы развития антропологической науки в молодой республике.

В период работы на кафедре антропологии врачом Д. Л. Эйнгорном были опубликованы данные антропометрических измерений детей 6–14 лет, собранные им и сотрудниками Центрального детского диспансера в конце 1925 – начале 1926 г. Обработка материала была проведена с применением метода вариационной статистики отдельно для детей белорусской и еврейской национальности. Изучались следующие признаки: длина тела (стоя и сидя) и его масса, размах рук и окружность грудной клетки. Эта работа, посвященная характеристике возрастных изменений физического развития детского населения нашей республики, представляет важный вклад в развитие отечественной антропологической науки в 1920-е гг. Результаты исследований опубликованы в сборнике «Этнаграфія. Антрапалогія. Псыхолёгія», издаваемом Институтом белорусской культуры («Матарыялы да антрапамэтрычнага вывучэньня беларусаў і яўрэяў г. Менску ва ўзросце 6–14 год», 1928). В этот период Д. Эйнгорном в соавторстве с А. Равином было издано методическое пособие «Ахова здароўя і вывучэнне фізічнага развіцця дзяцей у школе I концэнтра» (1928). В этот период Р. М. Моносзон-Любиной были проведены исследования физического состояния рабочих подростков, учащихся школ рабочей молодежи Гомеля. В 1925/26 учебном году общее количество исследованных составило около 7000 учащихся от 7 до 18 лет (из них 52% девочек и 48% мальчиков). Изучались основные показатели физического развития: длина, масса тела и окружность грудной клетки. На основании анализа полученного материала автором были сделаны выводы, что по своему физическому развитию (санитарной конституции) ученики Гомеля среди учеников других городов СССР занимают положение среднее и даже выше среднего. Отмечена очень высокая заболеваемость учеников, и только около 30% были признаны относительно здоровыми. Принимая во внимание высокую заболеваемость учеников, автор делает заключение о необходимости усиления работы по охране здоровья детей. Результаты исследований были опубликованы Р. М. Моносзон-Любиной в журнале «Этнаграфія. Антрапалогія. Псыхолёгія» («Аб фізычным стане вучняў працоўных школ г. Гомеля», 1928).

В середине прошлого века динамику во времени антропометрических показателей детей Минска в возрастном интервале 4–13 лет изучала научный сотрудник Белорусского научно-исследовательского института охраны материнства и детства БССР Р. М. Лившиц. Результаты ее исследований показали, насколько сенситивен организм в период роста, как чутко реагирует физическое развитие детей на улучшение условий жизни и оздоровительные мероприятия в предвоенные годы и после окончания Великой Отечественной войны («К вопросу о физическом развитии детей дошкольного и школьного возраста», 1953). Она показала, насколько тяжело отразились на подрастающем поколении результаты войны и оккупации. В 1956 г. ею выявлено значительное повышение антропометрических параметров детей Минска по сравнению с ровесниками 1935 г. («Сдвиги в физическом развитии школьников города Минска», 1957). В дальнейшем была разработана «Методика оценки физического развития детей» (1959), в которой опубликованы основные показатели оценки физического развития и спирометрии детей Минска 4–13 лет, исследованных в 1955–1956 гг. В методике было указано, что при изучении физического развития и состояния здоровья ребенка необходимо комплексно исследовать физиологические процессы, а антропометрические измерения тела являются только составной частью комплексного изучения. Значительное улучшение показателей физического развития учащихся школ трудовых резервов в послевоенные годы отмечено и в работе Л. Ф. Ромыш «Опыт динамического наблюдения за питанием и физическим развитием учащихся школ трудовых резервов БССР в послевоенные годы» (1954).

Массовые исследования физического развития детей и подростков в разных регионах страны позволили не только установить динамику физического развития, закономерности развития и формирования организма в зависимости от внешних условий, но и разработать возрастно-половые стандарты физического развития. Систематические наблюдения за развитием детей и подростков, разных климато-географических зон, этнических и территориальных групп населения по стандартизованной программе обобщались в выпусках «Материалы по физическому развитию

детей и подростков городов и сельских местностей СССР» (1962, 1965, 1977, 1986). Фактические данные, представленные в сборниках в виде сводных таблиц, являются результатом коллективного труда многих научно-исследовательских, гигиенических, педиатрических институтов страны, кафедр медицинских вузов, органов практического здравоохранения, врачебно-физкультурных диспансеров. В выпусках «Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР» за 1965 и 1977 гг. были опубликованы данные и по БССР. В частности, научный сотрудник Белорусского научно-исследовательского института охраны материнства и детства БССР Р. М. Лившиц на основании проведенных ею антропометрических исследований детей обоего пола представила стандарты физического развития детей Минска в возрасте 4–13 лет. В сборнике материалов 1977 г. научными сотрудниками этого же института М. П. Дерюгиной, М. В. Врублевской и С. И. Шейнерт были представлены результаты изучения физического развития новорожденных обоего пола Минска (1966–1967 гг.). Научный сотрудник института Г. И. Веренич представила данные основных показателей (длина, масса тела, окружность грудной клетки) физического развития сельских школьников-белорусов обоего пола Полесья – Брестской и Гомельской областей (1966–1968 гг.). Кроме того, Г. И. Веренич, М. П. Дерюгина, М. В. Врублевская и С. И. Шейнерт опубликовали данные основных показателей физического развития школьников 7–17 лет Минска (1970–1971 гг.). В этом же сборнике научный сотрудник кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения Витебского государственного медицинского института А. Н. Судник опубликовал результаты исследований основных показателей физического развития детей-белорусов, посещающих детские сады Витебска (1962–1964 гг.), и детей, посещающих детские сады сельских районов Витебской области (1964–1966 гг.), а сотрудник Гомельского областного отдела здравоохранения Н. К. Романов представил материалы по основным показателям физического развития школьников-белорусов обоего пола 8–16 лет Гомеля (1971 г.).

В 1970-е гг. были опубликованы наиболее важные аналитические работы по изучению соматометрии детей и подростков БССР. В журнале «Советское здравоохранение» Н. К. Романовым и В. Я. Леонтьевым была опубликована статья «Физическое развитие и состояние здоровья школьников Гомеля» (1973). М. П. Дерюгина, Г. И. Веренич и М. В. Врублевская на 3-м Республиканском съезде детских врачей Беларуси представили материалы «Физическое развитие и заболеваемость детей в возрасте от 1 года до 7 лет, посещающих детские дошкольные учреждения города Минска» (1975). Исследователи обращали внимание на то, что для достоверной оценки физического развития детей, подростков и молодежи требуется разработка региональных стандартов с учетом социальных и генетических особенностей населения, сложившихся в местных экологических условиях. Появилось понимание того, что региональные нормативы позволят проводить как индивидуальную, так и групповую оценку физического развития детского населения.

В 1988 г. вышел сборник под названием «Физическое развитие детей и подростков городских и сельских местностей СССР», в котором научный сотрудник кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения Витебского государственного медицинского института И. П. Мордачев представил данные по физическому развитию городских и сельских школьников Брестской, Гомельской и Витебской областей (1974–1975 гг.). Были изучены не только основные показатели физического развития детского населения 7–17 лет: длина, масса тела и окружность грудной клетки, но и функциональные признаки: объем легких, сила сжатия правой и левой кистей. В сборнике также опубликованы результаты исследований, проведенных сотрудницей НИИ охраны материнства и детства И. К. Кузьменковой по физическому развитию новорожденных Полесья (1976–1978 гг.). Анализ проведен с учетом рождений ребенка от первых или от повторных родов. Изучались следующие показатели: длина, масса тела, окружности грудной клетки и головы. Сотрудница этого же института Г. И. Веренич изучала физическое развитие сельских школьников Полесья (1976–1978 гг.) по широкой программе, включающей длину и массу тела, окружность груди, продольный и поперечный диаметры грудной клетки, ширину плеч и таза, длину корпуса, руки, плеча, предплечья, кисти, ноги, бедра, голени, а также функциональные признаки: объем легких, сила сжатия правой и левой кистей. Объединенные статистические данные, полученные по различным населенным пунктам в разные годы, материалы этих сборников поистине бесцен-

ны: они создали «базы данных» различных регионов страны, позволили разработать региональные стандарты, установить сдвиги физического развития подрастающего поколения в возрастном и во временном аспектах, своевременно прогнозировать изменения в развитии детей.

Как уже было отмечено, впервые в Беларуси нормативы физического развития детей и подростков Минска были разработаны в 20-е гг. XX столетия. Позднее стали разрабатываться региональные оценочные таблицы физического развития детей Минска, белорусского Полесья, Гомеля, Витебска и Витебской области, Бреста. Особенно плодотворно эта работа проводилась в Минске научными сотрудниками НИИ охраны материнства и детства БССР. Была выпущена «Методика оценки физического развития детей» (1959), в которой Р. М. Лившиц были опубликованы таблицы физического развития детей обоего пола 4–13 лет Минска (по данным обследования 1955–1956 гг.). В дальнейшем на основании исследований детей Минска ею были разработаны «Таблицы оценки физического развития детей» (1965). Через 10 лет сотрудницы этого института М. П. Дерюгина, Г. И. Веренич и М. В. Врублевская опубликовали «Таблицы оценки физического развития детей» (1975), которые охватили возрастные группы от 1 года 3 мес. до 7 лет. Сотрудница этого же института Г. И. Веренич занималась исследованиями детей и подростков белорусского Полесья. Материалы, полученные ею с 10-летним интервалом (в 1968 и 1978 гг.), послужили основой для разработки брошюры «Методические рекомендации по оценке морфофункциональных показателей здоровья сельских детей» (1983). Сотрудником Гомельского областного отдела здравоохранения Н. К. Романовым были опубликованы «Таблицы оценки физического развития детей школьного возраста» (1973). Систематическое наблюдение за физическим развитием городских и сельских школьников Витебской области было начато сотрудниками кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения Витебского государственного медицинского института Г. Ф. Беренштейн, М. Н. Нурбаевой, А. Г. Караваевым и др., которые подготовили «Методические рекомендации по исследованию и оценке физического развития детей дошкольного возраста Витебска» (1967) и «Методические рекомендации по оценке физического развития детей дошкольного возраста сельских районов Витебской области» (1968). Позднее работа по созданию обновленных нормативных шкал (1998) была ими продолжена. Сотрудниками Витебского педагогического института опубликованы «Методические рекомендации по оценке физического развития детей дошкольного возраста Витебска» (1988). В дальнейшем в 2000-е гг. сотрудниками трех кафедр Гомельского государственного медицинского университета В. А. Мельником, Н. В. Козакевич, А. А. Козловским на основании обследования около 3 тысяч школьников обоего пола 7–17 лет разработаны «Таблицы оценки физического развития школьников города Гомеля» (2012), на основании которых при помощи представленных авторами центильных графических стандартов базовых антропометрических показателей можно проанализировать соответствие длины и массы тела, окружности грудной клетки возрасту ребенка, т. е. оценить гармоничность развития школьника. Подобная кропотливая работа была проведена сотрудниками кафедры оздоровительной и лечебной физической культуры Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, которые на основании обследований свыше 4 тыс. школьников 7–17 лет издали под общей редакцией А. Н. Герасевича «Таблицы показателей морфофункционального состояния организма школьников г. Бреста» (2017). Важность этих методических рекомендаций заключается в том, что в них представлены не только количественные сведения уровня морфологических признаков (масса тела, длина стоя и сидя, длина конечностей, окружности грудной клетки, плеча, предплечья, талии, таза, бедер, голени, ширина бедер, эпифизов плечевой и бедренной костей, поверхностное распределение жировой ткани), но и учтены функциональные показатели (сердечно-сосудистой и дыхательной), характеризующие уровень работоспособности организма учащихся в целом. На современном этапе вопрос пересмотра региональных нормативов физического и биологического развития детей и подростков остается актуальным, поскольку результаты сравнительного анализа информативности использования для оценки физического развития детей нормативов различных лет свидетельствуют в пользу периодического пересмотра нормативов физического развития, так как обновленные нормативы обладают существенно большей информативностью. Однако сроки пересмотра нормативов, учитывая трудоемкость сбора первичного материала, могут составлять до 15–20 лет.

Все перечисленные выше нормативы носили региональный характер и только под руководством И. П. Мордачева в 70-х гг. XX столетия для использования в качестве республиканских оценочных таблиц были изданы методические рекомендации «Таблицы оценки физического развития городских школьников Белорусской ССР» (1977) и «Таблицы оценки физического развития сельских школьников Белорусской ССР» (1977), созданные на основе проведенного обобщающего изучения физического развития и состояния здоровья городских и сельских школьников 7–17 лет Брестской, Витебской и Гомельской областей. В дальнейшем сотрудник республиканского врачебно-физкультурного диспансера П. В. Пряткин на основании обследования более 8,5 тыс. школьников обоего пола (около 6 тыс. учащихся городских школ и более 2,5 тыс. – сельских) 8–17 лет опубликовал «Материалы для оценки физического развития детей, подростков и взрослых людей, занимающихся оздоровительной физкультурой» (1989), в которых представлены общереспубликанские стандарты для оценки антропометрических признаков. В программу исследований была включена спирометрия и динамометрия, что намного повышает их значимость в оценке влияния занятий физической культурой и спортом на физическое развитие детей и подростков. В дальнейшем в 2000-е гг. сотрудниками кафедры педиатрии лечебного факультета Гродненского государственного медицинского университета С. А. Ляликовым и С. Д. Ореховым были разработаны «Таблицы оценки физического развития детей Беларуси» (2000). Основные статистические характеристики 18 антропометрических признаков и их соотношений были проанализированы у более 22,5 тыс. детей, подростков и молодежи Беларуси в возрасте от 1 года до 17 лет. У обследованных по общепринятым методикам определяли длину тела, руки и ноги, массу тела, обхваты грудной клетки, плеча, бедра и голени, диаметр нижних эпифизов предплечья, продольный и поперечный диаметры головы, толщину кожно-жировых складок на предплечье, под лопаткой и на животе. Изучение направленности во времени, или «секулярных» сдвигов, имеет важную практическую составляющую, поскольку предполагает разработку оценочных таблиц, которые будут использоваться специалистами в области практического здравоохранения, школьной гигиены, спортивного отбора и т. д. На современном этапе в Беларуси, в связи с происходящими в последние десятилетия процессами социально-экономических преобразований, проведение популяционного мониторинга показателей роста и развития представляется первоочередной, насущно необходимой задачей.

Широкомасштабные комплексные антропологические исследования детей, подростков и молодежи в нашей республике проводятся с начала 1970-х гг. квалифицированными специалистами, которые прошли подготовку в аспирантуре Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР по специальности «антропология» [3]. Значительная часть исследований детского населения в Беларуси была организована зав. отделом антропологии профессором Л. И. Тегако. Измерения дошкольников, учащихся школ и студентов вузов осуществляли научные сотрудники отдела антропологии И. И. Саливон, Н. И. Полина, О. В. Марфина и Т. Л. Гурбо. Широкая комплексная программа включала ряд признаков: антропометрические (тотальные размеры тела и отдельных его частей), описательные (расовые) признаки, дерматоглифические (особенности рельефа кожи ладоней), одонтологические (структурные особенности зубной системы), а также некоторые демографические показатели (половой, возрастной и национальный состав). Кроме того, комплексная программа включала визуальную диагностику соматотипа детей, которая проводилась по схеме, разработанной Г. В. Штефко и А. Д. Островским, измерения функциональных показателей (систолическое и диастолическое артериальное давление, мм рт. ст.), частоты сердечных сокращений (уд./мин.), определение показателя тонуса скелетной мускулатуры (кистевая динамометрия), тесты на симметрию и ряд психологических тестов, а также социальное анкетирование. Такие данные были собраны белорусскими антропологами во время комплексных научных экспедиций в разных регионах нашей республики с целью изучения сельского и городского населения. В некоторых экспедициях участвовали российские и польские исследователи. После аварии на ЧАЭС белорусские антропологи участвовали также в массовых обследованиях детского населения совместно с медиками. Исследования были направлены на выявление специфики ростовых процессов в связи с воздействием на них экологических, этнических, социальных и временных факторов. Все полученные данные были занесены в компьютерную базу, проведены статистическая обработка и научный анализ результатов исследования.

С целью определения индивидуальных и конституциональных особенностей физического развития и полового созревания детей И. И. Саливон и Н. И. Полиной впервые было осуществлено лонгитудинальное антропологическое исследование школьников Минска. Кроме того, они проводили исследования в городах разного уровня урбанизации (Минск, Гомель, Полоцк, Пинск, Кричев, Заславль). В средних школах этих городов были исследованы три возрастных группы: после первого ускорения роста – 8-летние, в период пубертатного ускорения роста у девочек и препубертатного ускорения у мальчиков – 13-летние и после достижения дефинитивных размеров тела – 17-летние. С целью мониторинга динамики во времени показателей физического развития школьников указанных возрастных групп в 1980-е гг., 2002–2003 и 2012–2013 гг. были осуществлены антропологические исследования школьников Минска и Полоцка, а также в 1984–1985 и 2002–2003 гг. – Пинска.

Обобщающий анализ материалов по возрастной и территориальной изменчивости структурных показателей организма детей и подростков в зависимости от влияния ряда экологических факторов представлен в монографии И. И. Саливон, Н. И. Полиной и О. В. Марфиной «Детский организм и среда: Формирование физического типа в разных геохимических регионах БССР» (1989) [4]. На примере исследования физического развития школьников в городах трех геохимических провинций республики (Полесье, Поозерье и центральный регион) было выявлено своеобразие антропологических показателей детей западного Полесья. Удалось установить зависимость формирования детского организма от геохимической ситуации в изученных регионах. Дефицит жизненно важных макро- и микроэлементов в почвах и грунтовых водах на территории Полесья сказывался на замедлении темпов увеличения скелетных размеров и полового созревания подрастающего поколения. Особенности телосложения являются внешним выражением конституциональной, т. е. генетически обусловленной специфики обменных процессов, от которых в свою очередь зависит степень сенситивности индивидуума к геохимическому дисбалансу и дефициту. И. И. Саливон показала, что дефицит жизненно важных химических элементов в большей мере негативно отражается на формировании скелета тонкосложенных детей, так как для большей прочности их кости нуждаются в большей минеральной насыщенности. К таким условиям более адаптированы дети с более массивной внешней формой скелета и повышенным жироотложением.

В дальнейшем диапазон аспектов изучения физического развития был значительно расширен. Появились работы, посвященные исследованию связи физического развития и характера телосложения школьников, сопоставлению уровня физического развития учащихся, являющихся потомками от одно- и межнациональных браков, уделено внимание и физическому развитию часто и длительно болеющих детей, рассмотрена динамика половозрастных особенностей физического развития детей и подростков в меняющихся условиях городской среды.

После Чернобыльской катастрофы особое значение приобрели исследования характера ростовых процессов в новых экологических условиях, так как наиболее восприимчивым в отношении влияния окружающей среды является именно формирующийся детский организм. Сотрудниками отдела антропологии О. В. Марфиной, Е. П. Гуйда и Т. Л. Гурбо в послечернобыльский период был собран обширный материал (в 1990-е гг. обследованием было охвачено свыше 10 тыс. человек) и осуществлена большая работа по созданию «Нормативных таблиц оценки физического развития различных возрастных групп населения Беларуси» (1998). Впервые в истории изучения физического развития населения республики предложены оценочные таблицы, охватывающие большие возрастные интервалы (с 3 до 60 лет).

Мировая практика проведения подобных исследований указывает на необходимость систематического обновления нормативов по физическому развитию детей, подростков и молодежи, так как меняется социокультурная среда, что ведет к социальным преобразованиям в обществе, изменениям жизненного благосостояния семей, вследствие чего претерпевает изменения во времени биологический статус населения. Учитывая тот факт, что предыдущие оценочные таблицы были созданы на основе данных, собранных в середине 1990-х гг., комплексные антропологические исследования физического развития белорусских школьников были продолжены И. И. Саливон, О. В. Марфиной и Т. Л. Гурбо и в 2000-е гг. Обследованием было охвачено около 8 тыс. чело-

век. Результатом этой работы явилось издание методического пособия «Таблицы оценки физического развития детей, подростков и молодежи Республики Беларусь» (2008).

Одним из направлений работы была и остается разработка вопросов методического характера: выбор наиболее подходящей для массовых исследований стандартизованной методики оценки физического развития, построение оценочных таблиц для индивидуальной характеристики физического развития детей, анализ информативности отдельных параметров соматической зрелости, анализ информативности различных методик оценки физического развития подрастающего поколения. И. И. Саливон был предложен новый метод («Количественный подход к определению типов телосложения у школьников», 2003) выделения типов телосложения по комплексу наиболее информативных антропометрических показателей.

В коллективной монографии «Беларусы. Антрапалогія», опубликованной сотрудниками отдела антропологии, приведен анализ современного состояния проблемы изучения морфологических особенностей детского населения Беларуси [5]. В монографии представлены биологические закономерности формирования детского организма, показаны региональные особенности физического развития новорожденных, детей дошкольного и школьного возраста, дана типология изменчивости телосложения в процессе развития организма. Антропометрические показатели новорожденных изучались для разработки стандартов физического развития и с целью установления наличия зависимости основных размеров тела родившегося ребенка от некоторых биологических и социальных характеристик матери.

Белорусскими антропологами уделялось внимание и изучению особенностей физического развития современных дошкольников. На основании сравнения собственных данных с данными литературных источников Т. Л. Гурбо было установлено, что физическое развитие детей Беларуси в возрастном интервале 4–7 лет за последние 50 лет прошло этап акселерации, после которого с конца 1980-х гг. наступила стабилизация роста в сочетании с некоторой астенизацией организма. На основании данных по детям Минска 4–7 лет разработаны региональные стандарты физического развития для детей, а также разработана методика определения морфологической «школьной зрелости» для детей Беларуси 6–7 лет («Валеология с основами антропологии», 2004).

Мониторинг физического развития населения Республики Беларусь на современном этапе является важнейшим историческим аспектом антропологических исследований. Регулярные наблюдения за тенденциями роста и развития подрастающего поколения являются важным звеном в системе контроля за динамикой во времени состояния здоровья населения. Большое значение при этом приобретает сравнительный анализ показателей физического развития групп детей, подростков и молодежи, обследованных через определенные временные интервалы в одних и тех же местностях, особенно в городах, характеризующихся мощным давлением множества быстро меняющихся внешнесредовых факторов. На обширном антропологическом материале, полученном при комплексных антропологических исследованиях в различных регионах республики в 1996–1997 и 2006–2007 гг. О. В. Марфиной была прослежена динамика роста и развития белорусских школьников 7–17 лет, изучены половозрастные изменения во времени показателей длины и массы тела, частот встречаемости избыточной и недостаточной массы тела и обхвата груди [6].

Таким образом, на численно насыщенном материале методом продольных и поперечных срезов белорусскими антропологами были получены результаты, иллюстрирующие важнейшие общемировые эпохальные закономерности физического развития белорусских новорожденных, дошкольников, учащихся школ, а именно процесс акселерации, т. е. ускорение роста, развития и созревания организма. Констатированы также явления грацилизации (уменьшение массивности скелета), вследствие которых телосложение у детей, подростков и молодежи стало более тонким, а также изменения в частоте соматотипов, проявившиеся в увеличении частот крайних морфологических вариантов телосложения, т. е. прослеживается рост доли детей как с избытком, так и с дефицитом массы тела. Показано, что важным фактором, влияющим на возраст полового созревания, является степень урбанизации населенного пункта, а также отражен локальный характер изменений ростовых процессов в экстремальных условиях окружающей среды среди близких этнических групп детей (русские, поляки, сербы). Выявлена разная скорость ростовых процессов у школьников в возрастном интервале 7–17 лет.

Список использованных источников

1. Антропология Беларуси в исследованиях конца XIX – середины XX в. / сост.: О. В. Марфина [и др.]; авт. ист. коммент. В. В. Яновская ; науч. ред. И. И. Саливон, О. В. Марфина. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 456 с.

2. Центральный научный архив НАН Беларуси. – Фонд 67. Оп. 1. Д. № 33. Л. 31–179.

3. Марфина, О. В. История антропологических исследований в Беларуси / О. В. Марфина. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 405 с.

4. Саливон, И. И. Детский организм и среда. Формирование физического типа в разных геохимических регионах БССР / И. И. Саливон, Н. И. Полина О. В. Марфина. – Минск: Наука и техника, 1989. – 280 с.

5. Беларусы / Л. І. Цягака [і інш.] ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Минск: Беларус. навука, 2006. – Т. 9: Антрапалогія. – 575 с.

6. Динамика адаптивной изменчивости населения Беларуси / Л. И. Тегако [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2013. – 303 с.

References

1. Salivon I. I., Marfina O. V. (eds.) *Anthropology of Belarus in researches of the end XIX – the middle of the XXth*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 456 p. (in Russian).

2. Central scientific archive of National Academy of Sciences of Belarus. Fond 67. Inventar' 1. Delo № 33. List 31–179. (in Russian).

3. Marfina O. V. *The History of Anthropological Researches in Belarus*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015. 405 p. (in Russian).

4. Salivon I. I., Polina N. I., Marfina O. V. *Children's organism and environment. Formation of physical type in different geochemical regions of BSSR*. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1989. 280 p. (in Russian).

5. Tegako L. I., Salivon I. I., Mikulich A. I., Marfina V. U., Polina N. I., Gurbo T. L. *The Belarusians. Vol. 9. Anthropology*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2006. 575 p. (in Belarusian).

6. Tegako L. I., Marfina O. V, Skrigan G. V., Yemel'yanchik O. A. *Dynamics of adaptive variability of the population of Belarus*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2013. 303 p. (in Russian).

Информация об авторе

Марфина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: belantrop@tut.by

Information about the author

Olga V. Marfina – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., 220072 Minsk, Belarus). E-mail: belantrop@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.3’366 (045)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-329-337

Поступила в редакцию 09.01.2018
Received 09.01.2018

А. В. Семянькевіч

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

БЕЛАРУСКІЯ НАЗОЎНІКІ *PLURALIA TANTUM* ЯК ДЫНАМІЧНЫ ЛЕКСІКА-ГРАМАТЫЧНЫ КЛАС СУБСТАНТЫЎНАЙ ЛЕКСІКІ

Аннотация. Исследуются белорусские существительные *pluralia tantum* в динамическом аспекте. Во введении обосновывается положение о том, что этот субстантивный класс лексики является типологической чертой грамматической системы белорусского языка, поэтому целесообразным является изучение путей, по которым идут динамические изменения в этом классе. Исследование проведено на материале лексикографических источников. Изменения в лексическом составе белорусских существительных *pluralia tantum* структурированы по следующим параметрам: архаизация, неологизация, лексиколизация. Параллельно анализируется стилистическая стратификация исследуемых единиц, поскольку она значительно влияет на функциональную ориентированность плюратива в языке. В заключении статьи делается вывод о том, что белорусские существительные *pluralia tantum* являются стабильным и перспективным лексико-грамматическим классом, их эволюция носит системный характер, обусловленный закономерностями развития грамматической и лексической систем белорусского языка, но степень стабильности и динамичности в разных тематических группах не одинакова.

Ключевые слова: существительные *pluralia tantum*, плюративы, архаизмы, историзмы, неологизмы, заимствования, лексиколизация числовых форм, языковая динамика

Для цитирования: Семянькевіч, А. В. Беларускія назоўнікі *pluralia tantum* як дынамічны лексіка-граматычны клас субстантыўнай лексікі / А. В. Семянькевіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. –Т. 63, № 3. – С. 329–337. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-329-337

O. V. Semenkevich

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

BELARUSIAN *PLURALIA TANTUM* NOUNS AS DYNAMIC CLASS OF LEXICAL AND GRAMMATICAL SUBSTANTIVE VOCABULARY

A**bstract.** The article studies Belarusian *pluralia tantum* nouns in the dynamic aspect. The introduction proves that the ways used to explore dynamic changes in this class are relevant. The vocabulary changes of Belarusian *pluralia tantum* nouns are structured according to the following parameters: archaization, neologization, lexicalization. The study looks into the stylistic stratification of the units under analysis as well, since it has a great impact on the way a word functions in the language. The study is based on lexicographic materials. The conclusion deduces that Belarusian *pluralia tantum* nouns are a stable and perspective lexical and grammatical class, evolve systemically in accordance with the development patterns of Belarusian vocabulary and grammar, but the degree of stability and dynamism varies in different thematic groups.

Keywords: *pluralia tantum* nouns, pluratives, archaic words, historical words, neologisms, borrowings, lexicalization of numerical values, language dynamics

For citation. Semenkevich O. V. Belarusian *pluralia tantum* nouns as dynamic class of lexical and grammatical substantive vocabulary. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 329–337 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-329-337

Уводзіны. Назоўнікі *pluralia tantum* (далей plt) па-ранейшаму застаюцца актуальным аб’ектам даследавання мовазнаўцаў. Нягледзячы на тое, што марфалагічную катэгорыю ліку можна аднесці да найбольш вывучаных, сучасная лінгвістыка пакуль не прапанавала вычарпальнага і несупярэчлівага вытлумачэння феномена plt. У беларускім мовазнаўстве множналікавыя

© Семянькевіч А. В., 2018

назоўнікі ніколі не разглядаліся як асобны лексіка-граматычны клас ні ў дыяхраніі, ні ў сінхраніі. Традыцыя граматычных апісанняў плюратываў у беларусістыцы абмяжоўваецца пералікам іх лексіка-тэматычных груп, аднак такая прэзентацыя недастатковая для асэнсавання іх месца ў катэгарыяльнай сістэме, прычын парадыгматычнай непаўнаты, а таксама іх моўнай перспектыўнасці. У рэчышчы фармальна-структуралісцкага падыходу да аналізу граматычных форм праблема plt часам разглядалася як з'ява нестандартная, несістэмная і нават анамальная. На думку А. А. Калеснікава, напрыклад, назоўнікі тыпу *сані* "пацярпелі марфалагічную аварыю", маюць "пустую форму, несумяшчальную з паняццем ліку як меры колькасці і абумоўленую заканамернасцямі мовы як кода, але не структурай інфармацыі" [1, с. 52]. Немагчымасць растлумачыць плюральную аформленасць многіх субстантываў з пазіцый дэнататыўнай дэтэрмінацыі выклікала палажэнне аб тым, што гэтыя формы наогул "стаяць па-за граматычнай катэгорыяй ліку" [2, с. 391]. Гэты вядомы тэзіс А. А. Рэфармацкага ў беларускім мовазнаўстве падтрымала І. Р. Шкраба: "Форма ліку існуе, але немагчымасць семантычнага проціпастаўлення абазначае адсутнасць катэгорыі ліку" [3, с. 26]. У "анамальнасці дадзенага класа" [1, с. 52] некаторыя лінгвісты бачаць аснову яго рэліктавасці і непрадуктыўнасці. Напрыклад, А. Н. Собалеў, аналізуючы выпадкі адзічночналікавай аформленасці асобных плюратываў у некадыфікаваным варыянце рускай мовы, выказвае думку аб тым, што "ні фармальных, ні семантычных сістэмна абумоўленых прынцыповых забарон на пабудову словаформ з грамемай адз. л. пры так званых назоўніках plt у славянскіх мовах і, у прыватнасці, у рускай, не існуе. Цалкам магчымымі ўяўляюцца нават прыватныя славянскія сістэмы, у якіх мадэль plt была б шляхам сінгулярызацыі зведзена да мінімуму ці знікла зусім" [4, с. 112]. Аднак нашы назіранні паказваюць, што спосаб "зваротнай дэрывацыі" [4, с. 106] шляхам сінгулярызацыі множналікавых назоўнікаў у беларускай мове не з'яўляецца рэгулярным, а тыя адзінкавыя выпадкі, якія мы знайшлі ў рэгіянальных слоўніках, небясспрэчна можна аднесці да такіх утварэнняў. На нашу думку, гэта факты ўжывання старажытных (першасных) форм адз. л., формы мн. л. якіх пазней лексікалізаваліся і ў літаратурнай мове кадыфікаваліся як plt. Функцыянаванне ж такіх форм у мастацка-публіцыстычным дыскурсе носіць выразны прагматычна-інтэнцыянальны характар.

Сучасная парадыгма лінгвістычных даследаванняў дазволіла па-новаму асэнсаваць з'яву непаўнаты субстантыўнай парадыгмы. Шматлікія даследаванні кантэкстуальных ужыванняў лікавых форм, зварот да кагнітыўных метадаў апісання граматычных з'яў дапамаглі даць новыя ацэнкі статусу множналікавых назоўнікаў. Граматычныя даследаванні катэгорыі ліку ў дыяхранічным аспекце паказалі, што плюратывы заканамерна прысутнічаюць у мовах, у якіх фарміраванне катэгорыі ліку ішло з апорай на эліптычны плюраль, які вылучае адрозненні элементаў мноства, і адсутнічаюць у мовах, у якіх фарміраванне гэтай катэгорыі пайшло па шляху акцэнтавання тоеснасці элементаў (ампліфікацыйны плюраль). Таму феномен plt можна лічыць часткова ўніверсальнай моўнай з'явай [5, с. 185; 6, с. 52–60]. Множналікавыя субстантывы з'яўляюцца тыпалагічнай рысай граматычнай сістэмы і беларускай мовы. Тэарэтычна каштоўным уяўляецца выяўленне тых шляхоў, па якіх ідуць дынамічныя змены ў гэтым класе. Гэта дае магчымасць убачыць заканамерны характар эвалюцыі плюратываў у беларускай мове і іх сістэмную арганізацыю. Змены ў лексічным складзе беларускіх plt мы структуравалі па наступных параметрах: архаізацыя, неалагізацыя (утварэнне па ўласных словаўтваральных мадэлях і запазычанні), лексікалізацыя лікавых форм як стабільны спосаб папаўнення гэтага класа на ўсіх этапах функцыянавання мовы. Паралельна мы аналізуем змены ў аб'ёме семантычнай структуры плюратываў, бо ў шматлікіх выпадках намінатыўную форму мн. л. мае толькі адзін (ці некалькі) ЛСВ лексемы. Немалаважным уяўляецца таксама і ўлік дынамікі іх стылістычнай стратыфікацыі, бо яна значна ўплывае на функцыянальную арыентаванасць лексічнай адзінкі ў сістэме мовы. Даследаванне праведзена на матэрыяле лексікаграфічных крыніц, перыядычных выданняў і інтэрнэт-рэсурсаў.

Архаізацыя назоўнікаў plt. У лексічным складзе множналікавых назоўнікаў, якія выйшлі з зоны актыўнага ўжывання, вылучаюцца тыя ж лексіка-семантычныя катэгорыі, якія ўласцівы ўсім устарэлым словам – архаізмы і гістарызмы. Уласцівасці архаізмаў, якія знаходзяцца ва ўзаемасувязі з агульнаўжывальнымі сінонімамі ў сучаснай мове, дэтэрмінуюцца фактарамі лінгвістычнай прыроды, а гістарызмаў – экстралінгвістычнымі. Зменамі ў грамадстве абумоўлена

неактуальнасць наступных плюральнааформленых гістарызмаў: *адработкі* ‘форма найму сялян’ (СУСБМ, 11); *гуслі* ‘музычны інструмент’ (СУСБМ, 30); *зярцалы, латы, поручы* ‘даспехі’ (СУСБМ, 37, 50, 73); *сердзюкі* ‘войска на ўласным утрыманні гетмана’ (САіГ, 475); *турусы* ‘перасовачныя вежы для асады крэпасцей’ (САіГ, 526); *плерэзы* ‘упрыгожанне са страусавых пер’яў’ (СУСБМ, 72); *фіжмы* ‘каркас з кітовага вуса’ (СУСБМ, 107); *бармы* ‘наплечнікі, упрыгожаныя залатым шытвом і каштоўнасцямі’ (ТСБМ, 1, 345); *сарокі* ‘старадаўняя адзінка лічэння футравых шкурак’ (САіГ, 465); *шпіцрутэны* ‘палкі, якімі білі салдат, злачынцаў, праганяючы іх праз строй’ (СУСБМ, 119); *палаткі (палаці)* ‘насціл з дошак для сну’ (СУСБМ, 64); *шынгельсы* ‘гонта’ (САіГ, 601); *калодкі* ‘драўляныя кайданы, якія надзявалі на ногі, рукі і шыю арыштанта’ (СУСБМ, 40); *прагонныя* ‘павярстовая плата за прагон на паштовых конях’ (СУСБМ, 40); *вавёркі* і *мыслі* ‘літоўскія грошы’ (САіГ, 86, 344); *купы* ‘грошы ў Старажытнай Русі’ (САіГ, 282); *інсігніі* ‘знешнія знакі магутнасці і ўлады’ (ВСБМ, 395). Да ліку гістарызмаў трэба аднесці і вельмі кампактную лексічную групу плюратываў, якія называюць віды коннага транспарту і яго частак: *даўгушы* (САіГ, 152); *дрожкі* (СУСБМ, 32); *козлы* (СУСБМ, 47); *перакладныя* (САіГ, 403); *запяткі* (ТСБМ, 2, 373); *развалíны (развалкі, развалы)* (ТСБМ, 4, 577); *мажáры (маджары)* (ЭСБМ, 6, 155); *раскаты, рагілі, рададулі* (ВСБМ, 851, 830); *крывýлі, кручалы* (ЭСБМ, 5, 128, 127). Мяркуем, што гістарызмамі варта лічыць і шматлікую па колькасці адзінак лексічную групу назваў старажытных свят, абрадаў і гульняў, напр.: *русаллі* ‘вясновыя паганскія святкаванні’ (СУСБМ, 81); *уводзíны* ‘увядзенне парадзіхі з дзіцём у царкву’ (СУСБМ, 102); *бабíны* ‘вячэра на хрэсьбінах’ (ЭСБМ, 1, 252); *басю́ры* ‘гулянка жней за кошт гаспадара’ (ЭСБМ, 1, 327); *калíнкі* ‘свята ў гонар маладой, калі яна аказалася нявіннай’ (ЭСБМ, 4, 168); *камаéдзіцы* ‘свята напярэдадні дабравешчання’ (ЭСБМ, 4, 216); *пацалу́йкі* ‘дзень на пасхальным тыдні’ (ЭСБМ, 8, 242); *кудзе́льніцы* ‘вячоркі’ (ЭСБМ, 5, 145); *акцябрыны* ‘савецкі абрад урачыстай рэгістрацыі нованароджаных’ (СУСБМ,12) і інш.

Прыкладамі ўласна лексічных архаізмаў з’яўляюцца плюратывы *каразі* ‘пакаранне’ (САіГ, 237); *анталяжы* ‘карункі’ (ЭСБМ, 1, 116); *колты* ‘жаночае ўпрыгожанне’ (САіГ, 266); *персі* ‘грудзі’ (САіГ,404); *ажаролкі* ‘каралі’ (САіГ, 27); *арцабы* ‘шашкі’ (БРС-1925, 34); *арафамы (арафламы)* ‘парфума, пахкасці’ (САіГ, 40); *кляйноты (кляйноды)* ‘каштоўнасці; рэгаліі, атрыбуты ўлады’ (СУСБМ, 46); *пакоі* ‘раскошныя жылыя памяшканні’ (СУСБМ, 63); *посілкі* ‘падмога’ (САіГ, 413); *скрыпты* ‘паперы, дакументы’ (САіГ, 482); у*ды* ‘цела, рукі, ногі’ (САіГ, 529); *уціскі* ‘абдымкі’ (СБН; 671); *палёты* ‘залёты’ (СБН, 460–461); *каліннікі* ‘жалезныя марозы’ (САіГ, 219); *кулкі* ‘гурткі’ (САіГ, 272); *абэцадлы* ‘вучэнне, грамата’ (САіГ, 23); *сернічкі* ‘запалкі’ (САіГ, 475). Зафіксаваны і прыклады лексіка-фанетычных архаізмаў, напр., *абставы* ‘абставіны’(САіГ, 22); *жораны* ‘жорны’ (САіГ, 181). Значную частку складаюць плюратывы, у якіх архаізавалася толькі адно (ці некалькі) значэнне. У якасці прыкладаў лексіка-семантычных множналікавых архаізмаў можна назваць *весніцы* ‘плот з варотамі ў канцы вёскі’(САіГ, 101); *вярыгі* ‘жалезныя ланцугі’ (САіГ, 118); *ладкі* ‘удар лінейкай па далоні як від пакарання вучня’ (СУСБМ, 49); *людзі* ‘слугі’ (СУСБМ, 52); *шлямы* ‘карункі’ (САіГ, 590); *нарты* ‘лыжы’ (САіГ, 354); н*ожны* ‘пласціны, у якія заціскалася лучына’ (САіГ, 358); *шаты* ‘дарагое адзенне’ (ТСБМ, 5, 359); *церні* ‘калючыя расліны’ (САіГ, 590). Выхаду слова з агульнаўжывальнага лексічнага ядра можа спрыяць яго стылістычная маркіраванасць у сучаснай мове, напр.: *пенаты* ‘родны дом, кут’ (СУСБМ, 70), *цянёты* ‘пастка’ (ТСБМ, 5, 282); *пісьмёны* ‘літары; тое, што напісана’ (ТСБМ, 4, 260). Неабходна адзначыць і патэнцыял множналікавых архаізмаў да рэактывізацыі ў выніку дзеяння пурыстычных тэндэнцый да нацыяналізацыі, якія знаходзяць сваё выражэнне ў імкненні да рэвізіі перыферыйнай лексікі і яе нарматыўнай пераацэнкі. Паказальным прыкладам можа служыць лексема *вакацыі*, якая ў слоўніках (САіГ, 87; СУСБМ, 21) прэзентуецца як устарэлае слова, а ў слоўніку (СНіАЛБМ, 18) як актуальнае. Узуальна ўзмацняецца камунікатыўная значнасць і такіх плюратываў, аднесеных у лексікаграфіі да ўстарэлых, як *дачыненні* (САіГ, 152); *запросіны* (САіГ, 190); *ловы* (САіГ, 303); *любошчы* (САіГ, 308); *варункі* (САіГ, 92); *таргі* (СУСБМ, 99); *пярэбары* (САіГ, 434); *наступствы* (САіГ, 355); *угодкі* (СУСБМ, 102).

Безумоўна, даследуючы пэўную частку лексікону ў аспекце дынамічных змен, недастаткова вызначыць іх характар адносна нейкага аднаго храналагічнага перыяду, як мы гэта зрабілі адносна сённяшняга дня. Важна прааналізаваць гэтыя змены на ўсіх этапах развіцця мовы. Таму вельмі

актуальнымі нам уяўляюцца даследаванні кантэкстуальных ужыванняў лікавых форм у розныя храналагічныя перыяды. Не менш важным мы лічым і аналіз лексікаграфічнай рэпрэзентацыі назоўнікаў plt у дыяхранічным аспекце. Напрыклад, мы прааналізвалі ўсе плюральнаформленыя субстантывы ў "Беларуска-расійскім слоўніку" М. Байкова і С. Некрашэвіча (БРС-1925), беларускамоўны рэестр якога адлюстроўвае тэндэнцыі развіцця лексічнай сістэмы мовы 20-х гг. XX ст. Многія плюратывы, зафіксаваныя ў слоўніку, не знайшлі адлюстравання ў сучаснай лексікаграфіі, напр.: *шталюгі – мольберт* (351); *боркі – борьба* (47)*; візарункі – изображение* (59); *выгрозы – пристрастка* (64); *вы́меры – измерение* (67); *дапі́кі – упрёки* (89); *даручыны – поручение* (90); *забе́гі – искательство*, *происки* (104); *зводы – сплетни* (123); *згадкі – воспоминания* (123); *змовіны – сговор* (128); *лёкі – испуг* (158); *лоні – объятия* (160); *нагледзіны – надсмотр* (177); *падседы – козни* (211); *ра́дашчы – общая радость* (267); *седні – сидни, праздная жизнь* (285*); упады – раболепство, пресмыкательство* (326) і інш. Некаторыя з іх згубілі сваю актуальнасць або былі вузкімі рэгіяналізмамі ўжо падчас стварэння слоўніка. Ацаніць іх тагачасную функцыянальную значнасць можна, толькі зрабіўшы маштабны кантэкстуальны аналіз выданняў гэтага перыяду. Аднак мяркуем, што значная колькасць адлюстраваных у слоўніку plt у далейшай лексікаграфічнай практыцы была заменена зрусіфікаванымі лексічнымі адзінкамі ці беларускімі сінонімамі або выцеснена на моўную перыферыю паметамі *абл.* і *разм.* Сустракаюцца ў слоўніку і такія лексемы, якія дэманструюць варыянтнасць лікавага афармлення (напр., *арганы м. мн. = арган* (34)) або несупадзенне з граматычным статусам у сучаснай мове (напр., *крата ж. – ограда, решетка* (150)). Такія адзінкі з'яўляюцца каштоўным матэрыялам для аналізу дынамічных працэсаў у сістэме множналікавых назоўнікаў.

Неалагізацыя ў сістэме plt. Відавочным доказам моўнай перспектыўнасці класа plt у беларускай мове з'яўляюцца множналікавыя субстантыўныя неалагізмы. Лексікон любой мовы сілкуецца з дзвюх асноўных крыніц: новаўтварэнняў на базе ўласных рэсурсаў і запазычанняў, афармленых па словаўтваральных і граматычных законах мовы-рэцыпіента. На сучасным этапе развіцця мовы, калі "беларускі лексікон перажывае сапраўдны словатворчы бум" [7, с. 346], актыўна папаўняецца новымі адзінкамі і клас plt. Па падліках аўтараў манаграфіі "Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы", у слоўніках беларускіх лексічных інавацый зафіксавана 45 множналікавых назоўнікаў [7, с. 78]. Большасць з гэтых лексем складаюць запазычанні. Прааналізуем запазычаныя неалагізмы-плюратывы, выбраныя з сучасных слоўнікаў, у аспекце прадметна-тэматычнай тыпалогіі, камунікатыўнай запатрабаванасці і ступені адаптаванасці.

Найбольшую дынаміку выяўляюць запазычанні з канкрэтна-прадметным значэннем. Канкрэтная лексіка ўтварае такія ж актуальныя тэматычныя групы, якія характэрны для ўсіх новых запазычанняў. Найперш гэта назвы страў і прадуктаў харчавання, напр.: *мюслі* (СНСБМ, 232); *прэсервы* (СНСБМ, 290); *равіёлі* (СНСБМ, 295); *хачапуры* (СНіАЛБМ, 76); *пачулі* (СНіАЛБМ, 49); *чыпсы* (СНСБМ, 408); *суслі* (СНСБМ, 351); *снэкі* (СНСБМ, 334); *сушы* (СНСБМ, 351); *сушымі* (СНСБМ, 351); *вон-тон* (ТСЗіАЛ, 387); *норы* (ТСЗіАЛ, 389); *сурымі* (СНіАЛБМ, 87). Большасць пералічаных назоўнікаў марфалагічна не адаптавалася з прычыны фанетычнай экзатычнасці або (і) функцыянальнай неактыўнасці. Сведчаннем гэтага з'яўляецца іх арфаграфічная, акцэнталагічная і граматычная варыянтнасць, якую фіксуюць лексікаграфічныя працы. Граматычная нестабільнасць у той ці іншай ступені з'яўляецца характэрнай рысай усіх запазычанняў, на што ўплывае цэлы спектр фактараў, але ў класе множналікавых субстантываў яна выяўляецца найбольш выразна. Плюральнае лікавае афармленнне назваў прадуктаў і страў выклікана дэнататыўнай множнасцю аб'ектаў наймення, пераважным ужываннем у зборна-рэчыўных кантэкстах. Аднак у кантэкстах з указаннем на колькасную ці якасную вызначанасць аб'екта некаторыя з пералічаных назоўнікаў могуць ужывацца ў форме сінтаксічнага адз. л. з ваганнямі формы роду. Уплывае на марфалагічную адаптацыю і нацыянальна-культурны кампанент значэння запазычанага слова. Напрыклад, слоўнікі прэзентуюць лексему *снэкі* як plt. Англійскі назоўнік *snack* мае поўную парадыгму (*snack – snacks*) і абазначае як прадукт для лёгкай закускі, так і сам працэс яго ўжывання. Аднак у розных народаў вельмі розныя прадукты абазначаюцца паняццем *снэкі*. Рухомасць аб'ёму семантыкі гэтага запазычання ў беларускай мове абумоўлена высокай дынамікай інтэграцыйных працэсаў на рынках прадуктаў харчавання і ў сродках камунікацыі. Спачатку *снэкамі* называлі

закускі кшталту чыпсаў, арэшкаў, пап-корну і пад. Плюральная форма назоўніка *снэкі* падтрымлівалася недыскрэтнасцю рэчыўнага рэферэнта. Аднак паступова *снэкамі* сталі называць любыя прадукты, якія ўжываюцца паміж асноўнымі прыёмамі ежы. Дыскрэтны кантэкст стварыў ўмовы для ўжывання гэтага назоўніка і ў форме адз. л.

Другой па колькасці адзінак групай канкрэтных плюральнаформленых новых запазычанняў з'яўляюцца назвы адзення і абутку, напр.: *стыкіні* (СНіАЛБМ; 65); *стрынгі* (СНСБМ; 342); *слаксы* (СНСБМ; 332); *легінсы* (СНСБМ; 202); *капры* (СНСБМ;176); *батыльёны* (СНСБМ;176). Гэты пералік варта было б дапоўніць назвамі абутку, якія яшчэ не паспелі трапіць у слоўнікі інавацый (напр., *адзідасы, брогі, оксфарды, дэрбі, лоферы, эспадрылі*). Назвы абутку лінгвісты адносяць, як правіла, да плюральна арыентаваных субстантываў, аднак нашы назіранні паказваюць, што новыя запазычанні не ўжываюцца ў дыстрыбутыўных кантэкстах, бо функцыянальна запатрабаваным з'яўляецца якасны (від абутку) кампанент іх семантычнай структуры. Астатнія канкрэтныя запазычанні не ўтвараюць рэгулярных адкрытых для запазычання тэматычных груп: *таро* (СНСБМ, 359); *канзашы* (СНіАЛБМ, 33); *ралеты* (СНСБМ, 298); *нунчакі* (СНСБМ, 245); *гайды* (СНСБМ, 106); *графіці* (СНСБМ, 115); *дрэды* (СНСБМ, 126); *слап-скейты* (разм. *слапы*) (ВСБМ, 923). Нязначную колькасць складаюць адзінкі (прычым выключна англіцызмы) абстрактнай семантыкі, якія называюць рэаліі сацыяльна-палітычнага жыцця грамадства. Як правіла, яны з'яўляюцца варварызмамі, бо маюць сінонімы ў беларускай мове: *медыя* (СНСБМ, 218); *мас-медыя (масмедыя)* (СНСБМ, 215); *праймерыз, кукі* (ТСЗіАЛ, 397). Значна пашырылася ў апошнія два дзесяцігоддзі кола плюратываў з запазычанымі прэфіксоіднымі элементамі, напр.: *анты- (антылюдзі); відэа- (відэаданыя); квазі- (квазігрошы); еўра- (еўравыбары); мета- (метаведы); метэа- (метэаданыя, мэтэаўмовы); міні- (міні-лыжы, міні-шорты); мікра- (мікрашалі); мульты- (мультымедыя); тэле- (тэледэбаты); тэрма- (тэрмабігудзі); нана- (нанапамеры); супер- (супермультывітаміны); анлайн- (анлайн-матэрыялы, анлайн-навіны).*

У выніку дзеяння пурыстычных тэндэнцый у сучаснай беларускай мове застаецца адчувальным уплыў польскай і украінскай (у меншай ступені) моў. Актуальнымі сталі словы *стасункі, варункі, узаеміны, народзіны, перапросіны*. Утвырыліся новыя сінанімічныя рады, напр., *узаемаадносіны – узаемастасункі – узаеміны*. У рэчышчы тэндэнцыі нацыяналізацыі павялічваецца прадуктыўнасць некаторых словаўтваральных мадэлей, уласцівых плюратывам. У першую чаргу трэба адзначыць аддзеяслоўныя назоўнікі на *–ін(ы): народзіны, запросіны, адыходзіны, расходзіны, адведзіны, дагледзіны, дакладзіны, выправіны, даручыны, змовіны, закладзіны, замовіны, дамовіны, памовіны, паховіны, пацвердзіны, праводзіны, уваскрасіны*; з нулявым суфіксам: *вымогі, склізы, вышукі, перамовы*; з суфіксальным элементам *–к-: вітанкі, спадкі* 'наступствы', *наследкі*. Некаторыя плюральнаформленыя дэвербатывы ўступаюць у канкурэнтныя адносіны з аднакаранёвымі адзіночналікавымі, утвараючы словаўтваральныя варыянты: *запросіны – запрашэнне, адведзіны – адведванне, паховіны – пахаванне*. Самую высокую ступень канкурэнтаздольнасці выяўляе плюратыў *народзіны*. Далёка не ўсе з пералічаных назоўнікаў варта лічыць моўнымі інавацыямі. У большасці выпадкаў яны з'яўляюцца ранейшымі моўнымі здабыткамі, якім непаўнавартасная ўзуальная рэальнасць не дала магчымасці адстаяцца ў мове.

Прадуктыўным застаецца і спосаб утварэння складаных плюратываў, напр.: *пенашпалеры, лыжароле́ры, наркадолары, ЧМ-вага́нні*. Высокую дынаміку некаторых плюральных кампазітаў можна прасачыць на прыкладзе намінацый з другой часткай *–курсы*. З развіццём тэхналогій і ўзроўню адукацыі сталі неактуальнымі саветызмы *арткурсы, радыёкурсы, педкурсы*, затое ўзніклі *інтэрнэт-курсы, ІТ-курсы, анлайн-курсы, стрыптыз-курсы*. Працягваецца тэрмінаўтваральная традыцыя выкарыстоўваць множналікавыя назоўнікі ў якасці назваў класаў у галіне заалогіі, біялогіі, хіміі, геалогіі, фізіялогіі і інш.: а*ўтабранзанты, антыпірэтыкі, біярэсурсы, кераміды, ліпіды, энзімы* і інш. Зафіксаваны і новыя множналікавыя субстантываты, якія называюць сукупнасць асоб: *апытаныя, карычневыя* (па мадэлі *дамашнія, прысутныя*).

Лексікалізацыя лікавых форм. Аналіз дынамічных працэсаў у сістэме plt будзе недастатковым і неадэкватным без даследавання лексікалізацыі лікавых форм як стабільнага спосабу папаўнення гэтага класа субстантыўнай лексікі. Прааналізаваўшы рускія plt у дыяхранічным аспекце, С. В. Каняўская зрабіла выснову аб тым, што "ўтварэнне слоў шляхам змянення лікавай

парадыгмы адносіцца да ліку гістарычна ўстойлівых спосабаў словаўтварэння ў рускай мове" [8, с. 134]. Яшчэ раней думку аб сістэмным характары плюралізацыі шляхам лексікалізацыі абгрунтаваў В. А. Дзегцяроў на падставе параўнальна-гістарычнага вывучэння plt у славянскіх мовах [9]. Сучасныя лінгвісты лічаць, што стабільнасць механізма лексікалізацыі ў мовах, якія маюць plt, абумоўлена перавагай эліптычнага тыпу мноства пры фарміраванні катэгорыі ліку: "У гэтых мовах, з прычыны поўнай ці частковай страты ўяўлення аб тым ці іншым мноства як аб тоеснасці элементаў, якія складаюць гэтае мноства, элемент, вылучаны з мноства, не можа рэпрэзентаваць яго адэкватна. Такія ўяўленні вядуць да лексікалізацыі лікавых форм і пастаяннага папаўнення групы plt" [5, с. 134]. У артыкуле мы абмяжуемся аналізам лексікалізацыі лікавых форм як дынамічнай моўнай з'явы, бо сам механізм семантычных трансфармацый як прычыны парадыгматычнай непаўнаты складаны і патрабуе спецыяльнага даследавання. Этымалагічны аналіз беларускіх плюратываў паказвае, што многія з іх мелі форму адз. л. і мн. л., карэляцыя якіх насіла колькасны характар (напр., *арэлі, вароты, вілы, вусны, дзверы, дровы, граблі, грошы, грудзі, калёсы, клешчы, мошчы, нажніцы, нагавіцы, порткі, пяльцы* і інш.). Лексікалізацыя форм мн. л. адбывалася ў выніку семантычнага разыходжання форм ліку і разбурэння лікавай парадыгмы. Лагічнай умовай гэтага працэсу з'явілася асэнсаванне колькаснага мноства прадметаў, якое стала ўяўляцца як сістэма функцыянальна звязаных элементаў, у якасці новага прадмета. Напрыклад, плюратыў *весніцы* 'вароты ў двор' з'яўляецца лексікалізаванай формай мн. л. назоўніка *весніца*, які ўтварыўся ад прыналежнага прыметніка *vьsь-nь* і суфікса *-ica* (*vьsь* 'дом роду') і абазначаў 'абгароджанае месца, дзе знаходзіліся ўсе будынкі роду' (ЭСБМ, 2, 94); значэнне 'прыстасаванне для вышывання' замацавалася за формай мн. л. з дымінутыўным суфіксам назоўніка *пяла* 'распорка, рамка' (ЭСБМ, 10, 296). Зборнае значэнне множнасці ляжыць у аснове праславянскай формы мн. л. **kolesa* 'воз' ад формы адз. л. н. р. **kolo* 'кола' (ЭСБМ, 4, с. 158). Лексікалізаваныя формы мн. л. ёсць ва ўсіх лексіка-тэматычных групах беларускіх назоўнікаў, аднак можна вылучыць такія, для якіх гэты спосаб намінацыі з'яўляецца адным з найбольш прадуктыўных. У беларускай мове лексікалізацыя форм мн. л. на аснове метаніміі з'яўляецца невычэрпнай крыніцай утварэння множналікавых айконімаў (напр., *Горкі, Сосны, Зубры, Гладышы, Гумны, Квачы, Куты, Масты, Ляды, Печы, Барсукі, Вераскі, Вілы, Вуглы, Гарбузы, Выжары, Груды, Паплавы, Грамніцы, Гарадкі, Дзявяткі, Ганчары, Дойліды, Бондары, Камунары, Баяры, Уладыкі, Ваяводкі, Дразды* і пад.). На аснове метафары і метаніміі наміналізаваліся формы мн. л. народных назваў раслін (*бацькі* 'спарыння', *панічы* 'павой', з*ванкі, боцікі, гарлачыкі, жбанкі*); страў (*камы* 'бульбяная каша', *ражкі, буракі* 'суп з буракоў'). У працэсе гістарычнага развіцця ў мове складваюцца семантычныя мадэлі лексікалізацыі. Напрыклад, у беларускай мове ў якасці сродкаў намінацыі актыўна выкарыстоўваліся формы мн. л. заонімаў (*ваўчкі, сабачкі, мядзведзіны* 'ажыны', *казлы (козлы)* 'гаспадарчыя прылады', *кошкі* 'прыстасаванне для падымання па слупах' і інш.). Прадуктыўнасць гэтага намінацыйнага спосабу ва ўсіх функцыянальных разнавіднасцях беларускай мовы, а таксама ў дыялектнай мове дэманструе яго ўніверсальны статус, бо ён ўласцівы не толькі цэнтру лексічнай сістэмы, але і моўнай перыферыі. У выніку семантычнага пераносу ў савецкі час узніклі словы *Саветы* 'назва СССР', *органы* 'карныя органы ўлады', *цені* 'касметычны сродак', *лодачкі* 'від абутку', *нажніцы* 'розніца ў чым-н'. У "перабудовачны" перыяд ў шырокі ўжытак увайшлі прастамоўныя назвы долараў *грыны* і *зялёныя*, у слэнгу моладзі з'явіліся словы *калёсы* 'наркатычныя сродкі', *адзідасы* 'красоўкі', актуалізавалася як агульнаўжывальная лексічная адзінка слова *шлакі* 'прадукты абмену рэчываў'. Паказальным прыкладам дынамічнасці некаторых лексікалізаваных форм мн. л. з'яўляецца слова *зайцы (зайчыкі)* 'народная назва беларускіх грошай". Слова ўзнікла ў 1990-я гг. на аснове метанімічнага пераносу і практычна адразу ж набыло экспрэсіўна-ацэначныя канатацыі, але са зменай жыццёвых рэалій хутка выйшла з актыўнага ўжывання ў зону архаічнай лексікі.

Ступень стабільнасці і дынамічнасці лексіка-семантычных груп плюратываў неаднолькавая, яна абумоўлена іх камунікатыўнай запатрабаванасцю і стылістычна-прагматычнымі фактарамі функцыянавання. У якасці прыкладу прааналізуем дынамічныя змены ў лексічнай групе назваў адзення, якое надзяваецца на ногі. У беларускай мове такія назвы афармляюцца толькі плюральна. Мы зафіксавалі наступны шэраг адпаведных назваў: *штаны, падштанікі, споднікі, уборы, кга-*

чы (гачы), плюндры, нагавіцы, порткі, зрэбнікі, майткі, паўзункі, плаўкі, трусы, ватовікі (ватнікі), шаравары, кальсоны, панталоны, шорты, ласіны, веласіпедкі, хуліганы, клёшы, джынсы, джэгінсы, легінсы, капры, бермуды, бойфрэнды, брыджы, кюлоты, мантаны, слаксы, скіні, стрынгі, тайтсы, чынас, хіпстары, джогеры, танга, бразільяна. З гэтага шэрагу выбіваецца толькі нескланяльны назоўнік *трыко*, аднак і ён мае множналікавы (некадыфікаваны) варыянт, напр.: *Пад купкай бярозак хлопцы раскінулі палатку, побач забілі два калкі, на якія павесілі* ***трыко*** *і шорты. Сін****ія трыко*** *з жоўтымі лампасамі належал****і*** *Стасю і Яшы, а шорты – Мітрафану і Рыгору* (Алесь Якімовіч. “Лімонка”). Гэта сведчыць аб тым, што ў беларускай мове ёсць пэўны граматычны стандарт лікавага афармлення такіх назваў адзення. Лексічная група гэтых беларускіх plt дэманструе надзвычайную семантычна-функцыянальную рухомасць. Паводле даследавання Л. І. Рабаданавай, нейтральнае ў сучаснай мове слова *штаны* ў старабеларускай мове ўзнікла толькі ў XIV ст. і было малаўжывальным, яго актывізацыя адбылася значна пазней пад уплывам рускай мовы [10, с. 117]. Выйшла з ужывання слова *кгачы (гачы, гаці)*, пашырыўся семантычны аб’ём плюратываў *уборы* і *плюндры*: *уборы* ‘штаны’ (семантычны паланізм) у старабеларускай мове і *ўборы* ‘адзенне’ у сучаснай мове; *плюндры* ‘кароткія штаны’ (запазычанне з нямецкай мовы) і *плюндры* ‘зрэб’е, анучы’ у сучасных гаворках (у выніку зневажальных адносін да некаторых відаў адзення нямецкага крою). Наадварот, звузілася семантыка слова *порты* ‘адзенне’ (увогуле адзенне, пашытае з двух кавалкаў простай тканіны без дадатковага крою), якое было вынікам метанімічнага пераносу ад *портъ* ‘льняная, канапляная або баваўняная тканіна’. Замест малаўжывальнага *порты* ўжо ў XV ст. часцей стаў ўжывацца суфіксальны дэрыват *порткі* ‘штаны’ (з канатацыяй ‘простыя штаны нескладанага крою, пашытыя з недарагой тканіны’). Прыкладам моцнай рэактывізацыі з’яўляецца плюратыў *нагавіцы*. Назоўнік *нагавіцы* меў форму адз. і мн. л. і першапачаткова абазначаў ‘тое, што надзяваецца на нагу’ (параўн. славен. *nogaviса* ‘панчоха, шкарпэтка’, серб.-харв. і макед. *ногавица* ‘калашына’). Такім чынам, форма *нагавіцы* таксама плюралізавалася ў выніку лексікалізацыі і ўвайшла ў актыў старабеларускай мовы, аднак форма адз. л. *нагавіца* ‘штаніна’ функцыянавала яшчэ ў XIX – пачатку XX ст. (СМНН, 2, 585). Як агульнаўжывальнае нейтральнае слова плюратыў *нагавіцы* прэзентуюць слоўнікі пачатку XX ст. (БРС-1925, 177). У пяцітомным тлумачальным слоўніку лексема *нагавіцы* суправаджаецца паметай *разм.* (ТСБМ, 3, 224), а ў некаторых лексікаграфічных выданнях кваліфікуецца як архаізм (САіГ, 348). Аднак нашы назіранні дазваляюць зрабіць выснову аб тым, што плюратыў *нагавіцы* ўваходзіць у актыў сучаснай беларускай мовы, знаходзіцца ў зоне моцнай канкурэнцыі са словам *штаны*, часта ўжываецца ў функцыянальна нейтральных кантэкстах. У выніку семантачнай трансфармацыі вярнуліся ў сучасную мову назоўнікі *ласіны* і *майткі.* Метанімічнае значэнне слова *ласіны* ‘штаны з ласінай шкуры, з *ласіны*’ архаізавалася, што дае падставы ў лексікаграфіі кваліфікаваць яго як устарэлае (СУСБМ, 50), але слова актуалізавалася ў сучаснай мове са значэннем ‘вузкія штаны ў абцяжку з эластычнай тканіны’. Назоўнік *майткі*, запазычаны з польскай мовы, меў значэнне ‘верхнія мужчынскія штаны’(САіГ, 316). У сучасным узусе плюратыў майткі функцыянуе як назва ніжняй бялізны (напр., *Навіна аб забароне на вытворчасць, увоз і продаж карункавых майткоў у краінах Мытнага Саюза літаральна ўзарвала байнэт* (TUT.by)). З прычыны моўнай “паліткарэктнасці” звужаецца функцыянальная запатрабаванасць назоўнікаў *споднікі, падштанік*і і *кальсоны*, якія ў сучаснай мове выцясняюцца нейтральным словам *тэрмабялізна*. Са з’яўленнем новых тэхналогій вытворчасці адзення і павышэннем узроўню жыцця выйшлі з ужывання плюратывы *ватнікі (ватовікі)* і *зрэбнікі* ‘штаны, пашытыя са зрэбнага (грубага, неапрацаванага) палатна’. У сучаснай мове ў гэтай лексічнай групе дзейнічае тэндэнцыя адлюстраваць у намінацыі гэтага віду адзення вузкую спецыфіку крою, манеры насіць, прызначэння, віду тканіны. Напрыклад, слова *веласіпедкі* ўзнікла для абазначэння спартыўных кароткіх штаноў з эластычнай тканіны, зручных для язды на веласіпедзе. Але самую шматлікую групу новых назваў складаюць запазычанні. З ростам фэшн-індустрыі ў беларускую мову ўвайшлі словы *джэгінсы, кюлоты, слаксы, скіні, тайтсы, чынас (чынасы), джогеры*. У складзе як “імпартных”, так і сваіх інавацый можна вылучыць і лексікалізаваныя назвы (напр., *мантаны, бойфрэнды, танга, хуліганы*). Гэтыя намінацыі

можна аднесці да ліку т. зв. “модных” слоў, ужыванне якіх маркіруе носьбіта як абазначанага ў гэтай галіне. Прысутнасць plt сярод такіх слоў толькі пацвярджае наш тэзіс аб іх перспектыўнасці.

Заключэнне. Прааналізаваны моўны матэрыял дае падставы сцвярджаць, што множналікавыя субстантывы з’яўляюцца фактам граматычнай сістэмы беларускай мовы на ўсіх этапах яе гістарычнага развіцця. Стабільнасць гэтага лексіка-граматычнага класа абумоўлена дзеяннем выпрацаваных у мове дэрывацыйных механізмаў, у межах якіх дзейнічаюць таксанамічныя намінацыйныя стандарты лікавага афармлення назоўнікаў. Аднак ступень стабільнасці і дынамічнасці ў розных лексіка-тэматычных групах неаднолькавая, што дэтэрмінуецца экстаралінгвістычнымі фактарамі.

Спіс скарачэнняў

1. СУСБМ – Макарэвіч, А. В. Слоўнік устарэлых слоў беларускай мовы / А. В. Макарэвіч. – Брэст : Брэсц. дзярж. ун-т, 2005. – 125 с.

2. САіГ – Струкава, С. М. Слоўнік архаізмаў і гістарызмаў: па творах беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі / С. М. Струкава. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 654 с.

3. ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.

4. ВСБМ – Піскуноў, Ф. А. Вялікі слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, акцэнтуацыя, парадыгматыка : каля 223 000 слоў / Ф. А. Піскуноў. – Мінск : З. Колас, 2012. – XIV, 1195 с.

5. ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : [у 13 т.] / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 13 т.

6. БРС-25 – Байкоў, М. Беларуска-расійскі слоўнік / М. Байкоў, С. Некрашэвіч. –Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925. – 356 с.

7. СБН – Носович, И. И. Словарь белорусского наречия : более 30 000 слов / И. И. Носович. – СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук, 1870. – [6], 755 с.

8. СНіАЛ – Шчасная, К. Д. Слоўнік новай і актуальнай лексікі / К. Д. Шчасная. – Мінск : Права і эканоміка, 2012. – 101 с.

9. СНСБМ – Уласевіч, В. І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы : каля 4 500 слоў і выразаў / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : ТетраСистемс, 2009. – 444 с.

10. ТСЗіАЛ – Тэматычны слоўнік запазычанай і актуальнай лексікі // Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы / Н. П. Еўсіевіч [і інш.] ; навук. рэд. В. П. Русак. – Мінск, 2015. – С. 308–427.

11. СМНН – Слоўнік мовы “Нашай Нівы”, 1906–1915 : у 5 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. В. П. Лемцюговай. – Мінск : Тэхналогія, 2003. – 5 т.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Колесников, А. А. Семантическое обеспечение грамматических форм имен существительных русского языка / А. А. Колесников. – Киев : Выща шк., 1988. – 137 с.

2. Реформатский, А. А. Число и грамматика / А. А. Реформатский // Вопр. грамматики : сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: В. А. Аврорин., В. М. Жирмунский (отв. ред.) [и др.]. – Л. ; М., 1960. – С. 384–400.

3. Шкраба, І. Р. Асаблівасці выражэння катэгорыі ліку назоўнікаў у беларускай мове / І. Р. Шкраба // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4: Філасофія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1983. – № 2. – С. 26–29.

4. Соболев, А. Н. Славянские *pluralia tantum*. Проблема дефектной парадигмы / А. Н. Соболев // Южнословенски филолог. – 2005. – № 61. – С. 95–115.

5. Лазарев, В. А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / В. А. Лазарев. – Ростов н/Д, 2010. – 356 л.

6. Архипкина, Г. Д. Когнитивные основания и анропоцентрические параметры грамматической категории числа : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г. Д. Архипкина. – Ростов н/Д, 2006. – 307 л.

7. Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы / Н. П. Еўсіевіч [і інш.]; навук. рэд. В. П. Русак. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 439 с.

8. Конявская, С. В. Семантическое словообразование в системе числа существительных: синхрония и диахрония / С. В. Конявская. – М. : РФК-Имидж Лаб, 2004. – 192 с.

9. Дегтярев, В. А. Категория числа в славянских языках : ист.-семант. исслед. / В. А. Дегтярев ; отв. ред. Ф. П. Филин. – Ростов н/Д, 1982. – 320 с.

10. Рабаданава, Л. И. Названия одежды, головных уборов и материалов для их изготовления в памятниках старобелорусской письменности : дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Л. И. Рабаданова. – Минск, 1991. – 243 л.

References

1. Kolesnikov A. A. *Semantic support of Russian nouns grammatical forms*. Kyiv, Vyshcha shkola Publ., 1988. 137 p. (in Russian).

2. Reformatskii A. A. Number and grammar. *Voprosy grammatiki: sb.st. k 75-letiyu akad. I. I. Meschaninova* [Grammar questions. Abstracts digest for the 75th anniversary of I. I. Meschaninov]. Moscow, 1960, pp. 384–400 (in Russian).

3. Shkraba I. P. Peculiarities of expressing the category of number typical of Belarusian nouns. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaŭnaga universiteta. Seryya 4, Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika* [Bulletin of the Belarusian State University. Series 4 Philology. Journalism. Pedagogy], 1983, no.2, pp. 26–29 (in Belarusian).

4. Sobolev A. I. Slavic *pluralia tantum*. The Problem of a Defective Paradigm. Juzhnoslovenski filolog [South Slavic philologist], 2005, no.61, pp. 95–15 (in Russian).

5. Lazarev V. A. *Morphological categories of anthropocentric linguistic and cultural aspect of interpretation*. Rostov-na-Donu, 2010. 356p. (in Russian).

6. Arhipkina G. D. *Cognitive grounds and anthropocentric parameters of grammatical category of number*. Rostov-na-Donu, 2006. 307p. (in Russian).

7. Eusievich N. P., Likhadzieŭskaya L. A., Rusak V. P., Syargeeva A. M., Tatur V. L., Ulasevich V. I., Chabatar N. A., Shchasnaya K. D. *Dynamics of Belarusian language literary norm*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015. 439 p. (in Belarusian).

8. Konyavskaya S. V. *Semantic word formation in the numerical system of nouns: synchrony and diachrony*. Moscow, 2004. 192 p. (in Russian).

9. Degtyaryev V. A. *Caregory of number in Slavonic languages: historical and semantic study*. Rostov-na-Donu, 1982. 320p. (in Russian).

10. Rabadanava L. I. *Names of clothes, headdresses and materials to produce them in the monuments of Old Belarusian writing*. Minsk, 1991. 243p. (in Russian).

Информация об авторе

Семенькевич Оксана Васильевна – аспирант. Минский государственный лингвистический университет (ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь). E-mail: oksana-bel@inbox.ru

Information about the author

Oksana V. Semenkevich – Postgraduate student, Minsk State Linguistic University (21 Zakharov Str., Minsk 220034, Belarus). E-mail: oksana-bel@inbox.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 808.4:316 (476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-338-347

Поступила в редакцию 27.02.2018
Received 27.02.2018

М. А. Раткевич

Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск, Беларусь

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В БССР (1920-е – начало 1930-х гг.) И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СТАТУС ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Национально-языковая политика в 1920 – начале 1930-х гг. оказала важнейшее влияние на соотношение компонентов социально-коммуникативной системы БССР в рассматриваемый период. В статье выявляется функциональная дистрибуция идиомов, определяются правовой статус и общественные функции польского языка как одного из компонентов социально-коммуникативной системы. Использование метода социолингвистической интерпретации письменных источников позволило установить, что функциональная дистрибуция официальных языков БССР (белорусского, еврейского, русского и польского) преимущественно отражает численные пропорции населения БССР по национальностям. Фактический статус языков соответствовал их юридическому статусу, что позволило языкам основных национальностей, в том числе и польскому, функционировать в наиболее важных сферах общения.

Ключевые слова: национально-языковая политика, социально-коммуникативная система, правовой статус, функциональная дистрибуция, польский язык

Для цитирования. Раткевич, М. А. Национально-языковая политика в БССР (1920-е – начало 1930-х гг.) и ее влияние на статус польского языка / М. А. Раткевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 338–347. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-338-347

M. A. Ratkevich

Border Guard Service Institute of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

NATIONAL LANGUAGE POLICY IN THE BSSR (1920 – early 1930's) AND ITS INFLUENCE ON THE PROFILE OF POLISH LANGUAGE

Abstract. National-language policy in the 1920s and early 1930s had a major impact on the ratio of the socio-communicative system components of the BSSR in the period under review. The article reveals the functional distribution of idioms, determines the legal status and public functions of the Polish language as one of the components of the social and communicative system. The use of the method of sociolinguistic interpretation of written sources made it possible to define that the functional distribution of the official languages of the BSSR (Belarusian, Jewish, Russian and Polish) mainly reflects the numerical proportions of the population of the BSSR by nationality. The actual status of the languages corresponded to their legal status which allowed the languages of the main nationalities, including the Polish language, to function in the most important spheres of communication.

Keywords: national-linguistic policy, social-communicative system, legal status, functional distribution, Polish language

For citation. Ratkevich M. A. National-linguistic policy in the BSSR (1920 – early 1930's) and its influence on the profile of Polish language. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. 2018, vol. 63, no. 3, pp. 338–347 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-338-347

Территория Беларуси в силу своего географического положения всегда являлась местом проживания многочисленных народов, которые имели разные вероисповедания, культуру, традиции, язык. Так, на землях Великого Княжества Литовского, значительная часть которых в данный момент входит в состав Республики Беларусь, проживали белорусы, латыши, евреи, татары, немцы и другие народы. Включение части Речи Посполитой в состав Российской империи принципиально не изменило национальной картины этих земель, о чем свидетельствуют материалы переписи населения Российской империи 1897 г. и последующих переписей населения. В губерниях, территории которых частично или полностью входят в состав современной Беларуси, «главнейши-

© Раткевич М. А., 2018

ми народностями (на основании родного языка)» являлись великоруссы, малороссы, белоруссы, поляки и евреи[1] [1, с. 4–5].

Статистические данные о численности и национальном составе населения бывших земель Северо-Западного края Российской империи содержатся также в документах БССР 1920-х гг. Сведения не являются полными по причине неблагоприятных условий проведения переписей. Первая послереволюционная перепись проводилась в 1920 г. во время гражданской войны, поэтому часть территории России и Беларуси не была охвачена. Согласно статистическим данным национальный состав населения БССР в 1925 г. выглядел следующим образом: белорусы составляли 70,70%, русские (великоруссы и украинцы) – 15,5%, поляки – 2,1%, евреи – 10,88%, прочие – 0,82%[2]. Наибольшее количество поляков проживало в Минском округе (согласно административному делению того времени) – 25572, т. е. 28,9% всего польского населения. Далее следуют Борисовский округ – 12226 поляков (13,8%) и Слуцкий – 8235 (9,3%) [2, с. 3].

Вторая послереволюционная перепись проводилась в 1926 г., однако ее результаты до сих пор не систематизированы. В отдельных документах конца 1920-х гг. указаны следующие данные на 1926 г. по наиболее многочисленным национальностям, проживающим на территории БССР (включая Гомельщину): белорусы составляли 80,62% населения БССР, евреи – 8,19%, великороссы – 7,70%, поляки – 1,96% [3, с. 20]. Исследователи подвергают сомнению достоверность переписей 1930-х гг. Перепись 1937 г. была признана властями как противоречащая действительности, поскольку представленные в ней сведения не соответствовали уже провозглашенным официальным данным по численности населения. В 1939 г. была проведена еще одна перепись, задачей которой являлось «получить более приемлемую для правительства цифру общей численности населения» [4, с. 5]. Так, согласно данным переписи 1937 г. на территории БССР проживало 119 881 поляков [5, с. 77]. Однако по материалам переписи 1939 г. число лиц «польской национальности (с семьями)», проживающих на территории БССР, составляло 58380 человек, в том числе: городское население – 17952, сельское – 40428[3].

Национально-языковая политика[4] в отношении автохтонного населения территорий, входящих в состав современной Беларуси, до начала XX в. была ориентирована преимущественно на язык одной из этнических групп. Официальным языком в государстве, а также языком учреждений образования, культуры, прессы с 1772 г. и до 1917 г. являлся русский язык.

В результате революционных событий 1917 г. на землях, которые в данный момент практически полностью охватывают территорию современной Республики Беларусь, формировались сначала временные, а затем и постоянные государственные и административные единицы. Новая национально-языковая политика нашла свое отражение, в частности, в первой Конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии (1919 г.). Раскрыть значение новой национально-языковой политики на изменение места польского языка в социально-коммуникативной системе БССР в 1920 – начале 1930-х гг. – основная цель данной статьи. В связи с этим важнейшими задачами представляются такие, как определение правового статуса польского языка в рассматриваемый период, выявление функциональной дистрибуции идиомов, обслуживающих новое административное образование – БССР, а также общественные функции польского языка как одного из компонентов социально-коммуникативной системы. Основным методом, используемым для решения поставленных в данной работе задач, является метод социолингвистической интерпретации.

Вопросы, связанные с сосуществованием и развитием наций и языков на территории бывшей царской России, затрагивались в различных документах 1920–1930-х гг., в частности, в Декларации прав народов России, а также в первой Конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии (1919 г.), которая постулировала равные права всех граждан ССРБ, независимо

---

[1] Сохранены формулировки документа.

[2] Сохранены формулировки документа.

[3] Перепись проводилась в январе 1939 г. и, естественно, в ней нет данных о численности поляков в западных областях, вошедших в состав БССР осенью 1939 г.

[4] Под национально-языковой политикой, вслед за Н. Б. Мечковской, понимается «воздействие общества в многонациональном и/или многоязычном социуме на функциональные взаимоотношения между отдельными языками» [6, с. 117].

от их национальной или расовой принадлежности [7, с. 188–189]. В 1923 г. состоялась Всебелорусская конференция КП(б)Б по национальному вопросу. В материалах конференции называются родные языки населения БССР, на которых необходимо проводить культурно-просветительскую работу – белорусский, еврейский, русский и польский. Эти языки в дальнейшем стали языками культурно-просветительской деятельности государства среди наиболее многочисленных национальностей, проживавших на тот момент в республике: белорусов, евреев, русских и поляков. На этих языках был организован выпуск печатной продукции, школьное и высшее образование, театральная жизнь.

В первой половине 1920-х гг. одним из основополагающих документов в работе с национальностями, проживавшими в БССР, было постановление 2-й Сессии ЦИК Советов БССР VI созыва (1924 г.). Так, статья 108 «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» предусматривала как меры общего характера по реализации политики в области работы с национальными меньшинствами, так и мероприятия в сфере народного просвещения, затрагивая отдельные вопросы социального воспитания, политико-просветительской и издательской деятельности.

В связи с тем, что в эти годы основной курс был взят на белорусизацию в различных сферах (образование, наука, СМИ) Постановлением 2-й Сессии ЦИК устанавливались мероприятия и сроки перехода на белорусский язык, а также использование белорусского и русского языков в конкретных организациях и учреждениях БССР. Таким образом, постановление 2-й Сессии ЦИК Советов БССР VI созыва по вопросам национальной политики можно назвать своеобразным «законом о языках» того времени.

Данные мероприятия по работе с национальными меньшинствами БССР обеспечивались также и рядом подзаконных актов, например, Циркуляром Народного Комиссариата Внутренних Дел о практическом осуществлении на местах национальной политики (1926 г.). К таким документам относятся также «Инструкция Народного комиссариата Юстиции БССР об условиях принятия национальными участками Народного суда дел к своему производству» от 26 марта 1926 г.; Постановление Президиума ЦИК от 10 ноября 1927 г. «О работе национальных советов» и ряд других документов [3, с. 123–129].

Статус белорусского, еврейского, русского и польского языков был юридически закреплен в Конституции БССР 1927 г. Статья 23 Конституции гласила, что «опубликование важнейших законодательных актов производится на белорусском, еврейском, русском и польском языках» [7, с. 593]. Белорусский язык был определен как «язык, преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями», так как в БССР преобладало население белорусской национальности [7, с. 593]. Граждане БССР имели право свободно пользоваться родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни. Все четыре языка имели равные права в государственных и общественных учреждениях БССР, а национальным меньшинствам обеспечивалось право и реальная возможность обучения в школе на родном языке [7, с. 592–593]. То, что это право было реализовано национальностями, проживающими в БССР, подтверждается данными о функциональной нагрузке языков БССР в 1920–1930-е гг.

Функционирование языков в одной из наиболее важных социокультурных сфер – сфере образования – наглядно отражает характер языковой политики в указанный период.

Система школьного образования в Беларуси в эти годы имела свои особенности. Школы являлись двухступенчатыми. Первая ступень – семилетняя общеобразовательная школа (принимались дети с 8 до 12 лет), вторая – профессиональная школа, целью которой было подготовить переход к специальному образованию. За профшколой следовали техникумы и далее – вузы. Кроме того, существовали специальные типы семилетних школ: с 1922 г. работали агрономические школы в сельской местности, а с 1926 г. функционировали фабричные школы. Таким образом, акцент был сделан на получение профессионального образования.

В середине 1920-х гг. в БССР действовал целый ряд учреждений, таких, как Соцвос, Профобр, Политпросвет, в рамках которых функционировали различные типы образовательных учреждений – школы (четырехлетки, семилетки), детские сады и очаги, школы ликвидации неграмотно-

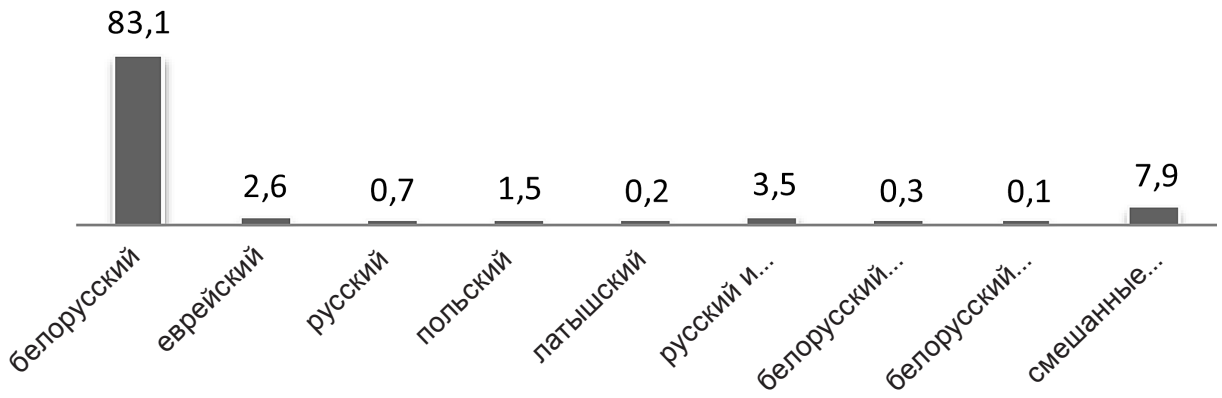

Рис. 1. Язык преподавания в школах-четырехлетках, %
Fig. 1. The language of teaching in four-year schools, %

сти и малограмотности, курсы для взрослых, клубы, избы-читальни, библиотеки и другие учреждения[1] [8, с. 38–49]. Эти организации вели работу на разных языках – белорусском, польском, еврейском, русском, латышском, литовском, украинском. В 1925–1926 гг. в школах доминирующим языком преподавания являлся белорусский (рис. 1).

В отдельных типах учреждений процентное соотношение используемых при работе языков могло изменяться. Например, из 1034 школ ликвидации неграмотности большинство составляли школы на русском языке преподавания – 42,6%; школы на белорусском языке преподавания составляли 36,2%, на еврейском – 2,9%, на польском – 0,6%. Действовали также школы ликвидации неграмотности на смешанных языках преподавания – 17,7%.

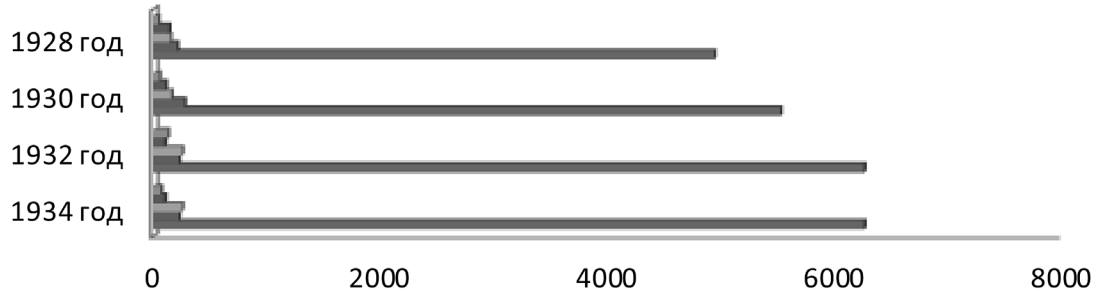
Основные типы школ с преподаванием на польском языке – это школы-четырехлетки и неполные школы-семилетки; по количеству они находились на третьем месте после белорусских и еврейских и составляли соответственно 1,5% и 3,1% от общего количества школ. Полные школы-семилетки на польском языке находились на четвертом месте после белорусских (40,8%), еврейских и русских (по 5,6%) школ и составляли 2,0% от общего количества школ. Наибольшее количество поляков охватывали школы-четырехлетки на польском языке преподавания – 3396 учащихся и полные семилетки – 1100 учащихся. Клубы и библиотеки, работающие на польском языке, посетило в 1925–1926 гг. 677 человек. Кроме того, поляки обучались в учреждениях на других языках преподавания: в 1925–1926 гг. учреждения, работающие как на польском, так и на других языках, посетило около 12999 поляков [8, с. 38–39].

К концу 1920-х гг. количество польских школ, которые находились в ведении Соцвоса, увеличилось. Это были в первую очередь школы I ступени, школы-семилетки и школы сельской молодежи [9, с. 46–62]. В 1927/28 учебном году наибольший процент среди школ с преподаванием на польском языке составляли школы I ступени (129 школ). В них обучалось 6159 человек. В целом в 1927/28 учебном году школы с преподаванием на польском языке занимали четвертое место после белорусских, еврейских и русских школ, действовавших на тот момент в БССР. Школы с преподаванием на польском языке I ступени составляли 2,5% от всех школ этого типа, школы-семилетки – 3,9%, школы сельской молодежи – 0,6%.

В конце 1920 – первой половине 1930-х гг. национальное образование в БССР продолжало развиваться. Данные по национальному образованию рассматриваемого периода показывают, что национально-языковая политика, проводимая в эти годы в сфере образования, предоставляла наиболее многочисленным национальностям республики возможность получения образования на родном языке (рис. 2).

Таким образом, с 1928 по 1934 г. количество польских школ увеличилось на 107, а за десятилетие (1924–1934 гг.) – на 153 школы. В период с 1928 по 1931 г. польские школы занимают третье

[1] Сохраняются формулировки, приводимые в статистических сборниках 1920-х гг.

	1934 год	1932 год	1930 год	1928 год
другие	64	127	51	40
русский	99	99	106	136
польский	252	252	156	145
еврейский	221	221	274	209
белорусский	6263	6263	5526	4941

Рис. 2. Язык преподавания в школах БССР

Fig. 2. The language of teaching in the schools of the BSSR

место после белорусских и еврейских. В 1932–1934 гг. (цифры, как следует из рис. 2, дублируются) польские школы занимают второе место после белорусских. В целом польские школы составляли в 1928 г. 2,7%, в 1930 г. – 2,6%, а в 1934 г. – 3,7% всех школ БССР [10, с. 158, 164].

Необходимо отметить, что период 1920 – первой половины 1930-х гг. явился очень важной вехой в развитии национального образования на территории Беларуси. Получение образования на родном языке после длительного отсутствия такового в дореволюционной России не только поднимало общий уровень грамотности среди населения, но и способствовало укреплению национального сознания.

В целях обеспечения школ необходимыми педагогическими кадрами в республике создавались педагогические техникумы и институты. В середине 1920-х гг. в Минске был открыт учительский институт национальных меньшинств, который работал до 1937 г. Кроме того, работали национальные отделения при Белорусском государственном университете, педагогических учительских институтах. До 1 января 1935 г. в БССР действовало 25 средних педагогических учреждений (техникумы), в том числе 21 – на белорусском языке обучения, 2 – на еврейском, 1 – на русском и 1 – на польском языках. Однако кадров, которые выпускались техникумами, было недостаточно для организации национального образования. Так, открытый в Минске в 1922 г. Польский педагогический техникум (срок обучения 4 года) обеспечивал школы кадрами только на 35–40% [11, с. 93] и в 1923 г. при техникуме были организованы двухлетние учительские курсы. Уже в 1926–1928 гг. курсы закончили 110 человек. Первым учреждением, связанным с высшим образованием на польском языке в Беларуси, был созданный в 1925 г. при Институте белорусской культуры в Минске Польский сектор, преобразованный в 1931 г. в Институт польской рабочей культуры. В 1932 г. при Институте была создана специальная комиссия, которая предприняла попытку реорганизации польской орфографии. Однако предложенные принципы новой орфографии так и остались только декларацией. С 1933 г. в Минске начал работу Польский педагогический институт. Кроме того, существовала кафедра польского языка при Белорусском государственном университете, а также польское отделение при Агропедагогическом институте в Гомеле и польское отделение в Могилевском политпросветтехникуме.

Помимо техникумов и вузов на польском языке существовал ряд учреждений на еврейском языке. В 1920-е гг. были организованы еврейские педагогические техникумы, еврейский сельскохозяйственный техникум, а также еврейские отделения и секции в техникумах и высших учеб-

ных заведениях: еврейское отделение на педагогическом факультете БГУ, еврейское отделение в Могилевском политпросветтехникуме, еврейское отделение в совпартшколе. В 1932 г. был создан Институт еврейской пролетарской культуры, который занимался исследованиями еврейской истории и культуры на территории Беларуси. В 1935 г. ряд национальных институтов объединили в Институт национальных меньшинств, который был ликвидирован в 1937 г. [12].

В *сфере массовой коммуникации* в указанный период также происходили значительные изменения. Следует отметить, что издания на польском языке выходили на территории Беларуси еще до революционных событий 1917 г. Самыми значимыми можно назвать издаваемые в Минске с 1915 г. информационно-политическую газету «Новый литовский курьер» (*Nowy Kurier Litewski*) и еженедельник «Погоня» (*Pogoń*). В 1917–1920 гг. издавались «Минский вестник» (*Dziennik Miński*) и «Деревня и усадьба» (*Wieś i Zaścianek*), газета «Правда» (*Prawda*) (первое социалистическое издание в Беларуси на польском языке), переименованная несколько позже в «Польскую правду» (*Polska prawda)*, «Флаг коммунизма» (*Sztandar komunizmu*), несколько военных журналов («Польский солдат» (*Żołnierz polski*), «Новости» (*Wiadomości*)) [13, с. 194–197; 14, s.132–137].

В 1918 г. начала выходить газета «Молот» (*Młot*), орган РСДРП. С марта 1921 г. по декабрь 1922 г. в «Молоте» раз в месяц выходит колонка для молодежи «Флаг молодежи» (*Sztandar młodzieży*). С 1922 по 1927 г. выходила молодежная газета «Звезда молодежи» (*Gwiazda młodzieży*). После ее закрытия детям было рекомендовано московское детское издание «Будь готов» (*Bądź gotów)*. Газета «Молот» просуществовала до 1926 г. и являлась единственной популярной ежедневной газетой на польском языке. В 1926 г. по решению Всебелорусского съезда крестьян-поляков газета «Молот» закрыта, а вместо нее начала выходить крестьянская «Пахота» (*Orka*). Цель газеты была объявлена в первом же номере: «расширять просвещение среди рабочего населения деревни» [15, s. 104]. С 1930 г. содержание газеты три раза в месяц транслировалось по радио в Минске, а с 1932 г. трансляция велась каждый второй день. Последний номер «Пахоты» датируется 18 января 1937 г.

При поддержке «Пахоты» в 1931 г. начала свое существование газета «Ударник Койдановщины», переименованная в 1932 г. после создания польской национальной автономии в «Ударник Дзержинщины» (*Szturmowiec Dzierżyńszczyzny*), органа РК КП(б)Б и Дзержинского райисполкома. Очевидно, газета «Ударник Дзержинщины» была ликвидирована одновременно с ликвидацией польской национальной автономии в 1937 г., т. к. сведения о ней отсутствуют в статистических сборниках за эти годы [16, с. 35]. Помимо польского газетная продукция была представлена и на других языках (рис. 3).

Как следует из рис. 3, наибольшее количество наименований имела газетная продукция на белорусском языке. Газеты, издаваемые на польском языке, в 1930-е гг. занимали четвертое место после издаваемых на белорусском, русском и еврейском языках.

Если издание газет на польском языке в 1920 – первой половине 1930-х гг. носило массовый характер, то журнальная продукция практически не была представлена. Среди общереспубли-

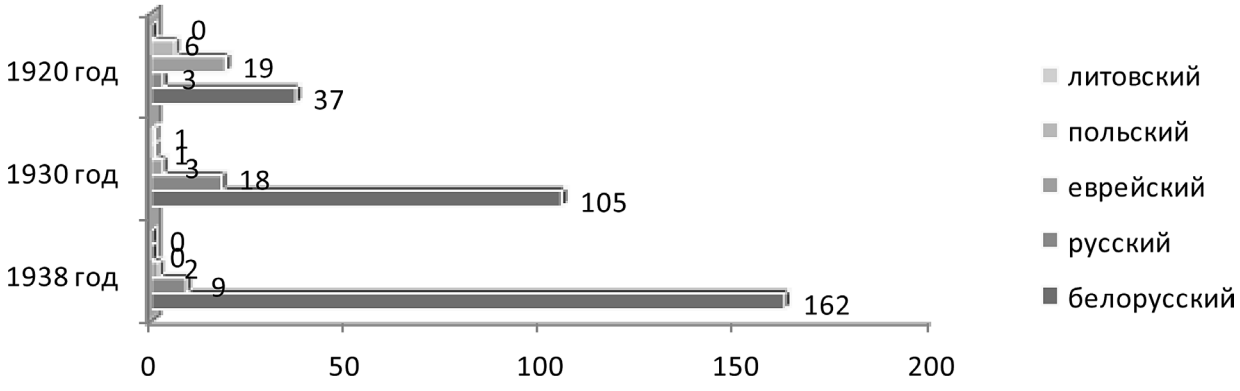

Рис. 3. Газетная продукция в БССР в 1920–1930 гг., количество единиц

Fig. 3. Newspaper production in the BSSR in 1920–1930 s, the number of units

канских журналов, периодически помещавших тексты на польском языке, можно отметить «Літаратуру і мастацтва», где польские тексты появлялись в 1932–1935 гг., а также журнал «Профессиональное движение Беларуси», который помещал тексты на четырех языках – белорусском, русском, польском и еврейском. В 1920–1930-е гг. осуществлялся выход журнальной продукции на других языках. Например, в 1933 г. на белорусском языке выходило 21 наименование журналов, на еврейском – 1, на белорусском и русском – 1. К концу 1930-х гг. количество журнальной продукции на белорусском языке сократилось до 14 наименований, на русском языке выходило 2 журнала, а на еврейском один [17].

Таким образом, польский язык в средствах массовой информации Беларуси функционировал непрерывно с 1918 по 1936 г. Периодическая печать на польском языке в 1920 – первой половине 1930-х гг. не являлась одной из самых массовых, однако она носила регулярный характер и обеспечивала нужды грамотного польскоязычного населения БССР.

В этот период на территории Беларуси работало издательство «Культура» и несколько филиалов центральных издательств, размещенных в Москве, например, подкомиссия Центральной издательской комиссии при Польском бюро ЦК ВКП(б) (1924 г., Минск). В Белорусском государственном издательстве выходили книги на языках наиболее многочисленных национальностей, проживавших на территории Беларуси (рис. 4).

Из рис. 4 следует, что на польском языке выходили наиболее массовые тиражи книжной продукции [18, с. 66–67]. По количеству печатных единиц продукция на польском языке занимала в первой половине 1930-х гг. четвертое место. В польскоязычной книжной продукции, издаваемой в первой половине 1930-х гг., превалируют переводы (до 60%). Оригинальных изданий немного в отличие, например, от белорусского, русского и еврейского языка, где им принадлежит от 50% и более.

Таким образом, в 1920-е – первой половине 1930-х гг. в сфере массовой коммуникации было представлено многоязычие, т. е. выходили периодические издания, книжная продукция как на языках, которые были закреплены в Конституции БССР 1927 г. как официальные языки, так и на языках других национальностей (литовском, латышском). Можно сказать, что печатная продукция в равной степени обеспечивала нужды наиболее многочисленных национальностей, проживавших на территории БССР.

Государственная языковая политика 1920 – начала 1930-х гг. обусловила активное функционирование языков национальных меньшинств и в *сфере культуры*, особенно в театральной жизни БССР. Польскоязычные театры внесли значимый вклад в театральный фонд республики.

В 1920–1930 гг. в СССР существовало три польских театра – в Москве, Киеве и Минске. Государственный польский театр Беларуси возник в 1926 г. Однако зарождение театральной

Рис. 4. Издание книжной продукции в БССР в 1920–1930 гг.

Fig. 4. Publishing of book production in the BSSR in 1920–1930 s

деятельности на польском языке относится еще к 1922 г., когда в Минске появился первый любительский драматический кружок. В 1925–1926 гг. в Минске Е. Багиньским был основан Молодежный театр малых форм. Через три года театр получил постоянную сцену, а в 1931 г. был преобразован в Польский странствующий театр с резиденцией в Минске. По некоторым данным, Польский странствующий театр просуществовал до 1937 г. [19, с. 394]. В 1929 г. в Минске была открыта Польская государственная театральная студия. В 1933–1934 гг. действовал колхозно-совхозный театр в Дзержинске. Однако отсутствие хорошего репертуара (в основном переводные пьесы) и подготовленных актеров постепенно привело к закрытию польских театров. Некоторые исследователи считают, что театры, а также школы, вузы, суды и другие образовательные, общественные и культурные учреждения, работавшие на польском языке, закончили свою деятельность в 1937–1938 гг., вскоре после ликвидации польской автономии [20, s. 71–72]. Вместе с тем на территории, присоединенной к советской Беларуси в 1939 г., был организован Государственный польский театр БССР, который работал сначала в Белостоке, а в 1940–1941 гг. в Гродно.

Кроме театральных кружков и театров на польском языке в БССР в 1920–1930-е гг. работали еврейские театральные организации. В сентябре 1920 г. при Белорусском драматическом театре была создана еврейская секция (труппа), которая в 1922 г. была приглашена в Петроград. В 1926 г. был показан первый спектакль Государственного еврейского театра БССР, или БЕЛГОСЕТа (так стали называть театр). В период 1929–1935 гг. под руководством режиссера Л. Литвинова был создан Передвижной еврейский театр, ездивший со спектаклями по всей республике. С уходом из этого коллектива главного режиссера труппа влилась в состав БЕЛГОСЕТа. Государственный еврейский театр БССР просуществовал до начала 1949 г.

Активное функционирование языков национальных меньшинств в *сфере делопроизводства* относится к концу 1920 – первой половине 1930-х гг. В это время в местах компактного проживания отдельных национальностей активно создавались национальные советы, целью которых являлось обеспечение прав национальных меньшинств. Так, постановлением Президиума ЦИК БССР от 24.09.1926 г. создано 5 латышских, 2 немецких, 9 польских, 2 русских, 5 еврейских национальных сельских и местечковых советов. Языками делопроизводства на их территории были преимущественно национальные языки.

В первой половине 1930-х гг. польский язык являлся официальным языком делопроизводства не только на территории польских советов, но и на территории Польского национального района им. Ф. Дзержинского. Эта автономная административно-территориальная единица была создана в 1932 г. В пределах автономии официальным языком являлся польский, который функционировал не только в школе, но и во всех официальных учреждениях. На территории автономии (ок. 1 тыс. км^2) действовало 17 сельских советов, 10 из которых были национальными польскими, 1 польско-еврейский и 6 белорусских [21, с. 547]. По некоторым сведениям, к 1932 г. в БССР работало уже 37 таких советов. Советы охватывали 19 % всех поляков Беларуси, в том числе от 23,7% до 26% (по разным сведениям) поляков, проживающих в сельской местности [20, s. 67]. В 1929 г. в Минске и Могилеве работали два народных польских суда. В 1937 г. был ликвидирован Польский национальный район им. Ф. Дзержинского, а польские национальные советы реорганизованы в белорусские.

Выводы. Национально-языковая политика, проводимая в БССР в 1920 – начале 1930-х гг., имела решающее влияние на изменение состава социально-коммуникативной системы Беларуси и функциональную дистрибуцию ее компонентов. Наличие юридического статуса обеспечило языкам наиболее многочисленных национальностей БССР расширение их коммуникативных функций. Функциональная дистрибуция официальных языков БССР – белорусского, еврейского, русского и польского – в основном отражает численные пропорции населения БССР по национальностям. Следовательно, если большинство населения республики составляли белорусы (80,6% согласно переписи 1926 г.), то первое место, например, в издательской деятельности (книжная продукция, СМИ) принадлежит изданиям на белорусском языке. Данный принцип дистрибуции языков имел место во всех основных сферах общения: культура, образование, массовая коммуникация.

Таким образом, фактический статус языков соответствовал их юридическому статусу, что позволило языкам основных национальностей, в том числе и польскому языку, функционировать в наиболее важных сферах общения. Общественные функции польского языка в рассматриваемый период значительно расширились. Так, кроме сферы религии и семейного общения, польский язык начал использовался в таких сферах общения, как образование, делопроизводство, средства массовой коммуникации, культура, что сделало его полноправным компонентом социально-коммуникативной системы БССР.

Список использованных источников

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Краткие общие сведения по империи / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899. – 167 с.

2. Статыстычны штогоднік, 1923–1924 = Статистический ежегодник / Цэнтр. стат. управа. – Мінск : ЦСУ БССР, 1925. – 423 с.

3. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике : к 10-й годовщине Октябрьской революции : в 2 ч. – Минск : Нац. Комис. ЦИК БССР, 1927–1928. – Ч. 2 : Работа среди национальных меньшинств в БССР : по материалам Нац. Комис. ЦИК БССР. – 1928. – 159 с.

4. Всесоюзная перепись населения 1939 г. : основ. итоги / Рос. акад. наук, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии [и др.] ; сост.: Ю. А. Поляков [и др.]. – М. : Наука, 1992. – 254 с.

5. Из архивов Госкомстата СССР: итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Вестн. статистики. – 1990. – № 7. – С. 65–79.

6. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для гуманитар. вузов и лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 206 с.

7. История Советской Конституции (в документах) 1917–1956 / [сост.: А. А. Липатов, Н. Т. Савенков] ; под ред. С. С. Студенкина. – М. : Госюриздат, 1957. – 1046 с.

8. Статыстычны штогоднік, 1925–1926 = Статистический ежегодник / Цэнтр. стат. кіраўн. – Мінск : ЦСУ БССР, 1928. – 527 с.

9. Статыстыка устаноў сацыяльнага выхавання / Цэнтр. стат. упр. Беларус. ССР. – [Б. м., 1928]. – 153 с.

10. Народное образование в БССР : сб. док. и материалов : в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР [и др.] ; сост. Э. Л. Козловская (отв. сост.) [и др.]. – Минск : Нар. асвета, 1980. – Т. 2 : 1928–1941 гг. – 461 с.

11. Сянькевіч, Г. Р. Дзейнасць Наркамасветы па ажыццяўленню нацыянальнай палітыкі народнай асветы / Г. Р. Сянькевіч // Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі, 1917–1945 / М. С. Крот [і інш.] ; пад рэд. Г. Р. Сянькевіч [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1993. – С. 72–95.

12. Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archives.gov.by/index.php?id=502347. – Дата доступа: 12.01.2018.

13. Газеты Беларусі, 1776–1975 : бібліягр. паказ. / Нац. кн. палата Беларусі ; склад.: Л. М. Няхайчык [і інш.] ; навук. рэд. В. У. Скалабан. – Мінск : НКП, 2003. – 316 с.

14. Slisz, A. Prasa polska na Białorusi przed 1921 r. / A. Slisz // Rocznik historii czasopiśmiennictwa polskiego. – 1966. – T.5, Z. 1. – S. 132–150.

15. Myśliński, J. Prasa w języku polskim na Białorusi Radzieckiej, 1921–1941: charakterystyka bibliograficzna i przegląd zawartości / J. Myśliński // Rocznik historii czasopiśmiennictwa polskiego. – 1972. – T. 11, Z. 1. – S. 97–116.

16. Перыядычны друк БССР у 1936–1937 гг. : сіст. паказ. часоп. і газ. / Дзярж. б-ка і Бібліягр. ін-т БССР, Беларус. кн. палата. – Менск : [б. в.], 1937. – 38 с.

17. Перыядычны друк БССР у 1938 гг. : сіст. паказ. часоп. і газ. / Дзярж. б-ка і Бібліягр. ін-т БССР, Беларус. кн. палата. – Мінск : [б. в.], 1940. – 20 с.

18. Размеркаванне кніжнай прадукцыі БССР за 1935 г. // Летапіс друку Беларус. ССР. – 1935. – № 12. – С. 66–86.

19. Карашчанка, І. Палякі / І. Карашчанка, А. Валаховіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1999. – Т. 5. – С. 393–395.

20. Iwanow, M. Główne kierunki rozwoju Polonii w ZSRR w okresie międzywojennym / M. Iwanow // Przegląd Polonijny. – 1988. – R. 14, № 3. – S. 61–72.

21. Валаховіч, А. І Польскі нацыянальны раён у БССР / А. І. Валаховіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1999. – Т. 5. – С. 547–548.

References

1. Troinitskii N. A. (ed.) *The First General Census of Population of the Russian Empire,1897. Brief general data about the empire.* St. Petersburg, Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1899. 167 p. (in Russian).

2. *Annual abstract of statistics 1923–1924*. Minsk, Central statistics department BSSR, 1925. 423 p. (in Belarusian).

3. *Practical solution of the national issue in the Byelorussian Socialist Soviet Republic: devoted to the 10th anniversary of the October Revolution. Part 2 : Work among national minorities in the BSSR: based on study of Minsk: Nat. Com. CEC BSSR*. Minsk, National Commission of the Central Executive Committee of the BSSR, 1928. 159 p. (in Russian).

4. Polyakov, J. A. [ed.], Zhiromskaya, V. B., Isupov, A. A., Kiselev, I. N. *All-Union Population Census, 1939 : the main results*. Moscow, Nauka Publ., 1992. 254 p. (in Russian).

5. From the archives of the City statistics committee of the USSR: results of the All-Union Population Census 1937. *Vestnik statistiki* [Statistics bulletin], 1990, no.7, pp. 65–79 (in Russian).

6. Mechkovskaya N. B. *Social linguistics: a manual for humanitarian higher educational establishments and lyceums*. Moscow, Aspect-Press Publ., 1996. 206 p. (in Russian).

7. Studenkin S. S. [ed.*] The history of the Soviet Constitution (in documents) 1917–1956*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 1046 p. (in Russian).

8. *Annual abstract of statistics. 1925–1926*. Minsk, Central statistics department BSSR, 1928. 527 p. (in Belarusian).

9. Central statistics department BSSR. *Statistics of Institutes of Social Education,* 1928. 153 p. (in Belarusian).

10. Kozlovskaya E. L. [resp. comp.], Vasilieva R. S., Vorobyova T. A., Nartysh-Bluk L. P., Shorokhov E. F., Zhihalov V. N., Kontsevaya A. I., Kuzniayev A. A. *Public Education in the Byelorussian SSR : Collection of doc. and materials. Vol. 2: 1928–1941.* Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1980. 461 p. (in Russian).

11. Syan'kevich G. R. The Activity of the People's Commissariat for implementing the national policy of public education. *Education and Pedagogical Science in Belarus, 1917–1945*. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1993, pp. 72–95 (in Belarusian).

12. *Documents on the history and culture of Jews in the archives of Belarus*. Available at: http://archives.gov.by/index.php?id=502347. (accessad 12 January 2018) (in Russian).

13. Nyakhaichyk L. M., Skalaban V. I. *Newspapers of Belarus, 1776–1975: bibliog. Display.*. Minsk, Belarus National Book Chamber, 2003. 316 p. (in Belarusian).

14. Slisz A. Prasa polska na Białorusi przed 1921 r. *Rocznik historii czasopiśmiennictwa polskiego,* 1966, vol. 5, no. 1, pp. 132–150 (in Polish).

15. Myśliński J. Prasa w języku polskim na Białorusi Radzieckiej, 1921–1941: charakterystyka bibliograficzna i przegląd zawartości. *Rocznik historii czasopiśmiennictwa polskiego*, 1972, vol. 11, no. 1, pp. 97–116 (in Polish).

16. National Library and BSSR Bibliographic Institute, Book Chamber of Belarus. *Periodical Press of BSSR in 1936–1937: systematic index of journals and newspapers*. Mensk, 1937. 38 p. (in Belarusian).

17. National Library and BSSR Bibliographic Institute, Book Chamber of Belarus. *Periodical Press of BSSR in 1938 : systematic index of journals and newspapers*. Minsk, 1940. 20 p. (in Belarusian).

18. Distribution of books in BSSR for 1935. *Letapis druku Belaruskai SSR* [Chronicle of the BSSR Press]*,* 1935, no. 12, pp. 66–68 (in Belarusian).

19. Karashchanka I. Poles. *Encyclopedia of History of Belarus. Vol. 5.* Minsk, Belaruskaya entsyklabedyya Publ., 1999, pp. 393–395 (in Belarusian).

20. Iwanow M. Główne kierunki rozwoju Polonii w ZSRR w okresie międzywojennym. Przegląd Polonijny, 1988, vol. 14, no. 3, pp. 61–72 (in Polish).

21. Valakhanovich A. I. Polish national district in the Byelorussian SSR. *Encyclopedia of history of Belarus Vol. 5.* Minsk, Belaruskaya entsyklabedyya Publ., 1999, pp. 547–548 (in Belarusian).

Информация об авторе

Раткевич Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Институт пограничной службы Республики Беларусь (ул. Славинского, 2, 220050, Минск, Республика Беларусь). E-mail: angelichm@gmail.com.

Information about the author

Maryna A. Ratkevich – Ph.D. (Philol.), Associate Professor Foreign Languages Department. Border Guard Service Institute of the Republic of Belarus (4, Slavinskogo Str., 220050, Minsk, Belarus). E-mail: angelichm@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 398.8(=8.26)+[784.4+781.7](476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-348-354

Паступіў у рэдакцыю 09. 01. 2018
Received 09. 01. 2018

Н. Г. Мазурына

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ПРАЯВЫ ВАРЫЯНТНАСЦІ Ў БЕЛАРУСКАЙ КАЛЯНДАРНА-АБРАДАВАЙ ТРАДЫЦЫІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ВЕСНАВОЙ ПЕСНІ “ВОЛ БУШУЕ – ВЯСНУ ЧУЕ”)

Аннотация. Статья посвящена изучению вариантности белорусских календарно-обрядовых песен на примере старинной и широко распространенной в Беларуси весенней песни “Вол бушуе – вясну чуе”. Проанализированы десятки напевов и текстов песен, записанных в разных местах Беларуси в конце XIX – начале XXI века. В современной фольклористике вариантность понимают как специфическую черту фольклора, которая проявляется в существовании произведений народного искусства в вариантах. Метод сопоставления вариантов стал одним из основных в процессе выявления особенностей и закономерностей бытования песенного фольклора в вариантах. В результате исследования выявлены факты существования вариантного множества белорусских народных весенних песен “Вол бушуе – вясну чуе”, различия местных стилей и традиций, а также ряд причин, воздействующих на возникновение песенных вариантов (место, время, форма бытования, возраст и индивидуальные способности исполнителей и др.). Богатый материал позволил сделать некоторые выводы о структурных и семантических закономерностях существования вариантов песен, характере метроритмических, мелодических типов, ладов, сюжетных вариантов. Вариантность как одна из первичных особенностей народного творчества в цикле белорусских обрядовых песен и непосредственно в весенних песнях имеет свои особенности. Своеобразие ритмики и мелодики придает песням пластичность, драматизм, прекрасно передает душевные состояния, которые художественно сочетаются с сюжетно-образной системой весенних песен-закличек.

Ключевые слова: белорусский фольклор, народная песня, вариант, вариантность, весенние песни, календарно-обрядовые песни

Для цитирования. Мазурына, Н. Г. Праявы варыянтнасці ў беларускай каляндарна-абрадавай традыцыі (на прыкладзе веснавой песні “Вол бушуе – вясну чуе”) / Н. Г. Мазурына // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 348–354. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-348-354

N. G. Mazuryna

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

MANIFESTATIONS OF VARIANCE IN THE BELARUSIAN CALENDAR AND RITUAL TRADITION (ON THE EXAMPLE OF THE SPRING SONG “VOL BUSHUE – VIASNU CHUYE”)

Abstract. The article is devoted to the study of the variation of the Belarusian calendar-ritual songs on the example of the ancient and widespread spring song “Vol bushye – viasnu chuye”. Dozens of tunes and lyrics of songs recorded in various places of Belarus at the end of the 19th and the beginning of the 21st century were analyzed. In modern folklore, variation is understood as a specific feature of folklore which manifests itself in the existence of works of folk art in variants. The method of comparing options has become one of the main ones in the process of revealing the features and patterns of the existence of song folklore in variants. As a result of the research, the facts of the existence of a variant set of Belarusian folk songs “Vol bushye – viasnu chuye”, differences of local styles and traditions, revealed a number of reasons that influence the occurrence of song variants (place, time, form of being, age and individual abilities of performer and other). The rich material made it possible to draw some conclusions about the structural and semantic laws of the existence of variations of songs, the nature of metrorhythmic, melodic types, modes, plot variants. Variation, as one of the primary features of folk art in the cycle of Belarusian ritual songs and directly in the spring songs has its own characteristics. The peculiarity of rhythmics and melodies give the songs plasticity, drama, perfectly convey the emotional states that artistically combine with the plot-shaped system of spring song-calls.

Keywords: Belarusian folklore, folk songs, variant, variation, spring songs, calendar-ritual songs

For citation. Mazuryna N. G. Manifestations of variance in the Belarusian calendar and ritual tradition (on the example of the spring song “Vol bushue – viasnu chuye”). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 348–354 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-348-354

© Мазурына Н. Г., 2018

Праявы варыянтнай прыроды твораў народнапесеннага мастацтва адрозніваюцца разнастайнасцю, уключаюць сінхронныя і дыяхронныя працэсы. Характар варыянтнасці ў значнай ступені залежыць ад функцыянальнай сферы (напрыклад, абрадавыя і пазаабрадавыя песні), у якой непасрэдна здзяйсняецца рэалізацыя эвалюцыйных працэсаў.

Для навуковага аналізу праяў варыянтнасці ў цыкле беларускага каляндарна-абрадавага песеннага фальклору з вялікага фонду матэрыялаў і запісаў былі выбраны песні дастаткова знакавыя, шырока вядомыя і паказальныя па шэрагу сваіх асаблівасцей. Гэта такія песні, варыянты якіх даюць уяўленне пра гістарычную і тэрытарыяльную распаўсюджанасць, заканамернасці існавання і трансфармацыі. Улічвалася таксама, якія з твораў былі прадстаўлены ў найбольшай колькасці варыянтаў.

Мэтай артыкула стала даследаванне варыянтнасці беларускіх каляндарна-абрадавых песень на прыкладзе старажытнай і шырока распаўсюджанай у Беларусі веснавой песні “Вол бушуе – вясну чуе”. Прааналізаваныя дзясяткі напеваў і тэкстаў песень, запісаных у розных месцах Беларусі ў канцы XIX – пачатку XXI стагоддзя.

Крыніцамі даследавання паслужылі зборнікі запісаў беларускіх народных песень, у тым ліку Е. Р. Раманава, З. Ф. Радчанкі, П. В. Шэйна, М. Федароўскага, Ф. М. Калесы, М. М. Чуркіна, Р. Р. Шырмы, Г. І. Цітовіча, З. Я. Мажэйкі, У. І. Раговіча, Т. Б. Варфаламеевай, зборнікі песень серыі “Беларуская народная творчасць”, “Беларускі фальклор у сучасных запісах” і інш. Былі прааналізаваны архіўныя матэрыялы ІМЭФ імя К. Крапівы НАН Беларусі, БДПУ імя М. Танка, БДУ. Падчас даследавання выкарыстаны метады гістарыяграфічнага, параўнальна-гістарычнага і структурна-тыпалагічнага аналізаў.

Звернемся да разгляду варыянтнасці веснавой песні “Вол бушуе – вясну чуе”, якая сярод сучасных беларускіх заклічак, разнастайных па змесце і эмацыянальных адценнях, вылучаецца параўнальна шырокім арэалам бытавання і ўстойлівасцю песеннай структуры. 72 варыянты песні фіксаваліся на працягу 146 год (з іх 32 – з напевамі):

– 59 варыянтаў песні прыводзяцца ў томе “Веснавыя песні” серыі “Беларуская народная творчасць” [5, с. 75–88];

– 9 запісаны У. І. Раговічам і ўбачылі свет у зборніках “Вянок беларускіх народных песень” [6, с. 48] і “Песні святочнага календара” трохтомніка “Песенны фальклор Палесся” [10, с. 21, 24–27, 31, 32, 47];

– адзін варыянт змешчаны ў зборніку “Песні Беларускага Падняпроўя” Т. Б. Варфаламеевай і З. Я. Мажэйкі [7, с. 58];

– адзін варыянт – у зборніку “Песні Беларускага Панямоння” Т. Б. Варфаламеевай [4, с. 32–33];

– адзін варыянт – у зборніку “Беларускі фальклор у сучасных запісах : Традыцыйныя жанры : Мінская вобласць” [3, с. 21–22];

– адзін варыянт – у зборніку “Беларускі фальклор у сучасных запісах : Традыцыйныя жанры : Гомельская вобласць” [2, с. 39].

Дзясяткі запісаў варыянтаў песні знаходзяцца ў фальклорных архівах ІМЭФ імя К. Крапівы НАН Беларусі, БДПУ імя М.Танка, БДУ, БДУКіМ. Але яны не былі ўлічаны пры напісанні дадзенага артыкула па прычынах абмежаванага аб’ёму публікацыі і адсутнасці свабоднага доступу чытачоў да архіўных матэрыялаў.

Вяснянкі “Вол бушуе – вясну чуе”, аднесеныя В. І. Ялатавым да песень клічнай функцыі, былі пашыраны на ўсёй тэрыторыі Беларусі, пераважна ў цэнтральных раёнах і на Брэсцкім Палессі [12, с. 50, карта 1]. Сюжэт дадзенай песні – чаканне-заклік вясны, моцны парыў ёй насустрач – адзін з галоўных у сюжэтна-тэматычным комплексе, што замацаваны за тыпавымі напевамі веснавога цыкла святочнага календара. Узнятым настроем і клічнымі інтанацыямі прасякнуты змест песенных вершаў. Ён сінкрэтычна абумовіў і характар напеваў, у якіх на аснове адпаведнага моўнага звароту ўзніклі ўзыходныя кварты, уздым ад субкварты да мажорнай ці мінорнай тэрцыі лада. Структура мелодый непарыўна і арганічна звязана з сэнсавымі часткамі, якія з’яўляюцца не толькі абагульненнем значных з’яў і падзей ва ўзаемазвязаных цыклах асабістага і каляндарна-касмічнага жыцця, але і ўяўляюць сабой светапогляднае, народна-філасофскае ядро песні.

Асноўны змест веснавых песень закладзены ў абагульненых тыпізаваных падзеях, жыццёвых эпізодах, мастацкіх сцэнках. У іх захаваны галоўны сэнс і лад песень, які захоўваецца ва ўсіх варыянтах і садзейнічае ўстойлівасці іх мастацкай формы і зместу на працягу ўсяго іх гістарычнага жыцця.

Устойлівыя паэтычныя формулы, праз якія перададзены тыпізаваны змест, абавязкова маюць варыянты свайго выяўлення. Ужо варыянты першых радкоў вяснянак выяўляюць уздзеянне моўных дыялектных асаблівасцей на эмацыянальна-вобразны лад песень. Параўнаем:

Вол бушуе – вясну чуе,
Вол бушуе – вясну чуе,
Воран крача – сыра хоча [5, с. 86].

Вол бушуе – вэсну ж чуе,
Гэй, гэй! Вэсну ж чуе! [10, с. 21].

Вул бушуе – высну чуе,*
Ворон крачэ – сыра хочэ [10, с. 24].

*Кожны радок паўтараецца.

Калі ў першым варыянце ў слове “вясну” гучыць адкрытае “а”, то ў другім “э” надае больш прыўзнятую эмацыянальную афарбоўку слова. А ў трэцім варыянце рытм галосных “у”, “ы”, “э” адразу стварае атмасферу таямнічага, магічнага, заклінальнага гукаўздзеяння. Да ўсяго гэтага выдатна далучаюцца сугестыўныя клікі “Гу!”. У артыкуле “Сінергетыка паэтычнага твора” даследчык Т. А. Аляшкевіч сцвярджае: “Вядома, што гукавыя спалучэнні, асобныя гукі ці гукакомплексы ў творах паэзіі ўяўляюць сабой не проста набор фанем са сваімі якасцямі, а выступаюць функцыянальнымі элементамі паэтычнага твора, узаемадзеянне якіх стварае фонасемантычны кантэкст, гукавобраз, асацыятыўнае поле, “надрадковы” сэнс (найперш гэта тычыцца гукаперайманняў). Шматфункцыянальная прырода гука (эуфанічная, сімвалічная, эмфатычная (лагічнае вылучэнне слова ў тэксце), філасофска-эксплікацыйная (вытлумачальная) функцыянуе ў паэтычным тэксце па законах сінергетыкі” [1, с. 93]. Такім чынам, уздзеянне сукупнасці слоў у спалучэнні з музычна-гукавой плыняй песні значна перавышае суму значэнняў слоў тэксту песні і перадае цэлы комплекс інфармацыі. У каляндарна-абрадавых песнях ён набывае маштаб чалавека-касмічнага абагульнення: кожная асоба становіцца цэнтрам сусвету, яго пульсуючай спеўнай крыніцай.

Далейшае развіццё сюжэта песень можа ісці па розных кірунках. Гэта і размова з валом, якая суправаджаецца маляўнічым апісаннем усіх даброт, што прыносіць вясна (“травіца шаўковая”, “вадзіца крынічная”). Такія варыянты часта пачынаюцца “набатным” паведамленнем [10, с. 24]:

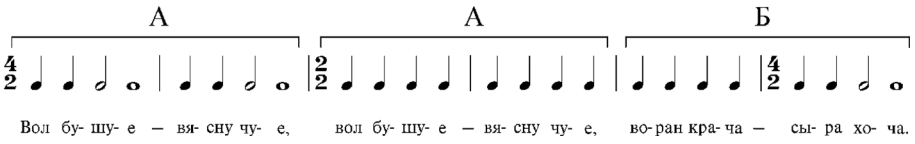
Шумыть-гудэ – высна ідэ,
Шчасце й радость людям нысэ.
В нэбі пісня зазвыніла,
Вжэ й птушына прылэтіла.
Вол бушуе – высну чуе… (і г. д.).

У другіх варыянтах праводзяцца, разгортваюцца паралелі – веснавыя жаданні герояў сялянскага жыцця: вала, барана, куркі, дзеўкі, старога [5, с. 76; 12, с. 13]. Найбольш улюбёным ходам (ён сустракаецца ў пераважнай колькасці варыянтаў) з’яўляецца форма параўнання жаданняў, будучыні трох жывых істот: вала (бугая) – ворана (куркі) – дзеўкі. Часам да яго далучаецца матыў смерці [5, с. 81–82, 88–89] як філасофскі напамін. Увогуле, матывы няшчасцяў, якія могуць чакаць дзяўчыну, выразна адцяняюць агульны прыўзнята-аптымістычны настрой веснавых заклічак і ў некаторых выпадках зместава распрацаваныя. Так, дзяўчыну непакоіць лёс дзіцяці [5, с. 84], замужам за жаўнерам яе можа чакаць адзінота і жабрацтва [5, с. 83–84]. У варыянце з Асіповіцкага р-на [5, с. 81] спевакамі таленавіта намалявана сватанне “зяця-землямера” да пахаванай дзеўкі.

Такім чынам, абагульнены песенны сюжэт вяснянак “Вол бушуе – вясну чуе” мае некалькі варыянтаў разгортвання сюжэтнай лініі, кожная з якіх валодае фондам варыянтаў кампазіцыйных прыёмаў, вербальнага зместу, лексікі і паэтыкі. У выніку тыповасці таго, што адлюстроўваецца ў дадзенай групе веснавых заклічак, варыятыўнасць носіць даволі абмежаваны характар: шматлікія варыянты пры ўсёй сваёй разнастайнасці не змаглі далёка адхіліцца ад іх асноўнага зместу.

Варыянтнасць рэалізуецца як у вербальным, так і ў музычным кампанентах твораў адной фальклорнай песеннай парадыгмы, а таксама ў іх спалучэнні.

Аналіз паказвае, што найбольш пашыраным (14 варыянтаў) у сённяшняй народнапесеннай традыцыі відам гэтай вяснянкі з’яўляецца песенная страфа наступнай будовы: рытмаструктуры верша (4+4)3 адпавядае вершастрафа формы ААБ і меластрафа АБВ з устойлівай метрарытмічнай формулай напеву (мал. 1).

Мал. 1. Форма песеннай страфы
Fig. 1. The form of song verses

Такі рытмаструктурны касцяк мае разнастайнае варыянтнае напаўненне з лада-інтанацыйнага боку, што выяўляецца пры параўнанні варыянтаў тыпу па вертыкалі (мал. 2): *а* – [6, с. 48], *б* – [5, с. 86], *в* – [5, с. 83], *г* – [5, с. 86], *д* – [5, с. 88], *е* – [4, с. 32–33].

Варыянты вяснянак зведзены да адной танальнасці, у некаторых напевах аўтарам зроблена тактаметрычная рэдакцыя напеваў.

Мал. 2. Варыянты песні “Вол бушуе – вясну чуе”
Fig. 2. Song options “Vol bushye – viasnu chuye”

Мал. 3. Інварыянт песні “Вол бушуе – вясну чуе”
Fig. 3. Song invariant “Vol bushye – viasnu chuye”

Вар’іраванне меладычнай рытмікі адбываецца за кошт разнастайных распеваў (апяванняў, злучэнняў, замаху, падаўжэння аднаго гука, што таксама натуецца і ферматай). Утварэнне варыянтаў напеву праходзіць у межах тэтрахорда мажорнага ці мінорнага нахілення з субквартай. Хуткасць руху песень неаднолькавая – ад спакойнага да ўмеранага тэмпу – і залежыць ад эмацыянальнага тонусу, стылю і дыялектных спеўных традыцый.

На мал. 2, *а* і 2, *е* маленькімі нотамі пазначаны варыянты распеву другой страфы песні – меластрафічныя варыянты. Яны ўзнікаюць у выніку разгортвання варыянтнай формы развіцця народнай песні. Тэматычна значныя пабудовы (строфы), якія ідуць адна за другой, – варыянты, што ўтвараюць варыянтны ланцуг і ўспрымаюцца як аднародныя. Пры ўспрыманні варыянтных форм у слухачоў узнікае ўстаноўка на адносную стабільнасць прапорцыі тоеснасці і розніцы ў працэсе разгортвання твора. Менавіта такое разуменне вынікае і з тэорыі варыянтнай формы, якая даследавалася ў працах Б. У. Асаф’ева, В. П. Баброўскага, Л. А. Мазэля, Б. П. Сасноўцава, В. А. Цукермана і іншых музыказнаўцаў.

Як паказвае вопыт фальклярыстаў, у працэсе выканання песні спявак у кожнай новай страфе стварае ўсё новы варыянт напеву, які адпавядае агульным характарыстыкам напеву-тыпу і мог бы быць самастойнай песняй-варыянтам (і ствараць свой ланцуг строф-варыянтаў). Каб зрабіць гэта больш відавочным, звядзем усе 6 варыянтаў да складарытмічнага і лада-інтанацыйнага інварыянта (мал. 3).

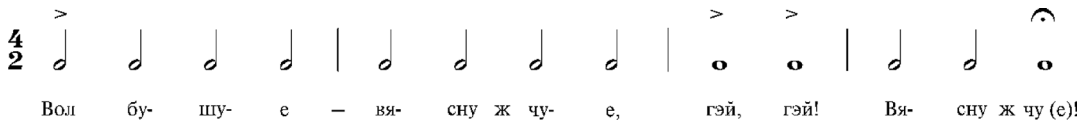
Дзве-чатыры ноты, якія прыпадаюць на адзін склад, паказваюць, што менавіта з іх ідзе падсвядомы выбар падчас выканання-стварэння кожнага варыянта песні ці яе страфы. Таму можна зрабіць вывад, што ў межах аднаго песеннага тыпу мелатыпавая варыянтнасць (на ўзроўні песень-варыянтаў) і меластрафічная варыянтнасць (варыянты напеву ад страфы да страфы ў межах адной песні) супадаюць. Гэты тэзіс распаўсюджваецца на ўсе беларускія народныя песні абрадавага цыкла.

Нюансы-адрозненні ва ўвасабленні дадзенага рытмаструктурнага тыпу паказваюць папярэднія стадыі развіцця тыпу і шляхі яго эвалюцыі. Так, напрыклад, варыянт песні “Вол бушуе – вясну чуе” ў запісе Р. Р. Шырмы (мал. 2, *д*) характарызуецца меншым зацягваннем апошніх складоў у першым і другім тактах (у апошнім такце яно згладжваецца ферматай). Гэта бліжэйшая папярэдняя форма-структура тыпу, што разглядаецца. У іншым варыянце (мал 2, *б*) азначаная рытаформула развіваецца шляхам паўтору часткі Б і страфа набывае 4-часткавую форму ААББ. Гэта ўжо бліжэйшая наступная прыступка ў развіцці тыпу.

Такім чынам, кожны варыянт нясе ў сябе магчымасці далейшага развіцця песеннай формы, а пры супастаўленні варыянтаў найбольш яскрава праяўляюцца шляхі эвалюцыі. Такое становіцца магчымым дзякуючы полістадыяльнасці фальклору – важнейшай яго асаблівасці, якая заключаецца ў адначасовым бытаванні ў любую гістарычную эпоху твораў розных папярэдніх стадый развіцця народнай творчасці, што было адзначана ў працах І. І. Зямцоўскага і іншых фальклярыстаў.

Самай простай формай вяснянкі “Вол бушуе – вясну чуе” з’яўляецца двухрадковая страфа АА з ужо ўстойлівай рытмаструктурай абодвух вершаў (4+4) [5, с. 79–80]. Яе развіццё ідзе ў некалькіх напрамках, адзін з якіх – удасканаленне і драматызацыя на базе гэтай формы праз увядзенне “Ге-е-е” [5, с. 79], “Гэй, гэй!”. Выдатным узорам велічнага і магутнага закліку з’яўляецца варыянт з Пінскага р-на [10, с. 21] (мал. 4), рытмаформула якога карэнным чынам адрозніваецца ад прыведзенага на мал. 1.

“Вобразная тыпізацыя”, якая пачала актыўна фарміравацца ўжо ў нетрах “жанравай тыпізацыі”, таксама паўплывала на развіццё страфы формы АА. Так, напрыклад, у другім варыянце з Брэсцкага Палесся [10, с. 24] выразна адчуваецца кантраснае супастаўленне дзвюх частак – носьбітаў мужчынскага і жаночага пачаткаў (мал. 5).

Мал. 4. Рытмаформула песні “Вол бушуе – вясну чуе” з в. Камень Пінскага раёна
Fig. 4. Rhythmic song formula “Vol bushye – viasnu chuye” from the village Kamień Pinsk district

Мал. 5. Рытмаформула песні “Вол бушуе – вясну чуе” з в. Ганчары Пінскага раёна
Fig. 5. Rhythmic song formula “Vol bushye – viasnu chuye” from the village Hanchary Pinsk district

Кантраст закладзены і ў рытміцы (энергічная, напорыстая 1-я частка і працяглая, лірычная – 2-я), і ў больш высокім дыяпазоне “жаночай” часткі, і ў характары падачы гука, у дынаміцы адценнях выканання песні.

Другі напрамак развіцця вяснянкі – ад формы АБ да ААБ і ААББ праз шэраг пераходных тыпаў. Прычым, як заўважае В. І. Ялатаў, у напрамку ад адной да другой структуры ідзе паступовае фарміраванне характэрнай рытмічнай формулы спачатку ў кадэнцыйных раздзелах [5, с. 76], а потым па ўсёй форме [5, с. 80]. Менавіта гэта асаблівасць у комплексе з васьміскладовай рытмаструктурай верша (4+4) стала тыпалагічным паказальнікам, на аснове якога заклічкі “Вол бушуе – вясну чуе” З. Я. Мажэйка аднесла да 2-га тыпу веснавых напеваў [9, с. 98]. Такую ж рытмаструктуру маюць заклічкі “Вясна, вясна на калочку” [5, с. 89–92], “За лугамі, за водамі” [9, с. 186], што распаўсюджаны ў тых жа раёнах.

Безумоўна, у кожнай мясцовасці існуюць лакальныя, дыялектныя перавагі тых ці іншых тыпавых напеваў вяснянак, усё багацце і разнастайнасць якіх не можа быць зведзена да аднаго тыпу. Эвалюцыя веснавых песень, развіццё варыянтаў як і твораў усіх жанраў фальклору, адбываецца паралельна, шматузроўнева, рознанакіравана. Таму аналіз зафіксаваных варыянтаў “адной песні” ілюструе нам розныя рытмаформулы песенных строф (мал. 1, 4, 5), якія могуць нават кардынальна адрознівацца ад вышэйадзначанага тыпу, як і ў варыянце запісу М. М. Чуркіна [5, с. 88]. Праз два дзясяткі гадоў быў зроблены запіс літаральна таго ж напеву толькі з іншым тэкстам [10, с. 48], незвычайная, выключнай цікавасці пяцідольная рытмасхема якога такім чынам была праверана і пацверджана (мал. 6).

У сучаснай фальклярыстыцы варыянтнасць разумеюць як спецыфічную рысу фальклору, якая праяўляецца ў існаванні твораў народнага мастацтва ў варыянтах. Праблема варыянтнасці ў вуснай традыцыі адрозніваецца асаблівай шматмернасцю і складанасцю, яна можа быць арыентавана на вырашэнне важнейшых пытанняў фальклярыстыкі самага рознага профілю, і перш за ўсё праблем станаўлення, эвалюцыі і трансфармацыі вусных народных твораў. Метад даследавання і супастаўлення варыянтаў непазбежны для вывучэння амаль усіх пытанняў фальклярыстыкі, шырэй – народнай культуры. Дарэчы, неабходна адзначыць, што ва ўсіх тамах грунтоўнага шматтомнага акадэмічнага выдання “Беларуская народная творчасць”, што пачынае выходзіць з 1970 г., у каментарыях адзначаюцца ўсе выяўленыя даследчыкамі-складальнікамі варыянты (да некалькіх дзясяткаў), у асобных выпадках прыводзяцца адрозненні; некаторыя песні збору падаюцца ў варыянтах.

Такім чынам, у выніку даследавання былі выяўлены факты існавання варыянтнага мноства беларускіх народных веснавых песень “Вол бушуе – вясну чуе”, адрозненні мясцовых стыляў і традыцый, выяўлены шэраг прычын, што ўздзейнічаюць на ўзнікненне песенных варыянтаў (месца,

Мал. 6. Рытмаформула песні “Вол бушуе – вясну чуе” з в. Каляніца Мінскай вобласці
Fig. 6. Rhythmic song formula “Vol bushye – viasnu chuye” from the village Kalianitsa Minsk region

час, форма існавання, узрост і індывідуальныя здольнасці выканаўцаў і інш.). Багаты матэрыял дазволіў зрабіць некаторыя высновы аб структурных і семантычных заканамернасцях існавання варыянтаў песень, аб характары метрарытмічных, меладычных тыпаў, ладоў, сюжэтных варыянтаў. Варыянтнасць як адна з першасных асаблівасцей народнай творчасці ў цыкле беларускіх каляндарна-абрадавых песень і непасрэдна ў веснавых песнях мае свае асаблівасці. Характэрнасць рытмікі і мелодыкі надае песням пластычнасць, драматызм, выдатна перадае душэўныя станы, якія памастацку спалучаюцца з устойлівай сюжэтна-вобразнай сістэмай веснавых песень-заклічак.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Аляшкевіч, Т. А. Сінергетыка паэтычнага твора / Т. А. Аляшкевіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2014. – № 4. – С. 91–94.

2. Беларускі фальклор у сучасных запісах : Традыц. жанры: Гомел. вобл. / уклад. В. А. Захарава [і інш.]; уклад. муз. часткі У. І. Раговіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.

3. Беларускі фальклор у сучасных запісах : Традыц. жанры : Мінск. вобл. / уклад. В. Д. Ліцвінка; уклад. муз. часткі Г. Р. Кутырова. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 477 с.

4. Варфаламеева, Т. Б. Песні Беларускага Панямоння / Т. Б. Варфаламеева; Нац. акад. навук Беларусі. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 287 с.

5. Веснавыя песні: Беларуская народная творчасць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 608 с.

6. Вянок беларускіх народных песень / запіс У. Раговіча. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 432 с.

7. Варфаламеева, Т. Б. Песні Беларускага Падняпроўя / Т. Б. Варфаламеева, З. Я. Мажэйка; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 392 с.

8. Земцовский, И. И. Песня как исторический феномен / И. И. Земцовский // Народная песня : Проблемы изучения : сб. науч. тр. – Л. : ЛГИТМИК, 1983. – С. 4–21.

9. Можейко, З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии : Опыт систем.-типол. исслед. / З. Я. Можейко. – Минск : Наука и техника, 1985. – 247 с.

10. Раговіч, У. І. Песенны фальклор Палесся: у 3 т. / У. І. Раговіч. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2001–2002. – Т. 1 : Песні святочнага календара. – 2001. – 528 с.

11. Чуркін, М. М. Беларускія народныя песні і танцы / М. М. Чуркін. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1949. – 192 с.

12. Ялатаў, В. І. Музыка беларускіх веснавых песень / В. І. Ялатаў // Веснавыя песні: Беларуская народная творчасць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – С. 36–72.

References

1. Alyashkevich T. A. Sinergetyka poetic work. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanitarian Sciences*, 2014, no.4, pp. 91–94 (in Belarusian).

2. Zacharava V. A., Rahovich U. I. (compilers) *Belarusian folklore in contemporary records: tradition. genres: Gomel. region*. Minsk, Universitetskae Publ., 1989. 384 p. (in Belarusian).

3. Litsvinka V. D., Kutyrova G. R. (compilers) *Belarusian folklore in contemporary records: tradition. genres: Minsk. region*. Minsk, Universitetskae Publ., 1995. 477 p. (in Belarusian).

4. Varfalameeva T. B. *Song Belarusian Ponemon*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 1998. 287 p. (in Belarusian).

5. Belorussian Academy of Sciences, Institute of Arts, Ethnography i folklore. *Spring songs: Belarusian folk art*. Minsk, Navuka i technika Publ., 1979. 608 p. (in Belarusian).

6. Rahovich U. I. *Crown of Belarusian folk songs*. Minsk, Navuka i technika Publ., 1988. 432 p. (in Belarusian).

7. Varfolomeeva T. B., Mazheika Z. Ya. *Song Belarusian Dnieper.* Minsk, Navuka i technika Publ., 1999. 392 p. (in Belarusian).

8. Zemtsovskii I. I. The Song as a Historical Phenomenon. *Narodnaya pesnya : Problemy izucheniya : sb. nauch. trudov* [Folk Song: Problems of Study. Collection]. Leningrad, LGITMIK Publ., 1983, pp. 4–21 (in Russian).

9. Mazheika Z. Ya. *Calendar-song culture of Belarus: The experience of systems.-tipol. study.* Minsk, Navuka i technika Publ., 1985. 247 p. (in Belarusian).

10. Ragovitch U. I. *Songs Falclor Palessia. Vol.. 1: Songs of the Sacred Calendar.* Minsk, Chatyry chvertsi Publ., 2001. 528 p. (in Belarusian).

11. Churkin M. M. *Belarusian folk songs i dance*. Minsk, State Publishing House of the BSSR, 1949. 192 p. (in Belarusian).

12. Yalatau V. I. Music of the Belarus Spring Song. *Spring Song: Belarusian Folk Art.* Minsk, Navuka i technika Publ., 1979, pp. 36–72 (in Belarusian).

Информация об авторе

Мазурина Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mazurynang@tut.by.

Information about the author

Natalya G. Mazuryna – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mazurynang@tut.by.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3’09-1’82.0
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-355-365

Паступіў у рэдакцыю 27.03.2018
Received 27.03 2018

С. У. Калядка

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

СЮЖЭТ, ФАБУЛА, КАМПАЗІЦЫЯ Ў ЭМАТЫЎНЫМ ТЭКСЦЕ ПАЭЗІІ

Аннотация. Делаются попытки вписать эмоцию в структуру произведения, а именно рассмотреть ее функционирование на уровне фабулы, композиции, сюжета. Утверждается положение, что эмоция – это средство моделирования сюжета. Поэтическое произведение состоит из эмоциональных рядов, каждый из которых имеет свою доминирующую эмоцию. Движение этих эмоций образует композицию сюжета. Обосновывается тезис, что эмоциональные ряды, объединенные общей эмоцией, становятся выразителями определенной эмотемы, которые в совокупности предопределяют развертывание фабулы. Эмоции входят в поэтический текст, определяют его эмоциональность и становятся материалом (материей) для фабульного выявления эмотем. Отмечается, что Максиму Танку более характерны фабулярные произведения, где присутствует мини-история, в которой сюжетные части (эмотемы) соединены причинно-следственной связью, а Евгения Янищиц избегает строгой нормированности структуры стиха, отдавая предпочтение власти эмоций и чувств.

Ключевые слова: эмотив, эмотивность, эмотема, фабула, сюжет, композиция, поэтическое произведение, поэзия Максима Танка, поэзия Евгении Янищиц

Для цитирования. Калядка, С. У. Сюжэт, фабула, кампазіцыя ў эматыўным тэксце паэзіі / С. У. Калядка // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 355–365. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-355-365

S. V. Kolyadko

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PLOT, STORY, COMPOSITION IN THE EMOTIVE TEXT OF POETRY

Abstract. In the article there is an attempt to enter emotion in the structure of work, namely to look at its action at the level of plot and composition. It becomes firmly established that an emotion is just the way to create a plot. The poetic work consists of emotional events, each of which has its own dominant emotion. Motion of these emotions forms composition of a plot. A thesis is grounded that emotional events, incorporated by a general emotion, express certain emotive topics that predetermine as a whole the development of a plot. Emotions are a part of poetic text, emotions determine its emotionality and serve as material for revealing of the emotions in a plot. It is noted that Maksim Tank gives preference to his anecdotal works where a little story is present and where elements of plot – emotive topics – are linked by a cause-and-effect relationship. But Yauheniya Yanishchyts avoids a strict efficiency of verse structure, she prefers to leave emotions and feelings free.

Keywords: emotive, emotivity, emotive topic, plot, composition, poetic work, poetry of Maxim Tank and Yauheniya Yanishchyts

For citation. Kolyadko S. V. Plot, story, composition in the emotive text of poetry. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol.63, no. 3, pp. 355–365 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-355-365

Тэкст – гэта асобны свет у нашым вялікім свеце, у гэтым палажэнні адлюстравана пэўная ізаляванасць тэксту, з аднаго боку, і ўключанасць у надтэкставую рэальнасць, якая аб’ядноўвае ўсё з усім – з другога. М. Ю. Лотман разглядае мастацтва як “асаблівым чынам арганізаваную

© Калядка С. У., 2018

мову, а твор мастацтва – як тэкст, напісаны на гэтай мове, мяркуючы, што паколькі свядомасць чалавека ёсць свядомасць моўная, то ўсе віды надбудаваных над свядомасцю мадэлей, і мастацтва ў тым ліку, могуць быць вызначаны як другасныя мадэлюючыя сістэмы" [1, с. 22]. Не будзем устанаўліваць першаснасць/другаснасць мовы ў дачыненні да аўтарскай задумы, бо, зразумела, лінгвісты будуць адстойваць пункт гледжання, што чалавек разважае з дапамогай мовы, на мове, а значыць, у любым выпадку мова пакіне за сабой лідарства ў стварэнні мастацкага тэксту. Нам важна, што М. Ю. Лотман назваў мастацкі твор своеасаблівай мадэллю, сістэмай, прадуктам працы свядомасці пісьменніка, у якой усе кампаненты знаходзяцца ў пэўных адносінах падпарадкавання адна адной і ўсе разам працуюць на рэалізацыю творчай задумы. Мастацкі твор унікальны тым, што ў кожнага аўтара задзейнічаны дзве методыкі: агульнапрынятая/агульназразумелая і ўласная, індывідуальна-аўтарская методыка яго стварэння. Індывідуальна-аўтарскае самавыяўленне ў тэксце ў такім выпадку не падпадае пад стандартныя механізмы аналізу, а прадвызначае "стварэнне" заканамернасцей рэалізацыі аўтарскага светабачання ў тэксце. Інакш кажучы, сам аўтарскі тэкст правакуе стварэнне метадалогіі даследавання літаратуразнаўчай тэорыі эмоцыі.

У мастацкім тэксце добра ўжываюцца/не ўжываюцца адлюстраванне аб'ектыўнага свету і аўтарскі вымысел. Як заўважыў Ю. Лотман, "мастацкі тэкст – гэта складана пабудаваны сэнс, усе яго элементы сэнсавыя" [1, с. 24]. У значнай ступені яго азначэнне тычыцца і паэзіі, дзе ў вершаваным тэксце размяшчэнне ўсіх элементаў, нават калі яно знешне алагічнае, падпадае пад пэўную сэнсавую і канцэптуальную выверанасць. У выдатным вершы ніколі не знойдзеце лішняга элемента ці элемента, які заняў не сваю пазіцыю. А таму мова мастацкага тэксту – гэта асаблівая знакавая сістэма, адзіная і адначасова адрозная ў розных пісьменнікаў. І. У. Арнольд лічыць, што мастацкі тэкст валодае "ідэйна-мастацкім адзінствам, ён служыць для перадачы па каналу мастацкай літаратуры прадметна-лагічнай, эстэтычнай, вобразнай, эмацыянальнай і ацэначнай інфармацыі" [2, с. 38]. Аднак уся гэта інфармацыя павінна працаваць на найбольш поўную, усебаковую рэалізацыю творчай задумы, якая ў кожнага аўтара знаходзіцца ў прамой залежнасці ад стану актыўнага эмацыянальнага пошуку ўнікальных знаходак – гэта і ёсць адна з задач развіцця літаратуры.

Даследаванне спосабаў і прыёмаў рэпрэзентацыі эмоцый у тэксце будзе тады мець вынікі, калі дзеянне эмоцыі будзе разгледжана як на ўзроўні зместу, так і формы твора, тыпалогіі літаратурнага суб'екта і мастацкага часу і мастацкай прасторы. Эматыўнасць – катэгорыя, якая апасродкавана такімі катэгорыямі мастацкага зместу і формы, як фабула, сюжэт і кампазіцыя, якія маюць непасрэдную сувязь са спосабамі раскрыцця эмоцыі. Безумоўна, аб'ектам разгляду павінны быць вершы сюжэтныя, з выражанай кампазіцыяй і суадноснасцю частак (да іх у большай ступені маюць дачыненне балады, аднак можна гаварыць і пра іншыя жанры). І такіх у беларускай літаратуры напісана нямала, каб сцвярджаць, што наш падыход з'яўляецца рэпрэзентатыўным у дачыненні да вялікага масіву мастацкай спадчыны. У тэарэтычнай працы англійскіх даследчыкаў сустрэнем наступнае кароткае, лаканічнае вызначэнне фабулы: "Fabula: (also referred to as 'story' or 'histoire') the events of a narrative"[1] [3, с. 291]. Прастата азначэння пры гэтым актуалізуе пытанне пра суадносіны фабулы і сюжэта. Паняцце сюжэта імі расшыфроўваецца наступным чынам: "Sjuzhet: (Russian 'plot') term used by the Russian formalist critics and borrowed by certain narratologists to denote the way in which a story is told, its 'discourse' or telling, as opposed to the events of the narrative, the fabula or story"[2] [3, с. 296]. Гэтыя азначэнні цалкам карэлююць з класічным тэарэтычным падзелам фабулы і сюжэта Б. В. Тамашэўскага, праведзенага ім яшчэ ў 1925 годзе ў выданні "Тэорыя літаратуры. Паэтыка". Засноўваючыся на азначэнні тэарэтыка і літаратуразнаўцы, што "сукупнасць падзей у іх узаемнай ўнутранай сувязі назавём фабулай. Фабула – матэрыял для сюжэтнага афармлення. <…> Фабулярнае развіццё можна ў агульным характарызаваць як пераход ад адной сітуацыі да іншай, прычым кожная сітуацыя характарызуецца супярэчнасцю інтарэсаў –

[1] Фабула (таксама называецца «гісторыяй») – падзеі апавядання.

[2] Сюжэт (руская транскрыпцыя) – тэрмін, які выкарыстоўваецца расійскімі фармалісцкімі крытыкамі і запазычаны некаторымі наратолагамі, каб пазначыць шлях, якім распавядаецца гісторыя, яе «дыскурс» або, у адрозненне ад падзей апавядання, фабула ці гісторыя.

калізіяй" [4, с. 119, 120], на які спасылаюцца і сучасныя тэарэтыкі літаратуры як на тэзісы, максімальна раскрыўшыя сутнасць паняццяў, вызначым, якія эмоцыі і іх канфігурацыі ўваходзяць у фабулу, сюжэт і кампазіцыю, прадвызначаючы эматыўнасць тэксту.

Некалі Ю. Лотман заўважыў, што мастацкі тэкст "шматразова закадзіраваны" [1, с. 69–70]. На здольнасці элемента тэксту ўваходзіць у некалькі кантэкстных структур і атрымліваць рознае значэнне (Ю. Лотман) будуецца не толькі яго сувязь з канструкцыяй твора, але і глыбінная сутнасць мастацкасці. Калі гаварыць пра сюжэт паэтычнага твора, то тут важна ўлічыць, што сюжэт складаецца з канструктыўна арганізаваных рознымі спосабамі эпізодаў, якія Б. В. Тамашэўскі назваў сітуацыямі. Гэтыя эпізоды (сітуацыі) валодаюць рознай ступенню акцэнтнасці ці напружання, у выяўленні якіх немалая роля належыць паэтычнай эмоцыі. Канструкцыя з сюжэтных эпізодаў (сітуацый) не толькі не павінна мець абавязковай прывязкі да пэўнай схемы, але і не павінна ўтрымліваць усе абавязковыя кампаненты класічнай арыстоцелеўскай класіфікацыі сюжэта. Сучасная паэзія і сучасныя аўтары адышлі ад абавязковасці як галоўнага патрабавання літаратуры сацрэалізму і карыстаюцца свабодай выбару ў выпрацоўцы ўласных крытэрыяў мастацкасці.

Безумоўна, пры ўсім ідэальным жаданні аўтара ў кожным творы надаць зместу новую/пераўтвораную форму, усё ж выяўляюцца з творчасці і вылучаюцца аднолькавыя падыходы і спосабы рэалізацыі творчай задумы ў формах паўтаральных, узнаўляльных, якія, у выніку, становяцца візітнай карткай творцы. Да прыкладу, у Максіма Танка даволі распаўсюджаны прыём падачы мастацкай інфармацыі праз сутыкненне процілегласцей, праз барацьбу светлага з цёмным, ён часта выкарыстоўвае прыём недагаворанасці, адкрытага фіналу, а перадача сэнсу адбываецца праз дыхатамічны канфлікт рэальнага/жаданага, рэальнага/уяўнага, магчымага/немагчымага і г. д. Гэтыя прыёмы кладуцца ў аснову пабудовы сюжэта паэтычнага твора і прадвызначаюць рух думкі ўслед за жыццём у новыя творчыя вымярэнні.

Наратолагі (Р. Барт, Ж. Жанэт, М. Баль, В. Шмід, Дж. Прынс, С. Чэтман, Я. Лінтвельт і інш.), адштурхнуўшыся ад структурнай паэтыкі сюжэтаскладання, развівалі гэты напрамак пад уздзеяннем камунікатыўных і рэцэптыўна-эстэтычных ідэй, імкнучыся пераадолець структуралісцкае ўяўленне аб замкнёнасці і аўтаномнасці літаратурнага тэксту і зрушыць акцэнт на тыя ўзроўні функцыянавання тэксту, дзе выразней за ўсё праяўляецца яго дыскурсіўны характар. Наратолагі выявілі і тэарэтычна абгрунтавалі іерархію апавядальных інстанцый і ўзроўняў, вызначылі спецыфіку адносін паміж апавяданнем, расповедам і гісторыяй. У наратолагаў мы "пазычым" метад іерархізацыі лірычных інстанцый і ўзроўняў, падпарадкаваных уздеянню розных эмоцый [5, с. 167].

Структурная лінгвістыка (Э. Бэнвеніст, Ц. Тодараў, К. Брэман і інш.) замест паняццяў «фабула» і «сюжэт» увяла паняцці «гісторыя» і «дыскурс», якія ўсё ж набылі свае азначэнні, шырэйшыя за першапачатковыя. Сапраўды, на гэта звяртаў увагу і літаратуразнаўца Б. В. Тамашэўскі, адзначаючы, што "фабульныя матывы рэдкія ў лірычнай паэзіі. Значна часцей фігуруюць статычныя матывы, якія разгортваюцца ў эмацыянальныя рады. Калі ў вершы гаворыцца пра якія-небудзь дзеянні, учынкі героя, падзеі, то матыў гэтага дзеяння не ўплятаецца ў прычынна-часавы ланцуг і пазбаўлены фабульнай напружанасці, якая патрабуе фабульнага вырашэння. Дзеянні і падзеі фігуруюць у лірыцы гэтак жа, як з'явы прыроды, не ствараючы фабульнай сітуацыі" [4, с. 152]. Прадмет нашага вывучэння – эмацыянальныя рады ў сістэме паэтычных сюжэтаў, якія ўсё ж маюць сваю фабулу і фабульнае напружанне, абумоўленае зменай эмоцый (аднак павінны адзначыць, што ў беларускай паэзіі дастаткова вершаў, у якіх выяўляюцца статычныя сюжэты, звязаныя з раскрыццём адной эмоцыі).

Вяртаючыся да палажэнняў структурнага аналізу літаратурнага твора, мы засяродзімся на выяўленні ўнутраных заканамернасцей пабудовы верша, на працэсе фарміравання сэнсаў пад уздзеяннем эмоцыі. Калі ў празаічным творы ў аснову сюжэта кладзецца прынцып сашчэплівання падзей, якія рухаюцца ў пэўным парадку, то ў вершаваным творы значную ролю набываюць сувязі паміж сэнсава-эмацыянальнымі часткамі твора, у якіх адбываецца свой унутраны рух, што ўздзейнічае на ідэйна-тэматычнае раскрыццё твора. У аснове любой сюжэтнай пабудовы павінна быць праекцыя на выражэнне скразной ідэі, якая цэментуе часткі. Арыентацыя на цэласнасць верша як мастацкага арганізма прымушае нас гаварыць у многіх выпадках і пра непадзельнасць

структуры на часткі, абумоўленую логіка-інтанацыйным адзінствам. Г. М. Паспелаў, Б. О. Корман, М. М. Гіршман надаюць цэласнасці паэтычнага твора катэгарыяльнае значэнне, вызначаюць яе ў якасці крытэрыю мастацкасці і звязваюць з гэтым паняццем усведамленне глыбокай прыроды мастацтва [6–8]. У сваю чаргу А. Разанаў, паэт-літаратуразнавец, даў наступнае мастацкае азначэнне цэласнасці твора: «Верш вынікае з таямніцы – яна разгортвае яго, як разгортваюцца будынкі па плане дойліда, як разгортваюцца дрэвы па плане прыроды: усе прахоны, нарошчванні паверхаў і галін абумоўліваюцца ёю. Яна сама разгортваецца ў вершы, выяўляецца ў ім, становіцца ў ім відавочнай.

Той, хто спрабуе зразумець верш па-за вершам, выявіць таямніцу рассякаючы, увасабляе шарж – крытыка з сякерай.

Сутнасць верша не “ядро арэха”, а ўвесь арэх» [9, с. 190].

У мастацкіх развагах А. Разанава аб цэласнасці (“увесь арэх”) фігуруе асноўная ідэя, на якой грунтуюцца многія палажэнні нашага даследавання, – аб наяўнасці таямніцы, гэтага эмацыянальнага згустка ў стане аўтара, эмацыянальнага зараду ці энергіі, што папярэднічае, а затым і прадвызначае пераход гэтай віртуальнай энергіі ў энергію пісьма, наступнае разгортванне віртуальнай задумы ў візуальны тэкст, падпарадкаваныя ўнутраным аўтарскім інтэнцыям і законам канфігурацыі яго складнікаў. Гэта тэза аб цэласнасці паэтычнага твора ў многіх вершах беларускіх паэтаў звязана з мона- і паліфаніяй эмацыянальнага гучання. У адных вершах, да прыкладу, будзе панаваць “аднародная” эмацыянальная танальнасць з адначасовасцю выкладання тэмы, ці няяўна выражаным хранатопам, у іншых – сугучча розных эмоцый са зменай тэм без унутранай прычыннай абумоўленасці і г. д. Гэты аспект прадугледжвае іх упарадкаванне ў межах паэтычнага цэлага ў адпаведнасці са скразной ідэяй, размяшчэнне ў адпаведным парадку (напрыклад, з пазіцый згушчэння, інтэнсіфікацыі выяўлення эмоцыі ці, наадварот, яе паслаблення, звядзення да “нуля” ці “мінуса” па шкале эмацыянальнага напружання).

Сама структура твора са сваімі фабулай, сюжэтам і кампазіцыяй суадносіцца намі з двума пластамі – павярхоўны пласт, ці прадмет выказвання, які паддаецца пэўнаму традыцыйнаму раскладанню на часткі і тлумачыцца з пазіцый агульнапрынятых законаў сюжэтапабудовы, і другі пласт – глыбінная структура твора, у якой паслядоўнасць і пераразмеркаванне частак адбываецца за кошт спосабаў выяўлення эмоцый у статыцы і дынаміцы і мае дачыненне да фабулы. Гэта не значыць, што два названыя пласты існуюць ізалявана і з’яўляюцца самастойнымі структурамі. Паміж імі адбываюцца працэсы, якія можна абазначыць з пазіцый паняццяў інтэрыярызацыя, інтэрсекцыя, сінергетыка і іншых, з дапамогай якіх тлумачацца спосабы ўзаемадзеяння знешняга і ўнутранага. Як адзначаў Е. Фарына, «падзел на свет і выяўленчыя сродкі (мова) правамерны толькі ў выглядзе даследчай абстракцыі, толькі ў выглядзе своеасаблівага даведніка па мастацкім творы, які падказвае, як чытаць і як выяўляць сістэмныя рэляцыі, дзе і як шукаць глыбінныя катэгорыі мадэлявання, глыбінны “змест”» [10, с. 75]. Мы не можам сцвярджаць, што глыбінную структуру твора складае толькі рух эмоцый, гэта вельмі спрошчаны падыход да аналізу паэтычнага твора. Але ў якасці даследчай абстракцыі паспрабуем разглядзець гэтыя працэсы як “структурааргані зуючыя” і ўплывовыя на іншыя пераўтварэнні ў тэксце на ўзроўні яго фабулы і сюжэта.

Ю. М. Лотман лічыў, што лірычныя сюжэты – гэта жыццёвыя сітуацыі, якія пераведзены на мову займеннікаў натуральнай мовы. І дадаваў: “Даўно ўжо было, аднак, адзначана, што паміж жыццёвымі сітуацыямі і “лірычнымі сітуацыямі” паэтычнага тэксту размяшчаецца пэўная “кадуючая” сістэма, якая вызначае тое, як тыя ці іншыя з’явы са свету рэальнасці пераламляюцца ў канструкцыі тэксту” [11, с. 59]. Мы лічым, што адной з сістэм кодаў з’яўляюцца эмоцыі. *Сюжэт і кампазіцыю як катэгорыі мастацкай формы мы адносім да канструктаў, у якіх эмоцыя выконвае функцыю “мадэлюючага” сродку, а таксама сюжэтастваральнага механізма.* Больш за тое, эмоцыі не толькі ўздзейнічаюць на разгортванне эматэм(ы) (мікратэмы ўнутры верша, звязаныя з пэўнымі эмоцыямі), але і на іх размеркаванне ўнутры цэласнага арганізма верша. У паэтычным творы сюжэт складаецца з эматэм як сістэмы кодаў, якая фіксуе рух падзей, пачуццяў, перажыванняў, падпарадкаваных уздзеянню эмоцый. А таму ў нашым даследаванні мы такія **сюжэты** называем **эматыўнымі** і іх разгалінаванне можна ўстанавіць па прыкмеце *аднаструк-*

турны/шматструктурны, што дапаможа вызначыць як *першасныя/другасныя* іх значэнні, так і *структурныя наслаенні*.

Яшчэ ў 1894 годзе была напісана праца Б. Крочэ "Эстэтыка як навука аб выражэнні і як агульная лінгвістыка", у якой ён пад зместам разумеў матэрыю як неапрацаваную эстэтычна эмацыянальнасць ці ўяўленні, а пад формай – духоўную актыўнасць, інтуіцыю, выражэнне. З яго пункта гледжання, змест становіцца эстэтычным пасля пераўтварэння яго з дапамогай інтуіцыі. Безумоўна, у яго тэзах з пазіцый сучаснага развіцця гуманітарных навук недастаткова лагічна і аргументавана праведзены падзел паміж зместам і формай, аднак нас зацікавіў той момант, што эмацыянальнасці і ўяўленням аўтара ён надаваў сэнсаўтваральныя функцыі, што ў сваю чаргу суадносіцца з палажэннямі нашай літаратуразнаўчай канцэпцыі эмоцыі. Калі абагульніць тэарэтычныя падыходы Б. Крочэ і Б. В. Тамашэўскага і палажэнні нашай канцэпцыі, то мы атрымаем наступны тэзіс: эмоцыі ўваходзяць у паэтычны тэкст, вызначаючы яго эмацыянальнасць і становячыся матэрыялам (матэрыяй) для фабульнага выяўлення эматэм. Пры гэтым улічваем, што спецыфіка будовы паэтычнага твора не ў прычынна-выніковым счапленні падзей, а ў *разгортванні эматэмы (эматэм) як эмацыянальна-сэнсавых вузлоў скразной ідэі, у выразным нагнятанні/"аслабленні" эмацыянальных настрояў*. Е. Фарына папярэджваў, што "прайграваць свет пры дапамозе закончанага сюжэта і строгай арганізаванасці – даваць яго скажоную карціну" [10, с. 119]. Ён клапаціўся пра тое, каб не звесці цэласнасць твора да яго крытычнага перараскладання і дэкадзіравання, перавёўшы таямнічасць зместу ў завершаную схему і канструкцыю. Аднак гэта праца па вызначэнні структуры верша, якую ўсё ж неабходна праводзіць для разумення сутнасці твора, можа для вучонага заставацца даследчай абстракцыяй. Яго выказванне не тычыцца з'явы *недыферэнцыраванасці паэтычнай экспрэсіі*, калі цяжка ўстанавіць суаднесенасць эмацыянальных праяў стану аўтара/лірычнага героя з пэўнай, канкрэтнай, характэрнай эмоцыяй, вылучыць з мноства эмацыянальную дамінанту ці вызначыць дакладна ўсе іх узаемапераходы. Гэта праблема ў першую чаргу тычыцца вершаў з мноствам эматэм і эматыўных кодаў іх прачытання. Правядзенне цэласнага аналізу дазваляе нам разгледзець тэматычную сувязь паміж эматэмамі ў той паслядоўнасці, у якой яны пададзены ў творы (з захаваннем закону прычынна-выніковай абумоўленасці частак і без яго захавання, на апасродкаванай сувязі з'яў), якая кладзецца ў аснову размежавання фабулы і сюжэта.

Звернемся да верша Максіма Танка "Пасля аварыі", напісанага ў 1987 годзе:

Аварыя ў Чарнобылі…
І хоць знаю,
Што ўтаймавалі
Атамнага джына,
Што жыццё ёсць жыццё,
Толькі цяпер мне заўсёды
Ачмуральная музыка,
Розныя фестывальныя вар'яцтвы
І застольныя тосты
Здаюцца адгалоскамі болю
У часе чумы,
А травы,
Лісты на дрэвах
І вандроўныя аблокі –
Сцягамі жалобы,
Што зацямняюць вочы,
Атуляюць сэрца,
Засланяюць сонца [12, с. 74–75].

Асаблівасць кампазіцыі вершаў Максіма Танка ў апошніх зборніках падпарадкуецца яго даверлівай споведзі, напісанай у форме верлібра, у якой нязмушаная гісторыя з уласнага жыцця (падзейнага, вонкавага і душэўнага, унутранага) падаецца лёгка, нібы з дыялогу з лепшым сябрам. У вершы захоўваецца натуральны парадак сінтаксічных адзінак, падпарадкаваны натуральнай маўленчай інтанацыі. Гэта прадвызначае размеркаванне слоўнага матэрыялу на плошчы моўнага выражэння, свабоднае ад жорсткай рыфмаметрычнай кампазіцыі, з рознай даўжынёй радкоў

і колькасцю радкоў у строфах (а то і адсутнасцю строф). Сугуччам радкоў кіруюць рытм і гукавыя працэсы. У размяшчэнні частак, устанаўленні іх паслядоўнасці аўтар давярае натхненню, падпарадкаванаму прыроднаму і выпрацаванаму гадамі творчасці пачуццю гармоніі. У дачыненні да верша "Пасля аварыі" мы можам ужо па знешнім выглядзе твора гаварыць пра наяўнасць усіх вышэйназваных кампанентаў, адпаведных яго верлібру. Кампазіцыя літаратурных твораў цесна звязана з жанрам, метрычнай сістэмай, сюжэтам. І ў дачыненні да верлібраў Максіма Танка, у кожным з якіх мы выявім міні-гісторыю, больш правільна будзе прымяненне паняцця *кампазіцыя сюжэта* – наяўнасць паслядоўнасці ў тэматычным разгортванні ідэі. Пры гэтым пабудова цэлага з частак відавочна ўжо пры прачытанні і не патрабуецца дадатковых намаганняў дзеля іх вылучэння (мы не маем на ўвазе вершы кароткія, якія могуць складацца з адной-дзвюх строф з адзінай лініяй раскрыцця ідэі твора, у якіх не адбываецца руху і змен – адсутнічае падзейнасць). З аднаго боку, вызначаючы кампазіцыю сюжэта, мы ўстанаўліваем суразмернасць сюжэтных частак у адпаведнай заканамернасці, характэрнай для канкрэтнага твора пэўнага аўтара. З другога боку, улічваем рода-відавы фактар паэтычнай творчасці, у якой сюжэтныя вершы не ёсць самамэта.

У вершы "Пасля аварыі" мы вылучым чатыры структурныя часткі, якія складаюць кампазіцыю сюжэта верша і якія вызначаюцца ўласнымі эмацыянальнымі настроямі, адпаведнымі некалькім эматэмам. Патлумачым чаму. Першы сказ са шматкроп'ем акрэслівае прадмет паэтычнай размовы, выступаючы своеасаблівым *актантам* [1]. Аўтар не проста абазначае праблемнае поле, ён канстатуе гэту тэму ў якасці факта кагніцыі ("і хоць я знаю…"). Адна тэма – Чарнобыльская аварыя як падзея нашага жыцця ва ўсведамленні аўтара – праходзіць праз увесь тэкст, утвараючы *канцэнтрычны сюжэт*. У гаворцы пра аварыю паэт не засноўваецца на канкрэтыцы, яму важна асэнсаваць паварот у новым існаванні, абумоўленым наступствамі выбуху. Прычым у сваім зборніку "Збор калосся", куды ўвайшоў аналізуемы верш, побач знаходзіцца яшчэ адзін "Сем раз адмер…", у якім узнімаецца тэма ўслаўлення чарнобыльскіх герояў і называецца прычына агульначалавечага гора: "Дараваць не можам, / Што нехта там забыўся / Сем раз адмераць і праверыць / Кожную дэталь". Гэтыя два вершы ўтвараюць сэнсавае адзінства, таму што ў другім вершы "Пасля аварыі" Максім Танк нібы адштурхоўваецца ад канцоўкі папярэдняга твора як апрыёрнага палажэння, вынесенага за межы структуры наступнага твора, развіваючы філасофскія развагі: "Каб наш зямны каўчэг / Не пад жалобным ветразем / У будучыню / Плыў" [12, с. 73–74]. Калі ў вершы "Сем раз адмер…" Максім Танк выступае ў ролі абвінаваўцы, то ў вершы "Пасля аварыі" гэта ўжо філосаф-нігіліст, які не бачыць будучыні для сябе ў атручанай атмасферы існавання.

У яго вершы ўвод матываў апраўдваецца эмацыянальным разгортваннем названай тэмы. Сюжэт твора нібы сканцэнтраваны вакол эвалюцыі адмоўных эмоцый, звязаных з *субстанцыяльным канфліктам* – канфліктам, які адлюстроўвае сутнаснае, быційнае, асноўнае. А жыццё ў забруджаным свеце – гэта новая рэальнасць, якая павінна быць пераасэнсавана, для яе трэба новыя каардынаты і ўпісаць сябе ў іх як неад'емную частку гэтай рэальнасці. У адпаведнасці з нашымі высновамі, другой часткай верша мы назавём: "І хоць знаю, / Што ўтаймавалі / Атамнага джына, / Што жыццё ёсць жыццё…", – у якой эмоцыю нейтралізуе аўтарская развага, аднак эмацыянальнасць не зводзіцца да нуля, таму што ў поле эмацыянальнага напружання "трапляе" ўстойлівы выраз "жыццё ёсць жыццё", якім аўтар рэтушуе негатыўны сэнс абазначанай тэмы. Такім чынам, у фабулу верша ўваходзіць першая эматэма – утаймаванне "атамнага джына", у якой ключавым словам у сюжэтнай канве становіцца дзеяслоў "утаймавалі" з працэсуальным значэннем "суцішыць, уціхамірыць, заспакоіць" і набывае эмацыянальную зараджанасць пад уздзеяннем кантэксту выказвання.

Другая эмацыянальная частка верша, ці эматэма, выяўляецца ў радках: "Толькі цяпер мне заўсёды / Ачмуральная музыка, / Розныя фестывальныя вар'яцтвы / І застольныя тосты / Здаюцца адгалоскамі балю / У часе чумы…" У ёй фабульным вузлом паўстае вобраз "балю ў часе чумы", які нясе на сабе асноўную эмацыянальна-сэнсавую нагрузку, выступаючы эмацыянальнай дамінантай у радзе "ачмуральная – вар'яцтвы – балю ў часе чумы". Звычайна дамінанта задае тон выказванню, у Максіма Танка яна з'яўляецца ў канцы лінейнага рада з узрастаннем эмацыяналь-

[1] У літаратуразнаўстве *актант* – стымул разгортвання падзей, якія складаюць сюжэт.

нага напружання. У названым радзе адлюстраваны эмацыянальны рух у працэсе разгортвання сюжэта. Мы адчуваем эмацыянальнае ўзрушэнне ў стылі пісьма Максіма Танка ў яго шасці радках з эмацыянальна зараджанай лексікай з негатыўнай канатацыяй. Ужыванне назоўнікаў *вар'яцтвы, тосты, адгалоскамі* ў множным ліку сведчыць пра ўніверсалізацыю пастаўленай праблемы, што пераводзіць увесь сюжэт на больш абстрактны і больш аб'ектываваны сэнсавы ўзровень. Паэт нібы пераступіў з прыступкі кагнітыўнага ўзроўню асэнсавання з'явы на ўзровень эмацыянальнай ацэнкі. У гэтай частцы эмоцыі аўтара звязаны з прадметным светам, з побытам чалавека. Усё тое, што выклікала раней задавальненне і радасць, пераўтвараецца ў сваю процілегласць пад уздзеяннем змененых абставін жыцця.

Другая і трэцяя эмацыянальныя часткі, ці эматэмы, звязаны пераходам з узроўню побытава-экзістэнцыяльнага на ўзровень антрапалагічнага ўзаемадзеяння чалавека і прыроды: "А травы, / Лісты на дрэвах / І вандроўныя аблокі – / Сцягамі жалобы, / Што зацямняюць вочы, / Атуляюць сэрца, / Засланяюць сонца". Рух сюжэта адбываецца за кошт змены "кантрастуючых" эмацыянальна-вобразных плыняў: з аднаго боку – сфера бытавання чалавека з яго захапленнямі і інтарэсамі, з другога – сфера прыроднага, быційнага існавання. Фабульным вузлавым момантам трэцяй эматэмы можна назваць метафарычны вобраз "сцягамі жалобы", які, набываючы дадатковыя эмацыянальныя канатацыі шкадавання, суму, паўстае ў ролі эматыва. У гэтай сюжэтнай частцы выяўляецца найбольшы градус эмацыянальнасці аўтара, якая прадвызначае з'яўленне эмацыянальна-экспрэсіўнай кульмінацыі. Прамая фабульная паслядоўнасць у раскрыцці эмоцый, звязаная з эмацыянальна-сэнсавай напружанасцю аўтарскага выказвання, выводзіць нас на ідэйна-эмацыянальнае асэнсаванне і тлумачэнне рэальных фактаў жыцця для Максіма Танка. Ярка выражаная суб'ектнасць аўтара ў ацэнцы новай рэальнасці быцця з прыроднымі катаклізмамі (таму і называе паэт травы, лісты, дрэвы, аблокі ахвярамі аварыі, не ўжываючы гэтага наймення) усё ж прыводзіць нас да пэўных абагульненняў, якія маюць тыпалагічны характар: за асобай аўтара бачацца сотні-тысячы людзей з падобнымі адносінамі да гэтага нечаканага і недарэчнага факта нашага жыцця, які і па сённяшні дзень вершыць сваю знішчальную працу. Максіму Танку не спатрэбіліся гучныя лозунгі для выказвання сваёй пазіцыі, гэтага ён дасягае за кошт нагнятання эмацыянальна-пачуццёвых радоў, у межах якіх вар'іруюцца вобразы з рознымі канататыўнымі адценнямі адной агульнай эмоцыі – жалобы ў розных формах іх мадэлявання. Апошнія тры радкі, пададзеныя ў градацыі эмацыянальнага шкадавання, паўстаюць акордамі асаблівага эмацыянальнага хвалявання – аўтар, нібы адасобіўшыся ад усяго сусвету, паглыбляецца ў сябе, каб аддацца пачуццю спаўна, усёй душой, і ўсведамляе, што ранейшае бесклапотнае існаванне без атруты Чарнобыля па-за зацемненымі вачамі, заслоненым сонцам і па-за назаўсёды атуленым няшчасцем сэрцам.

Такім чынам, Максім Танк не выходзіць за межы прамога сюжэтнага нанізвання фабульных эматэм і гэтым трымае чытача ў эмацыянальным напружанні, якое нарастае ад адной часткі да другой, і сюжэт-гісторыя душэўнага перажывання набывае эматыўныя рэалізацыі ў кульмінацыі твора. Кампазіцыя сюжэта ўключае як кананічныя, традыцыйныя, трафарэтныя прыёмы ў сюжэтапабудове (кшталту агульнай структуры верша, руху эмоцыі па лініі ўзрастання яе градуса, нагнятанне лексікі з эмацыянальна зараджаным значэннем), так і свабодныя, індывідуальна-аўтарскія прыёмы (пашырэнне валентнасці вобразаў, якія пераўтвараюцца ў эматывы, тыпізацыя суб'ектыўных перажыванняў).

В. І. Шахоўскі разглядае эматыўнасць як камунікатыўную катэгорыю [13]. Адштурхоўваючыся ад вызначэння В. І. Шахоўскага, можна адзначыць, што з дапамогай эматываў аўтар можа як канстатаваць стан думак, перажыванняў, пачуццяў праз мастацкае слова (факт камунікацыі), так і ствараць новыя намінацыі-эматывы, якія будуць успрымацца як індывідуальна-аўтарскія неалагізмы (факт намінацыі). У паэтычным творы намінацыі ў першую чаргу звязаны з паняццем эматыва – вобразнага сродку з эмацыянальным полем значэння слова. Актуальным і сэнсавызначальным у экзістэнцыі паэзіі з'яўляецца фактар нараджэння новых значэнняў, якія маюць непасрэдную сувязь з паэтычнай эмоцыяй. Пад эматыўнасцю мастацкага тэксту ў нашым даследаванні разумеецца адна з базавых яго ўласцівасцей фіксаваць аўтарскія эмоцыі і адпаведна ўздзейнічаць на эмоцыі чытача, што актуалізуецца з дапамогай эматываў (эматыўна зараджаных тэкставых кампанентаў / нейтральных, але здольных выступіць у якасці эматыва ў пэўным кантэксце ці пад-

тэксце, што перадаюць аўтарскія эмацыянальныя інтэнцыі і ўздзейнічаюць на мадэляванне верагодных эмоцый чытача, якія звязваюцца як з успрыманнем тэкставай шматпланавасці паэтычнага твора, так і з яе інтэпрэтацыяй). У Яўгеніі Янішчыц вельмі часта пры наданні слову новых метафарычных значэнняў задзейнічаны магчымасці паэтычнага вобраза пашыраць валентнасць – набываць дадатковыя эмацыянальныя сэнсы ў кантэксце паэтычнага выказвання – і пераўтварацца ў эматыў. Эматывы таксама могуць стаць сюжэтаўтваральнымі кампанентамі, калі ў сваім руху будуць набываць пэўную сэнсавую залежнасць адзін ад аднаго і паўставаць цэнтральнымі фігурамі эматэм.

Прааналізуем верш Яўгеніі Янішчыц "***Ці шлях занясло кудасою…":

Ці шлях занясло кудасою,
Ці зоры не хочуць устаць?
Здаецца, слыву гарадскою,
А ногі ад пожні шчымяць.
Спаслаў жа шчаслівую муку
Мне лёс
над паперай карпець.
Без крыўды прымаю разлуку,
Агонь спасылаю на смерць.
Я так над пакутай шчырую
І так над свабодай лячу,
Як быццам адолець сырую
І мёртвую глебу хачу! [14, с. 242].

Калі параўнаць названы верш Яўгеніі Янішчыц з разгледжаным вершам Максіма Танка, то, у параўнанні са стройнай структурай танкаўскага твора, з першага прачытання мы адчуем няроўнасць кампазіцыі янішчыцкага твора, падпарадкаванай пераскокам эмоцый на розныя тэмы. Здаецца, верш не валодае сюжэтнай арганізаванасцю, як быццам ён выпадковы і ў ім няма ніякай матывацыі. Аднак у творчасці Яўгеніі Янішчыц мы сустрэнем шмат падобных вершаў, якім уласціва рознаскіраванасць і дыскрэтнасць, і ў такім варыянце сэнс іх не "схопліваецца" адначасова, у адным хранатопе, а паступова, пры раскладанні яго цэласнасці на сюжэтныя часткі. Кантынуальнасць, якая вельмі патрэбна завершанасці тэксту, узнікае на ўзроўні "складвання" ў пэўную паслядоўнасць эматываў, якая таксама прадвызначае фабулу верша.

Пачынаецца верш Яўгеніі Янішчыц "***Ці шлях занясло кудасою…" пытаннем рытарычнага характару, на якое мы так і не знойдзем адказу ў творы, ды і, відаць, паэтэса не ставіла гэтай мэты. У гэтым рытарычным пытанні хутчэй "намацванне" тэмы, ці *сюжэтная заклапочанасць*, падпарадкаваная пераносу ўнутранай хаатычнай нестабільнасці настрою на знешні свет, у якім яна таксама не бачыць парадку: "Ці шлях занясло кудасою, / Ці зоры не хочуць устаць?". У танальнасці сюжэтнай заклапочанасці дзеянне развіваецца, пераскокваючы з аднаго эмацыянальнага рада на другі. Трэці і чацвёрты радок адлюстроўваюць самастойную эматэму, якая перадаецца за кошт антытэзы, у якой ключавым словам паўстае эматыў "шчымяць" (ногі). Дзеяслоў "шчымець" тут перадае не толькі значэнне 'востра балець, пячы ад драпін, раздражнення і пад.', ён надзяляецца яшчэ надтэкставымі характарыстыкамі, адпаведнымі настрою ўсёй янішчыцкай лірыкі – адлюстроўвае сувязь шчымлення ног са шчымленнем і трымценнем душы гераіні, якая кожную хвіліну свайго існавання адчувае непарыўную сувязь з малой радзімай, родным домам. Эмацыянальна-пачуццёвая дамінанта, тут прама не абазначаная, вынікае з пачуцця віны і звязанымі з ім эмоцыямі. Мы апелюем да *нявыказаных эмоцый* як да своеасабліва зашыфраванай у творы Яўгеніі Янішчыц фігуры змаўчання – неад'емнага атрыбуту сюжэтапабудовы. У пэўным сэнсе вылучаныя намі эматэма і дамінанта знаходзяцца над тэкстам у выглядзе камунікатыўнай аўры, узнаўляльнай з ведання ўсёй творчасці паэтэсы.

У пятым і шостым радках узнікае яшчэ адна эматэма, перададзеная праз антытэзу *«шчаслівая мука»*, у якой закладзены сэнс творчага дару паэтэсы – спасцігаць жыццё ў пакутах радасці, у асалодзе расчараванняў, а гэта давалася ёй празмерна і не магло не адлюстравацца на выбары і творчай вернасці ў вершаскладанні спосабу сутыкнення з'яў, эмацыянальнага збліжэння далёкіх паняццяў у межах агульнай кампазіцыйнай раўнавагі ўсяго твора. У такім выпадку структурны

ўзровень твора прадвызначаецца спецыфікай сюжэтнай матывацыі, у аснове якой рух эматываў. Лірычнасць, мяккасць складу, тонкасць выяўлення паэзіі Я. Янішчыц ад «Жалейкі» Я. Купалы, ад лепшых традыцый беларускай літаратуры. Спляценне ў ліры паэтэсы жалю і жалейкі – сімвал яе паэтычнага існавання (што адзначалася ў нашай працы пры аналізе верша "***І прыйдзе боль, нібы па доме…"). Лёс блаславіў паэтэсу на *«шчаслівую муку над паперай карпець»*. У антытэзу ўключаны яшчэ адзін троп – аксюмаран (шчаслівая мука), які прадугледжвае наўмыснае спалучэнне неспалучальнага і гэтым у большай ступені ўзмацняе нашу ўвагу да ўнутранай барацьбы лірычнай гераіні з самой сабой, акцэнтуе яе на супярэчнасці гэтай барацьбы. Эматыў "карпець" выступае ключавым паняццем эматэмы, сумяшчаючы ў сабе памету ′размоўнае′ (доўга, цярпліва займацца чым-небудзь, працаваць над чым-небудзь) і пераноснае, іншасказальнае значэнне, якое набываюць эмацыянальныя канатацыі з адзнакай "плюс/мінус" у залежнасці ад вынікаў (жыць у творчых пакутах, цяжкасцях).

Лірычнае "я" Яўгеніі Янішчыц надзелена *кінетычнасцю* – калі рухаецца ад аднаго эмацыянальна-пачуццёвага стану да другога, ні на адным доўга не засяроджваючыся. Вельмі дакладна апісаў сутнасць паэтычнага сюжэта Ю. М. Лотман: "Паэтычны сюжэт мае на ўвазе гранічную абагульненасць, звядзенне калізіі да некаторага набору элементарных мадэляў, уласцівых дадзенаму мастацкаму мысленню. У далейшым сюжэт верша можа канкрэтызавацца, свядома збліжаючыся з найбольш непасрэднымі жыццёвымі сітуацыямі. Але гэтыя сітуацыі бяруцца ў пацвярджэнне або ў абвяржэнне якой-небудзь зыходнай лірычнай мадэлі, але ніколі не па-за суадносінамі з ёй" [11, с. 75]. І пэўная роля ў вершы Я. Янішчыц, як і яе творчасці ў цэлым належыць антытэзе як элементарнай мадэлі ў яго пабудове.

У наступнай сюжэтнай частцы (7–8-мы радкі) аўтар разважае пра разлуку і смерць, якія ў кантэксце твора прыпадабняюцца і зноў жа фігуруюць у эмацыянальных радах у апазіцыйных адносінах, сэнсавую супрацьлегласць іх падмацоўваюць антанімічныя дзеясловы прымаю – спасылаю. Прыродны арэал → рэфлексіі ў межах сацыяльнага → творчага → эмацыянальна-пачуццёвага ўзроўню – у такой паслядоўнасці адначасовага абжывання розных сфер у адзіным творчым акце рушыць Яўгенія Янішчыц у спосабах самараскрыцця. Яна смела задзейнічае прыём парушэння храналогіі і фабульнай паслядоўнасці, звяртаецца да рэтраспекцыі (другая эматэма) – адступленне ў шчаслівае сялянскае мінулае са шчымленнем ног, якое папярэднічае эмацыянальна-пачуццёваму разгортванню эматэмы. І ў выніку прыводзіць нас да метафарычнай высновы-трызнення аб творчым засваенні і пераадоленні нават тых перашкод, якія ў рэальным жыцці здзейсніць немагчыма: "Як быццам адолець сырую / І мёртвую глебу хачу!". Безумоўна, эпітэты-эматывы *сыры, мёртвы* ў гэтым кантэксце маюць дачыненне да слоўнага матэрыялу, не абжытага паэтэсай (сырыя вобразы, мёртвыя метафары і г. д.), што можна здзейсніць толькі аддаўшыся спаўна шчырай працы і свабоднаму творчаму натхненню. Праблема паэта і паэзіі набыла ў вершы такое нестандартнае ўвасабленне дзякуючы раскрыццю праблемы ў творы праз *прыём адхілення* ("отстранения") ад скразной ідэі, якая прысутнічае ў кожнай сюжэтнай частцы толькі адным са сваіх бакоў, і паступова складаючы іх у адно цэлае, мы ўсведамляем, што Яўгенія Янішчыц зноў прыйшла да актуальнай і вечна жывой для яе праблемы творчай самаідэнтыфікацыі.

Такім чынам, усе ўзроўні структуры верша набываюць у роўнай ступені як сэнсастваральную, так і сэнсаадрознівальную функцыі, не падпарадкаваныя пэўнай іерархіі – яны ўносяць у твор свае інтэрпрэтацыі і чляненне. Прычым на кожным узроўні гэтыя працэсы адбываюцца адначасова паралельна і з праекцыяй на цэласнасць паэтычнага тэксту. Здольнасць пераўтвараць усё багацце жыццёвых сітуацый у пэўны, параўнальна невялікі набор лірычных тэм – характэрная рыса паэзіі. Аднак ад індывідуальна-аўтарскай унікальнасці залежыць уменне напаўняць гэтыя лірычныя тэмы і мікратэмы жывымі эмацыянальнымі адносінамі. Эмацыянальная інфармацыя ў паэтычным творы можа падавацца праз знакі/сімвалы/мастацкія сродкі як адкрыта, так і можа быць закадзіраванай. А таму дыхатаміі *надтэкставая/падтэкставая эмоцыя, сітуатыўная/кантэкстуальная* эмоцыя былі пакладзены намі ў класіфікацыйную сістэму выражэння эмоцый у паэтычным тэксце пры разглядзе пытання яго структуравання. Гэты падзел дапамагае прасачыць за ступенню эмацыянальнай адкрытасці/зашыфраванасці аўтара ў тэксце, яго

мастацкімі інтэнцыямі ў звароце да розных сфер жыццядзейнасці чалавека, якія своеасаблівым чынам уздзейнічалі на раскрыццё эматэм – мікратэм у тэксце з эмоцыяй-дамінантай. Карэляцыю фабулы і сюжэта ў творы вызначае таксама і *шматзначнасць/адназначнасць* мастацкага слова, у якім прырашчэнне дадатковага эмацыянальнага значэння не толькі прадвызначае пераход слова ў эматыў, але і ўздзейнічае на новую сінергетыку сюжэтных частак у кампазіцыі твора як сузалежных, узаемапранікальных, эмацыянальна прагназуемых. Калі Максіму Танку больш характэрны фабулярныя творы, дзе прысутнічае міні-гісторыя, у якой сюжэтныя часткі – эматэмы – сашчэплены прычынна-выніковай сувяззю, то Яўгенія Янішчыц пазбягае строгай упарадкаванасці структуры верша, аддаючыся ўладзе эмоцый і пачуццяў. І Максім Танк, і Яўгенія Янішчыц часта засяроджваюцца на канцоўцы твора, надаючы апошняй эматэме асаблівую падкрэсленасць і інтанацыйную выражанасць, за чым стаіць жаданне падагульніць, суміраваць, сінтэзаваць і выказаць галоўную думку, засноўваючыся на адпаведнай ёй эмоцыі. Канцоўка часам парушае інерцыю ў тэматычным развіцці, раскрывае сэнс ранейшых аўтарскіх рэфлексій, змяшчае аўтарскую ацэнку ці адносіны і г. д. Тыповай з'яўляецца пабудова паэтычных твораў з умоўна вызначанымі трыма часткамі, дзе ў першай даецца тэма са зваротам да розных прыёмаў (у нас – названыя тэмы ў Максіма Танка, сюжэтная заклапочанасць – у Яўгеніі Янішчыц), у другой яна развіваецца за кошт падбору і варыяцый шэрагу матываў (эматэм) са сваімі асацыятыўнымі сувязямі, а ў трэцяй даецца эмацыянальнае заключэнне ў форме сентэнцыі, параўнання, філасофскай высновы і г. д. Як трапна заўважыў Б. В. Тамашэўскі, "нерухомая тэма атрымлівае рух у вар'іраванні выразаў, выкрывае той ці іншы эмацыянальны момант у асноўнай тэме" [4, с. 151]. Аднак колькасць эматэм не прывязана да гэтай умоўнай структуры, а абумоўлена жаданнем аўтара засяродзіцца на ключавых момантах як "болевых кропках" ідэі твора. Верш – гэта асаблівая эмацыянальная прастора, на якой канструяванне фабулы, сюжэта падпарадкавана сэнсу і эмоцыі ў роўнай ступені.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство-СПБ, 1998. – С. 14–285.

2. Арнольд, И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики: (В интерпретации художественного текста) : лекции к спецкурсу / И. В. Арнольд ; РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб. : Образование, 1997. – 59 с.

3. Bennett, A. An Introduction to Literature, Criticism and Theory. Third edition / A. Bennett, N. Royle. –5th Edition. – London: Routledge, 2016. – 441 p. https://doi.org/10.4324/9781315652450

4. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Б. В. Томашевский ; вступ. ст. Н. Д. Тамарченко; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 203 с.

5. Ильин, И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин; науч. ред. А. Е. Махов. – М. : INTRADA, 2001. – 385 с.

6. Поспелов, Г. Н. Целостно-системное понимание литературных произведений / Г. Н. Поспелов // Вопр. методологии и поэтики: сб. ст. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – С. 138–172.

7. Корман, Б. О. О целостности художественного произведения / Б. О. Корман // Избранные труды по истории и теории литературы. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.

8. Гиршман, М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 560 с.

9. Разанаў, А. Паляванне ў райскай даліне: Версэты. Паэмы. Пункціры. Вершаказы. З Вяліміра Хлебнікава. Зномы / А. Разанаў; маст. С. В. Чарановіч. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 287 с.

10. Фарино, Е. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Е. Фарино. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 640 с.

11. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1996. – 846 с.

12. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. / М. Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – Т. 6: Вершы (1983–1995). – 456 с.

13. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

14. Яўгенія Янішчыц: творы, выццяпіс, каментарыі: у 4 т. / уклад: С. У. Калядка, Т. П. Аўсяннікава; рэд. тома Л. Г. Кісялёва. – Мінск: Беларус. навука, 2016. – Т.1. – 599 с.

References

1. Lotman Yu. M. The Structure of an artistic text. *About an art*. St.Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1998, pp. 14–285 (in Russian).

2. Arnol'd I. V. *Problems of dialogism, intertextuality and hermeneutics (interpretation of ab art text).* St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1997. 59 p. (in Russian).

3. Bennett A., Royle N. *An Introduction to Literature, Criticism and Theory.* 5th Edition. London: Routledge, 2016. 441 p. https://doi.org/10.4324/9781315652450

4. Tomashevskii B. V. *The theory of Literature. The Poetics*. Moscow, Aspect Press Publ., 1999. 203 p. (in Russian).

5. Il'in I. P. *Postmodernism. Glossary of terms*. Moscow, INTRADA Publ., 2001. 385 p. (in Russian).

6. Pospelov G. N. Holistic-systemic understanding of literary works: a collection of articles. *Questions of methodology and poetics*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University, 1983, pp. 138–172 (in Russian).

7. Korman B. O. About the integrity of artistic work. *Selected works on history and theory of literature*. Izhevsk, Publishing house of Udmurt University, 1992. 236 p. (in Russian).

8. Girshman M. M. *The Literary work: The theory of artistic integrity.* Moscow, Languages of Slavic Culture, 2007. 560 p. (in Russian).

9. Razanaŭ A. *The Hunting in Paradise Valley: versets. Poems. Dotted lines. Poetry. From Velimir Khlebnikov. Znom*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1995. 287 p. (in Belarusian).

10. Farino E. *Introduction to the Literary Studies*. St. Petersburg, Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2004. 640 p. (in Russian).

11. Lotman Y. M. *About poets and poetry.* St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ, 1996. 846 p. (in Russian).

12. Tank M. *The Collected works. Vol. 6. Poems (1983–1995).* Minsk, Belaruskaya navuka, 2008. 456 p. (in Belarusian).

13. Shakhovskii V. I. *Linguistic theory of emotions*. Moscow, Gnosis Publ., 2008. 416 p. (in Russian).

14. Kolyadko S., Ovsyannikova T., Kiseleva L. G. (eds.) *Yauheniya Yanishchyts: works, life, comments. Vol. 1.* Minsk, Belaruskaya navuka, 2016. 599 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Колядко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, старший ведущий сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kolyadko@list.ru

Information about the author

Svetlana V. Kolyadko – Ph. D. (Philol.), Leading Scientific Researcher. Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: kolyadko@list.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 341.018:341.17:340.134
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-366-376

Поступила в редакцию 22.03.2018
Received 22.03.2018

Т. Н. Михалёва

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Минск, Беларусь

МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. Проведены отличия классических международно-правовых методов и методов правового регулирования региональной интеграции, раскрыты особенности различных методов интеграционного взаимодействия – межгосударственного, коммунитарного, метода открытой координации. Даны примеры применения интеграционных методов в практике различных региональных объединений. Раскрыт характер нормотворчества в Европейском союзе с точки зрения выбора метода правового регулирования. Сделан вывод о том, что процесс интеграции объективно требует введения и расширения коммунитарных методов правового регулирования, однако необходимы определенные механизмы уравновешивания интересов различных акторов интеграции, в том числе через установление их взаимозависимости и взаимосвязи в методологии наднационального правового регулирования.

Ключевые слова: коммунитарный, консенсуальный, метод открытой координации, метод правового регулирования, наднациональный, нормотворчество, межгосударственный, международно-правовой, региональная интеграция

Для цитирования. Михалёва, Т. Н. Методология межгосударственной региональной интеграции / Т. Н. Михалёва // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 366–376. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-366-376

T. N. Mikhaliova

National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

METHODOLOGY OF REGIONAL INTEGRATION

Abstract. Traditional method of international law is consensual one. Regional integration needs special methodology. The article reveals peculiarities of different methods of regional integration (intergovernmental, Community method, method of open coordination). The examples of application of integration methods in practice of different regional organizations are given. The EU law-making process is characterized with regards to choice of the method of legal regulation. The integration process demands wider application of community methods of legal regulation. However, some mechanisms for balancing the interests of diverse actors of integration are necessary, including through interaction and codependence of the latter in supranational methodology of regional integration.

Keywords: community method, consensual, method of open coordination, method of legal regulation, supranational, law-making, intergovernmental, international legal, regional integration

For citation. Mikhaliova T. N. Methodology of regional integration. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 366–376 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-366-376

Общепринято, что метод правового регулирования – это совокупность приемов и способов воздействия на субъектов общественных отношений [1, с. 52]. Телеологическая постановка вопроса о методе также обоснована в теории права: «…Вне зависимости от области применения метод может рассматриваться как совокупность приемов и способов достижения конкретной цели» [2, с. 32]. Согласимся с данным утверждением, поскольку очевидна прямая зависимость: «*как* воздействовать» – «*для чего* воздействовать». Не меньшую значимость при выборе метода играют и такие факторы, как юридическое положение субъектов права – «*на кого* воздействовать».

© Михалёва Т. Н., 2018

Известный теоретик права С. С. Алексеев к вышеизложенному добавляет и критерии характера правовой защиты, основания возникновения, изменения и прекращения правоотношения, но относит их к вторичным [3]. В международных и интеграционных правоотношениях их также можно охарактеризовать как влияющие на особенности метода правового регулирования. С учетом того, что в интеграционных правоотношениях четко выражены несколько вариаций правоотношений (государство–государство, государство–интеграционное объединение, государство–частное лицо, частное лицо–частное лицо), то и методология будет гораздо шире и многообразнее.

Интеграции присущ специфический метод правового регулирования, и интеграционная система не довольствуется классическими методами взаимодействия субъектов и регулирования правоотношений. Понимание, почему такой метод (методы) необходим, может быть достигнуто только в процессе познания концептуальных основ, категорий, принципов, сущности интеграционных процессов. Особенности способа воздействия на предмет регулирования могут быть проанализированы только при соответствующем анализе самого предмета и выстраивании парадигмы существования этого предмета в реальности.

Цель и субъект (его правовое положение) играют главную роль при определении того, каков будет метод правового воздействия. Важно как положение субъекта, создающего норму (для характеристики правовых оснований возникновения правоотношений), так и субъекта, к которому данная норма применяется (правовое положение субъекта воздействия). Для интеграционной системы права, реагирующей на единое пространство, важно, каковы правовые последствия такого воздействия и обеспечивается ли эффективная и равная реализация заданного правового регулирования.

Основной метод международного права – консенсуальный, поскольку общепризнана согласительная природа современного международного права. Это определенное согласие некоторого круга государств, иных субъектов международного права о том, как должны развиваться международные отношения и какие обязательства (права и обязанности) в связи с этим они будут нести. Отношения субъектов носят явно выраженный координационный характер. Это связано с особым статусом основных субъектов международного права – суверенным и равным. *Par in parem non habet jurisdictionem* – в публичной сфере это правило не меняется уже столетия. Принцип суверенного равенства установлен Уставом ООН в качестве базиса развития современных международных отношений.

Консенсуальный метод правового регулирования международных отношений выражается в создании традиционных основных источников международного права, которые носят обязательный характер: договоров (для участвующих в них субъектов) и обычаев.

Императивных норм в международном праве (тех, которые субъекты не могут изменить даже при взаимном согласии) относительно немного. В основном в международном праве речь идет о диспозитивных нормах. Вместе с тем нормы *jus cogens* (императивные нормы) «являются единственным источником, в отношении которого неприменим общий принцип добровольности принятия на себя государствами международных обязательств» [4]. Согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер. Императивные нормы характеризуются особой значимостью защищаемого ими интереса для всего мирового сообщества.

Международно-правовые обязательные к исполнению нормы могут создаваться и в рамках организации, и под эгидой организации, но сами международные организации по общему правилу не создают для государств международных обязательств. Международные организации создают акты рекомендательного, а не обязательного характера. Некоторые исключения касаются, например, актов Совета Безопасности ООН, прозелитных норм, технических стандартов, создаваемых в отдельных сферах (например, в воздушных перевозках – ИКАО), внутреннего права организаций. Цель создания таких норм – обеспечение всеобщей безопасности, предотвращение угрозы миру либо создание унифицированных технико-правовых режимов или, если речь идет

о внутреннем праве организации, внутренняя направленность создаваемой нормы на самого создающего субъекта. Все это оправдывает отклонение от координирующего метода создания международно-правовой нормы в сторону субординационного метода.

Интеграция не ограничивается классическими механизмами международно-правового сотрудничества и нуждается в собственных механизмах, обеспечивающих эффективное правовое регулирование. Интеграция наравне с договорным регулированием задействует и метод субординации – регулирование, не согласованное государствами, а выработанное специальными органами или организациями.

В рамках интеграционной правовой системы на определенном этапе начинают формироваться нормы, обязательные для государств, но не разрабатываемые ими напрямую. Такой процесс может выражаться как в создании нормы специальным субъектом – наднациональным органом либо в создании норм межгосударственным органом, но с применением интеграционных методов. Главное, что в отношении таких источников отсутствует характерный, всенепременный атрибут международного нормотворчества – непосредственное согласование воль субъектов. При этом национальный правопорядок в определенных сферах подчинен правопорядку интеграционному, и в пределах юрисдикции интеграционное право действует напрямую в отношении государств, физических и юридических лиц. Особенности такого правового воздействия свидетельствуют не просто о включении субординационного воздействия, но и характеризуются элементами наднациональности.

Такая тенденция объективно обусловлена целью и субъектом. Цель интеграции – достижение гомогенного в той или иной области пространства. Единое пространство (таможенное, экономическое, валютное и др.) должно обеспечиваться единообразным унифицированным режимом. В противном случае не будет положительного мультиплицирующего эффекта интеграции, ради которого государства идут на интеграционное сближение.

Единообразные правовые инструменты наиболее эффективно создаются только при наличии соответствующих органов. Такие органы должны обладать функциями и полномочиями, которые позволят:

– снять все противоречия на этапе согласования нормы и максимально соответствовать ожиданиям и интересам всех участвующих в ее разработке и принятии государств;

– обеспечить направленность этой нормы на реализацию целей и задач интеграции, т. е. руководствоваться не только совокупностью интересов государств, но и интересами интегрирующегося сообщества;

– в дальнейшем гарантировать ее единообразное и эффективное применение (иметь в распоряжении механизмы контроля post ante, гарантии исполнения, в том числе механизмы принуждения).

Исходя из такого объема функций соответствующие органы должны обладать определенной степенью наднациональности, которая будет определяться как уровнем (стадией) экономической интеграции, так и политической готовностью государств.

Теоретики права достаточно давно пришли к выводу, что палитра методов, применимых в реальности, гораздо шире и не столь однозначна в выборе императивности или диспозитивности воздействия. Этот тезис в полной мере применим и к методологии международного и интеграционного права.

Выше показаны примеры, когда в международном праве происходит смещение в сторону субординационного метода, отклонение от классического межправительственного консенсуса. В интеграционном взаимодействии такой спектр еще шире, поскольку, во-первых, сложнее сама архитектура взаимодействия, межинституциональный баланс в системе. Во-вторых, сложнее взаимодействие системы интеграционной и национальной, происходит так называемая передача части полномочий от государств на уровень интеграционного объединения.

Безусловно, степень смещения акцента от консенсуальности к наднациональности в методе правового регулирования будет вновь, как мы и описывали, зависеть от цели, которой нужно достичь в той или иной сфере интеграции, от категорий субъектов, задействованных в правоотношениях, ряда дополнительных факторов.

Межгосударственный метод в праве региональной интеграции – аналог консенсуальности в международном праве. Фактически речь идет о том, что интеграционные цели достигаются либо

путем заключения и реализации международных договоров (назовем его межгосударственный договорной метод), либо путем принятия на консенсуальной основе актов органами международной организации, формируемыми представителями государств (на высшем уровне, уровне правительств, иных исполнительных компетентных органов; назовем такой метод межгосударственный недоговорной).

В межгосударственном методе нет ничего изначально не подходящего для целей интеграции, противоречащего ей, если это касается вопросов, которые не переданы на уровень исключительно интеграционного объединения, а, напротив, нуждаются в координации. Безусловно, передача полномочий с уровня национального регулирования на наднациональный в определенных сферах исключает дальнейшее использование межгосударственного метода в них.

Межгосударственный недоговорной метод будет действенным только при условии закрепления обязательности таких актов (решений) и максимально полного механизма их реализации, в том числе судебных и иных юрисдикционных гарантий.

Попыткой широкого применения межгосударственого метода обоих видов была постдезинтеграционная модель интеграции в рамках СНГ. Правовой основой межгосударственных отношений в рамках данной организации стали многосторонние и двусторонние соглашения в различных областях взаимоотношений государств-членов, как это и было зафиксировано в ст. 5 Устава СНГ. Основными проблемами в этом вопросе явились не только и не столько длительность сроков разработки таких актов и необходимость прохождения внутригосударственных процедур, как сроки имплементационных действий и контроль за их эффективным выполнением. По мнению ученых и практиков, решением могло бы стать введение ускоренного порядка прохождения договорами, заключаемыми в рамках СНГ, внутригосударственных процедур (приоритетный порядок, сжатые сроки) [5, с. 45]. Судья Экономического суда СНГ Г. В. Симонян предлагал разработать и подписать общее соглашение, регулирующее порядок, сроки рассмотрения и ратификации заключенных договоров [6, с. 9]. В действительности такой акт, но в иной правовой форме, был принят на достаточно ранних этапах интеграции. Постановление «О процедуре ратификации многосторонних соглашений, заключаемых государствами-участниками СНГ» было принято еще в 1997 г. Советом Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. Необходимость синхронизации вступления в силу межгосударственных договоров и соглашений, подписанных в рамках СНГ, подчеркивалась и в Постановлении Совета Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ «О перспективах развития СНГ и роли Межпарламентской ассамблеи в его правовом обеспечении» 2000 года. Проблема была все та же – его рекомендательность, необязательность.

Этим объясняется и неудачный эксперимент в рамках СНГ с иным видом межгосударственного регулирования – межгосударственным недоговорным. И в теории, и на практике зачастую достаточно непросто было установить правовую природу принятого акта, а следовательно, и его юридическую силу, и иерархию в системе актов СНГ [7]. Долгое время принятие решений осуществлялось не на договорной основе, а посредством актов органов СНГ, однако они все равно нуждались в процедурах одобрения со стороны государств, осуществляемых в качестве международных договоров, статус которых такие решения впоследствии и приобретали.

Не последнюю роль в выборе метода правового регулирования играет и правосознание, особенности правовой культуры субъекта. Так, интеграция в Азии продвигается хотя и медленно, но уверенно, при этом предпочтение отдается отнюдь не наднациональному методу регулирования и даже не всегда договорному. Весьма распространенным является метод мягкого интеграционного воздействия, политических договоренностей, а также интеграции «снизу». Для этих целей более эффективным является не метод жесткого регулирования, а гибкие средства – декларации, межпарламентское сотрудничество, в производственной сфере – создание агропромышленных комплексов, трансграничных «треугольников роста». И все это – при относительно слабо выраженной динамике межгосударственной интеграции. Иными словами, на межгосударственном уровне задействован вовсе и не метод правового регулирования, а квазиправовой метод координации и консультаций. Следует признать, однако, что юридическая оболочка все же существует, но не общая межгосударственная, а, например, трансграничная – создание режима интеграционного взаимодействия отдельных регионов, секторальная интеграционная модель – в отдельных

экономических вопросах, где используются как вполне традиционные методы правового регулирования, так и неформальные. По мнению Е. Я. Араповой, в этом регионе неформальные объединения функционируют наравне с формальными интеграционными образованиями, что свидетельствует о появлении совершенно новой и еще слабо изученной интеграционной модели [8].

Основное отличие межгосударственного и интеграционного метода состоит не столько в субъекте принятия как таковом, но и в механизме принятия решения этим субъектом и механизме его последующего исполнения.

Субъект принятия решения, который формируется из представителей государств, действующих от имени государств, в их интересах, – это межгосударственный орган, а не наднациональный. Межгосударственный орган также может использовать по сути интеграционный метод регулирования в тех случаях, когда речь идет о принятии решения не единогласно, а большинством (квалифицированным, простым и т. п.), которое обязательно для всех и обеспечено механизмом исполнения.

Если речь идет об органе, формируемом не из представителей государств-членов, а в качестве служащих международной организации интеграционного типа, независимых в принятии решения, очевидно, что метод будет использован не межгосударственный, не требующий консенсуса государств. Однако и такие решения должны быть обеспечены изначально механизмом имплементации, не завязанном на выражении дополнительного согласия государств его исполнять, в противном случае он ничем не будет отличаться от межгосударственного метода.

Практика Европейского союза показывает, что при интеграции происходит постепенный переход от традиционного межгосударственного метода регулирования к регулированию методами региональной интеграции, обладающими различной степенью жесткости, императивности, построенными на различных механизмах балансировки наднационального и государственного в интеграционном сообществе.

По субъекту создания и степени преобладания консенсуального или субординационного в принятии правовых решений в ЕС мы различаем коммунитарный (наднациональный) метод, метод открытой координации (ОМК), межгосударственный (консенсуальный) метод[1].

Как показывает практика ЕС, в ряде сфер, не требующих немедленного наднационального единого регулирования, происходит поступательное движение от межгосударственного метода к коммунитарному. Часто заключение международных договоров предшествовало разработке наднациональных актов – регламентов, директив. Например, изначально в рамках ЕС были разработаны и действовали Брюссельская конвенция о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам 1968 г., которую затем заменил регламент Брюссель-1 (в 2015 г. уже была его ревизия по результатам правоприменительной практики), Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г., вместо которой был принят и действует Регламент Рим-1 (в дальнейшем вступил в силу и Регламент Рим-II «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам»). В регламенты трансформировались и международные соглашения в сфере банкротства, о вручении официальных повесток по трансграничным гражданским и торговым делам, о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по семейным делам, включая ответственность родителей за общих детей, о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам.

Коммунитарный метод был разработан Ж. Монне. Его цель в действительности заключается не в том, чтобы прийти к федеральному типу управления и передаче полномочий на уровень такой федеративной надстройки (в идеале к которой, согласно Ж. Монне, надо стремиться). Он направлен на эффективное решение тех проблем, которые государства не могут решить по отдельности, и, следовательно, на улучшение качества жизни граждан независимо от государства гражданства и места проживания в ЕС («слияние неотъемлемых интересов»). Соответственно, необходимо объединение народов Европы в рамках такой единой организации, которая наделена реальными властными полномочиями по созданию и реализации норм: «Государства не исчеза-

[1] В английском языке используется термин «intergovernmental» – буквально – «межправительственный». Однако во избежание неточностей восприятия такой категории в русском языке мы используем термин «межгосударственный».

ют, но уступают определенную (со временем все увеличивающуюся) часть своих суверенных прав надгосударственным институтам, облеченным всеми функциями публичной власти: законодательными, исполнительными и судебными (юрисдикционными). Таким образом, создается новый, наднациональный "этаж" политической власти, который, подобно государству, должен стремиться к формированию "общего блага", но уже не для одного, а для многих народов сразу» [9, с. 14].

Коммунитарный метод является главным в отношении сферы исключительной компетенции ЕС. Исключительная компетенция касается вопросов, которые критически важны для свободной торговли, таможенного союза, единого экономического пространства, в дальнейшем – экономического союза и должны регулироваться не просто единообразно, а именно единым актом, иметь одни и те же средства правовой защиты исполнения такой нормы. Пределы «исключительности» устанавливают государства. Однако даже если проанализировать столь «продвинутую» интеграцию, становится очевидно, что передача полномочий происходит только в четко определенных сферах, весьма инструментальных для интеграции, – вопросах sine qua non образования единого пространства движения факторов производства (например, вопросы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, конкуренции). В остальных сферах коммунитарный метод применялся с попеременным успехом. Его применение значительно зависит от перераспределения компетенции ЕС в тех или иных сферах, которое в свою очередь зависит от ряда базовых принципов функционирования ЕС, заложенных в учредительных актах (принцип наделения компетенцией, принцип субсидиарности и принцип пропорциональности) и развитых в практике правоприменения.

Согласно изданию Европейской Комиссии, «коммунитарный метод» призван обеспечить транспарентность, демократичность и эффективность функционирования ЕС. Он основан на институциональном треугольнике: Еврокомиссия, Европарламент, Совет ЕС. Важные черты такого метода, по мнению Комиссии, следующие: Комиссия практически имеет монополию на законодательную инициативу, в Совете ЕС широко применяется голосование квалифицированным большинством, у Парламента, избираемого прямыми выборами, существуют полномочия по принятию актов (по меньшей мере консультативная функция), единообразие права обеспечивается Судом ЕС, при этом Комиссия обязательно имеет право обращения в Суд, поскольку является «хранителем» Договоров [10]. Практически все эти положения сейчас в Лиссабонском договоре реализованы в различной степени в зависимости от сферы интеграции.

Следует отметить, что в долиссабонский и постлиссабонский период коммунитарный метод применялся в различных вариантах. В теории мы выделяем ограниченный и неограниченный варианты данного метода. Анализ применения коммунитарного метода в ЕС свидетельствует, что на практике доля или уровень и стадия вмешательства, контроля за действиями наднационального регулятора со стороны государств и иных акторов – представителей предпринимательских кругов, граждан и т. д. – разнятся, но он не исчезают полностью. Даже в ситуации жесткого наднационального регулирования сохраняется контроль со стороны государств и других акторов.

Законодательная процедура в ЕС в результате такого многогранного подхода очень сложная, начиная с выбора формы акта, в которой будет выражено регулирование, и заканчивая видом процедуры. Основные акты принимаются в законодательной процедуре совместно Советом ЕС и Европарламентом с различной долей участия. При этом необходимо понимать, что Совет ЕС – не наднациональный орган, а межгосударственный, где процедура голосования и распределения голосов завязана на несколько критериев (правило двойного большинства), а Европарламент – представительный орган, избираемый прямыми выборами, где распределение голосов также построено с учетом нескольких критериев (принцип обратной пропорциональности).

Однако огромное количество актов принимается и на подзаконном уровне, когда Комиссия, наднациональный орган в чистом виде, фактически имплементирует и развивает положения законодательных актов Совета и Парламента, создавая новые обязательства для государств, либо реализует правотворческую функцию в рамках делегированных полномочий. Важно при этом подчеркнуть роль консультативных органов при подготовке правовых актов (ст. 304, 307 Договора о функционировании ЕС). Кроме того, предусмотрен механизм вовлечения социального партнера (союзов нанимателей и профсоюзов, предпринимателей) при подготовке актов, направленных на развитие соответствующей политики. Важность правотворческой деятельности Комиссии

можно отразить на примере: Таможенный кодекс ЕС принят на уровне Регламента Совета Европы (межправительственный орган) в законодательной процедуре совместно с Парламентом, но Регламент по имплементации Таможенного кодекса, содержащий больший массив таможенных правил, принят на уровне наднациональной Комиссии в рамках делегированных полномочий.

Учредительные документы в редакции Лиссабонского договора устанавливают два вида законодательных процедур с участием Совета и Европарламента. Во-первых, обычную законодательную процедуру, которая заключается в принятии акта совместно Европейским парламентом и Советом ЕС по предложению Комиссии (ст. 289 Договора о функционировании ЕС). Обычная законодательная процедура является аналогом процедуры совместного принятия решений, использовавшейся до вступления Лиссабонского договора в силу (бывшая ст. 251 Договора об учреждении Европейского сообщества).

Во-вторых, специальную законодательную процедуру, которая предполагает принятие акта Европарламентом при участии Совета ЕС либо Советом ЕС при участии Европарламента. Комиссия при этом проявляет законодательную инициативу практически монопольно (в некоторых случаях право законодательной инициативы принадлежит Европейскому инвестиционному банку, Европейскому центральному банку, Европарламенту, Суду, есть право законодательной инициативы и у граждан в количестве не менее 1млн граждан из значительного количества стран ЕС – ст. 11 Договора о Европейском союзе). Но не стоит забывать, что, получив предложение, Совет ЕС, как правило, направляет его в Комитет постоянных представителей, иногда – в специализированный комитет (например, Особый комитет по сельскому хозяйству или Политический комитет). Все вопросы повестки заседания Совета ЕС (исключение составляют вопросы, за подготовку которых отвечают специализированные комитеты) проходят экспертизу в Комитете постоянных представителей, если Совет ЕС (единогласно) или указанный Комитет (простым большинством) не примет иное решение. До заседания Совета ЕС, если Комитет постоянных представителей единогласно принимает решение включить предложение в повестку дня Совета ЕС, предложение может быть принято Советом ЕС без обсуждения. Если Совет ЕС возражает против принятия предложения, оно возвращается в Комитет постоянных представителей.

Комиссия направляет предложение Европарламенту, где также готовится отчет и рассматривается в соответствующем парламентском комитете. Мнение Европарламента о предложении выражается путем голосования на пленарном заседании. Кроме того, в рамках соблюдения принципа субсидиарности Комиссия направляет законопроект и в национальные парламенты [11–12].

Мы видим на стадии уже законодательной инициативы реализацию принципа максимальной вовлеченности всех групп и равновесие их интересов. Наднациональный орган обладает очень широким объемом прав по предложению нового регулирования, однако они уравновешены рядом консультационных и обязательных процедур со стороны ненаднациональных органов, представляющих интересы различных групп.

Совет ЕС основывается на равноправном представительстве правительств всех государств-членов ЕС (один представитель от каждого национального правительства «на министерском» уровне). Несмотря на ненаднациональный состав, принятие решений Советом ЕС отвечает требованиям коммунитарного метода, поскольку не требует единогласия от членов (по общему правилу). По Лиссабонскому договору 2007 г. произошло дальнейшее сокращение вопросов, применительно к которым Совет ЕС обязан выносить постановления единогласно.

Государства очень настороженно относятся к такому «усреднению» в принятии решений, и в рамках ЕС есть масса переходных и блокирующих положений, позволяющих выражать и отстаивать интересы конкретного государства или группы государств до сих пор, несмотря на постепенный уход в сторону большей наднациональности принимаемых решений. Так, с 1 ноября 2014 г.[1] при определении квалифицированного большинства в Совете ЕС применяется метод «двойного большинства», предполагающий выполнение двух основных: поддержку проекта решения со стороны не менее 55 % членов Совета ЕС; члены совета ЕС, проголосовавшие «за», долж-

[1] До этого времени при определении квалифицированного большинства в Совете ЕС применялся метод «взвешенного голосования». С 1 ноября 2014 г. до 31 марта 2017 г. метод «взвешенного голосования» может быть применен по требованию любого государства-члена.

ны представлять как минимум 65 % населения ЕС в целом. В качестве дополнительных требований, предусмотренных в той же статье, выступают следующие: количество проголосовавших «за» членов Совета ЕС в абсолютном выражении должно насчитывать не менее 15 человек. Блокирующее меньшинство (т. е. количество членов Совета ЕС, способных воспрепятствовать принятию решения) должно включать не менее четырех членов. Кроме того, есть и случаи особого квалифицированного большинства: первое условие является более жестким – необходима поддержка решения со стороны как минимум 72 % членов Совета ЕС. С другой стороны, к особому квалифицированному большинству не применяются вышеуказанные дополнительные требования по численности населения.

Помимо метода принятия решений внутри института (мы рассмотрели только пример Совета ЕС, поскольку он нам интересен с точки зрения «усреднения» межгосударственных интересов, но и в Парламенте существует также свой механизм уравновешивания интересов разных групп), есть и четко продуманный баланс между самими институтами – Советом ЕС и Парламентом при реализации законодательных полномочий. В обычной законодательной процедуре у Европарламента есть право вето, проект же проходит три чтения. Каждое из чтений поступательно: Европарламент читает, вносит правки, отдает позицию Совету ЕС. Комиссия как автор законопроекта выносит заключение по правкам. Европарламент относительно ограничен во внесении поправок в ходе второго чтения, поскольку они должны соотноситься с его позицией в первом чтении либо быть направленными на достижение компромисса между Европарламентом и Советом, либо изменять ту часть общей позиции, которая не была включена в первоначальное предложение, либо учитывать новые факты. В целях более эффективной реализации процедуры совместного принятия решения используется система «триалогов»: представители Европарламента, Комиссии и Совета встречаются задолго до начала согласительной стадии. В течение шести недель после одобрения проекта законодательного акта Согласительным комитетом Европарламент и Совет ЕС должны вынести решение относительно указанного проекта. Законодательный акт будет принят, если его проект одновременно поддержит большинство депутатов Европарламента и квалифицированное большинство членов Совета ЕС.

Существует и иная процедура (специальная), где принятие законодательных актов происходит путем принятия акта Парламентом с одобрения Совета либо Советом при одобрении Парламентом или после консультаций с ним. Такая вариативность в распределении ролей при законодательной процедуре позволяет расставить равновесные акценты в коммунитарном методе принятия решений.

Комиссия наделяется правом самостоятельно принимать правовые акты в ограниченных сферах (ст. 45, ст. 106 Договора о функционировании ЕС). Акты Комиссии не относятся к законодательным, это своего рода подзаконные акты, хотя принимаются они в тех же формах регламента или директивы, как и законодательные акты. В соответствии со ст. 290 Договора о функционировании ЕС законодательный акт может делегировать Комиссии полномочия издавать незаконодательные акты общего действия. При этом цели, содержание, сфера действия и срок делегирования полномочий должны быть четко определены законодательным актом, на основании которого делегируются полномочия. Акт, принятый в результате делегирования полномочий, должен содержать в своем названии прилагательное «делегированный».

На осуществление делегированных полномочий не распространяется институт комитологии – система контроля Комиссии специализированными комитетами из представителей государств, обладающих экспертными знаниями в той или иной области. Система комитологии зародилась в Евросоюзе в 1960-х гг., чтобы лимитировать действия наднационального органа – Комиссии, но в то же время не тормозить функционирование рынка, требующее быстрого, профессионального, унифицированного регулирования на уровне исполнительных актов. Кроме того, передача регулирования на уровень Комиссии зачастую воспринималась как неизбежность, поскольку договориться на уровне межгосударственных органов было бы априори невозможно ввиду различий в существующем регулировании на национальном уровне. Комитологические процедуры со временем стали подразделяться на совещательные, управляющие, регулирующие, регулирующие с тщательной проверкой и упреждающие. В них также отражалась различная роль представите-

лей государств в уравновешивании предложений Комиссии. Сейчас система комитологии в значительно усеченном варианте употребляется только для исполнительных актов.

В отношении актов Комиссии, принятых в рамках делегированного законодательства, вводятся механизмы контроля ex post. Комиссия несет ответственность за подготовку и принятие делегированных актов, а Совет и Европарламент – за их контроль. Последние вправе принять решение об отмене делегирования Комиссии полномочий по дополнению базовых актов или внесению в них поправок, а делегированный акт может вступить в силу, только если в течение срока, установленного основным актом, Европарламент и Совет ЕС не выскажут против этого своих возражений (ст. 290 ДФЕС).

По сравнению с обычной законодательной процедурой в случае делегированного законодательства предусмотрен более жесткий наднациональный формат принятия решений. Совет и Парламент не могут вносить в акт, подготовленный Комиссией, поправки.

Для сравнения: в ЕАЭС уравновешивание наднационального и межгосударственного, этот столь необходимый баланс, возможно post factum. Государство-член или Совет Евразийской экономической комиссии имеет право в течение 15 календарных дней с даты опубликования решения Коллегии внести предложение о его отмене или внесении изменений, решение об отмене или оставлении в действии принимается Советом ЕЭК, если решение отрицательное, у государств-членов есть возможность еще инициировать внесение соответствующего вопроса на заседание Межправительственного совета или Высшего совета ЕАЭС.

Коммунитарный метод, безусловно, подразумевает наднациональность принимаемых решений. Жесткость наднационального регулирования зависит от сферы правового регулирования. Как отмечает М. В. Стрежнева, «более жесткую… форму носит наднациональная политика ЕС в денежно-кредитной области. Ее проводит Европейский центральный банк, который действует независимо от всякого политического влияния, и его мандат может быть изменен лишь в результате единогласной договоренности государств-членов ЕС» [13, с. 155–156]. Тот же более жесткий наднациональный метод, по ее мнению, применяется специальными агентствами в узкотехнических сферах, например, Европейское агентство по авиационной безопасности либо агентства, администрирующие системы производственных прав, – Бюро гармонизации торговых марок и дизайна на едином внутреннем рынке, Бюро по регулированию растительного разнообразия.

Открытый метод координации (ОМК) состоит в том, что на уровне ЕС вырабатываются стратегия и руководства, в которых определены кратко-, средне- и долгосрочные задачи, установлены количественные и/или качественные показатели, а также проводятся периодическое наблюдение, взаимный квазиконтроль (государства-члены регулярно предоставляют Комиссии сведения о процессе реализации заданных стандартов, оценивают свои достижения по сравнению с другими государствами-членами). Последнее стимулирует государства, служит импульсом для выполнения планов. Элементов наднациональности здесь практически нет, помимо определенной координирующей роли Комиссии как наднационального органа. Ни Суд ЕС, ни Европарламент не участвуют в рамках ОМК. Можно определить, что с политической точки зрения ОМК – наднациональный метод, но с правовой – таковым не является.

Более того, юридически данный метод – максимально гибок. Он поощряет государства сближать правовое регулирование и решает несколько проблем: невозможность законодательного (на уровне ЕС) урегулирования тех или иных вопросов ввиду того, что они не относятся к компетенции ЕС, либо могут быть лучше урегулированы на местном уровне, сближение по тем сферам, где это казалось невозможным при любом императивном вмешательстве.

Прообраз метода обнаруживается еще в Маастрихтском договоре, в положениях о том, что государствам-членам в экономической области нужно достичь максимальной конвергенции, для чего были введены так называемые Общие направления экономической политики (Broad economic policy guidelines) [14, с. 51]. Такие документы разрабатывались Комиссией, оценивались Советом, обсуждались на Европейском совете, а затем принимались квалифицированным большинством в Совете ЕС в качестве рекомендаций.

Данный метод был внедрен на Лиссабонской сессии Европейского совета в 2000 г. и стал тем вариантом, который позволил одновременно и «продвинуть» интеграцию, и «сбавить обороты» надна-

циональности, и дать шанс многим в мягком режиме достичь согласованных действий. Этот метод действительно очень схож с практикой международных организаций (ОЭСР, как отмечает Е. С. Громогласова) [14, с. 55] и уходит корнями в т. н. мягкое право. И все же ОМК имеет такие отличия, которые позволяют нам констатировать его не политический, а правовой характер, квалифицировать его как метод правового регулирования. Основной аргумент для этого – механизм имплементации актов, принятых в рамках ОМК. В отличие от актов мягкого права акты в рамках ОМК имеют четко закрепленный многоуровневый, повторяющийся в различных инстанциях механизм их имплементации. Кроме того, любая принятая в рамках ОМК мера имеет определенные стадии своей реализации, каждая из которых завершается своеобразным отчетом о выполнении. Государства должны разрабатывать национальные планы по внедрению в жизнь таких «рекомендаций», а Комиссия каждый год осуществляет инспектирование и наблюдение. В качестве меры призвания к выполнению того, что не удалось исполнить государству, Комиссия может обратиться к Совету ЕС, который направляет государствам-членам рекомендации. Затем, перед началом нового цикла выполнения рекомендаций, все оценки учитываются, планы уточняются, отмечаются достижения, указывается на пробелы. Процедура разработки таких «рекомендаций»-руководящих документов также свидетельствует о все более широком официально установленном привлечении самого широкого круга экспертов, заинтересованных групп к разработке и обсуждению проектов. Таким образом, форма акта не традиционна для источников права, но процедура разработки и имплементации весьма схожа.

Очевидно, что методы очень часто дополняют друг друга, применяются гибридно. И. С. Ломакина указывает, что можно установить несколько вариаций соотношения ОМК и коммунитарного метода: раздельный – в тех сферах, где коммунитарный метод не применим (сфера образования), хронологический – когда координация постепенно уступает место жесткому регулированию (иммиграционная политика), параллельный – оба метода работают одновременно (социальная сфера) [15, с. 110].

Выбор метода регулирования в итоге соответствует и отражает ту или иную степень коммунитаризации общественных отношений, но в то же время служит прогрессу в этом направлении. Процесс интеграции объективно требует введения и расширения коммунитарных методов правового регулирования, однако равновесие многонациональной системы с разнообразными акторами и их интересами требует определенных механизмов их балансировки.

Нам видится правильным совмещение методов правового регулирования интеграции в зависимости от того, выводится ли определенная сфера на данном этапе интеграции на единый уровень регулирования, т. е. ставится ли цель создания единого правового режима? Если ответ утвердительный, то выбор делается в сторону более коммунитаризированных методов. Коммунитарный метод используется не только наднациональными органами, но и межправительственными. При этом непременно баланс в целом политико-правового управления сохраняется: смещаются акценты, но не расстановка сил. Так, оперируя во многом более коммунитарными методами после Лиссабонского договора, Европейский союз ввел дополнительный механизм равновесия в виде баланса между блоком межгосударственных (Совет ЕС, Европейский совет) и наднациональных институтов (Комиссия и Парламент), этой же цели служит и принцип субсидиарности в ЕС.

Список использованных источников

1. Бошно, С. В. Способы и метод правового регулирования / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 3. – С. 52–60.

2. Сорокина, Ю. В. Метод правового регулирования как проявление сущностных свойств права / Ю. В. Сорокина // Вопр. рос. и междунар. права. – 2011. – № 1. – С. 8–32.

3. Алексеев, С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. – М.: Госюриздат, 1961. – 187 с.

4. Клюня, А. Ю. Соотношение императивных норм международного права и обязательств erga omnes [Электронный ресурс] / А. Ю. Клюня. – Режим доступа: http://www.eurasialegal.info/index.php-?option=com_content&view=article&id=4461:-erga-omnes&catid=116:2011–09–19–12–34–31&Itemid=1. – Дата доступа: 01.06.2016.

5. Шумский, В. Н. Формирование нормативно-правовой базы СНГ / В. Н. Шумский // Журн. рос. права. – 1998. – № 9. – С. 41–46.

6. Симонян, Г. В. К вопросу о механизме обеспечения исполнения межгосударственных (межправительственных) соглашений государствами- участниками Содружества Независимых Государств / Г. В. Симонян // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 1. – С. 7–11.

7. Барковский, И. А. Особенности правовых актов Содружества Независимых Государств / И. А. Барковский // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2004. – № 4. – С. 6–11.

8. Арапова, Е. Я. Экономическая интеграция в Восточноазиатском регионе: ретроспективный анализ и будущие возможности / Е. Я. Арапова. – М. : Проспект, 2015. – 224 с.

9. Основы права Европейского союза: схемы и комментарии : учеб. пособие / под ред. С. Ю. Кашкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 151 с.

10. Explanatory note on the "Community method" : Memo/02/102 ; Brussels 22 May 2002 [Electronic resource]. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-02–102_en.htm. – Date of access: 08.08.2016.

11. Михалева, Т. Н. Принцип субсидиарности в праве Европейского союза: предел наднациональности или ее развитие? / Т. Н. Михалева // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. трудов. – Минск: БГУ, 2016. – Вып. 8. – С. 145–155.

12. Михалева, Т. Н. Принцип субсидиарности в праве Европейского союза: предел наднациональности или ее развитие? // Актуальные проблемы европейской интеграции (политика, экономика, право, история): сб. науч. ст. / Т. Н. Михалева [и др.]; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 52–63.

13. Европейская интеграция / под ред. О. И. Буториной. – М. : Деловая литература, 2011. – 720 с.

14. Громогласова, Е. С. Теория и практика политического управления в Европейском союзе / Е. С. Громогласова. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 116 с.

15. Ломакина И. С. Открытый метод координации как новая форма управления: особенности, характеристики, перспективы применения // Вестн. Балтийск. федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – №6. – С. 106–116.

References

1. Boshno S. V. Modes and methods of legal regulation. *Pravo i sovremennye gosudarstva* [Law and Contemporary States], 2014, no. 3, pp. 52–60 (in Russian).

2. Sorokina Y. V. Method of legal regulation as an implication of the essential charachteristics of Law. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and international Law], 2011, no. 1, pp. 8–32 (in Russian).

3. Alekseev S. S. *General theoretical problems of the system of Soviet Law*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 187 p. (in Russian).

4. Klyunya A. Yu. *Peremptory norms of international law and erga omnes obligations*. Available at http://www.eurasialegal.info/index.php-?option=com_content&view=article&id=4461:-erga-omnes&catid=116:2011–09–19–12–34–31&Itemid=1. (accessed 01.06.2016) (in Russian).

5. Shumskii V. N. Formation of the normative legal base of the CIS. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 1998, no. 9, pp. 41–46 (in Russian).

6. Simonyan G. V. Towards the mechanism of implementation of interstate (intergovernmental) agreements by the member-states of the Commonwealth of Independent States. *Belaruskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenii* [Belarusian Journal of International Law and International Relations], 1999, no. 1, pp. 7–11 (in Russian).

7. Barkovskii I. A. Pecilarities of the legal acts of the Commonwealth of Independent States. *Belaruskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij* [Belarusian Journal of International Law and International Relations], 2004, no. 4, pp. 6–11 (in Russian)

8. Arapova E. A. *Economic integration in Easterm-Asian Region : retrospective analysis and future options.* Moscow, Prospect Publ., 2015. 224 p. (in Russian).

9. Kashkin S. Yu. (ed.) *Introduction to the law of the European Union : schemes and commentaries*. Moscow, Yurait Publ., 2011. 151 p. (in Russian).

10. *Explanatory note on the «Community method» : Memo/02/102 ; Brussels 22 May 2002.* Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-02–102_en.htm. (accessed 08.08.2016) (in Russian).

11. Mikhaliova T. N. Principle of sudsidiarity on the Law of the European Union : the limit of supranationality or its promotion? *Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava: sb. nauch. trudov* [Actual Problems of International Public and International Private Law. Collection of scientific papers]. Minsk, Belarusian State University, 2016, iss. 8, pp. 145–155. (in Russian).

12. Mikhaliova T. N. Principle of sudsidiarity on the Law of the European Union : the limit of supranationality or its promotion? *Aktual'nye problemy evropeiskoi integratsii: sb. nauch. statei* [Aktual Problems of the European Integration. collection of scientific articles]. Minsk, Belarusian State University, 2016, pp. 52–63 (in Russian).

13. Butorina O. I. *European integration*. Moscow, Delovaya Literatura Publ., 2011. 720 p. (in Russian).

14. Gromoglasova E. S. *Theory and practive of political management in the European Union*. Moscow, Institute of World Economy and International Relations, 2009. 116 p. (in Russian).

15. Lomakina I. S. Open method as a new form of management: peculiarities, characteristics, prospects of application. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [IKBFU'S Vestnik. Ser. The humanities and social science], 2010, no. 6, pp. 106–116 (in Russian).

Информация об авторе

Михалёва Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (ул. Берсона, 1а, 220005, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Tania.mikhaliova@gmail.com

Information about the author

Tatsiana N. Mikhaliova – Ph. D. (Law), Assistant Professor, Leading Researcher, National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus (1a Berson Str., Minsk 220005, Belarus). E-mail: Tania.mikhaliova@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 338.45:615.4
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-377-384

Поступила в редакцию 06.02.2018
Received 06.02.2018

Е. А. Милашевич

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО КЛАСТЕРА

Аннотация. В современных условиях развития мировой экономики важное значение приобретает экономическая оценка эффективности деятельности кластеров, в том числе в сфере услуг. В статье разработана методика комплексной оценки деятельности медицинского кластера, включающая обоснование семи базовых показателей, характеризующих экономические процессы в кластере. Все показатели объединены в блоки: блок оценки масштаба кластера, позволяющий оценивать работу кластера не изолированно, а в связке с теми процессами, которые протекают в системе здравоохранения страны; блок инновационной деятельности кластера; блок оценки экспортного потенциала. Предложена интегральная оценка показателей, что дает возможность привести их к единому комплексному показателю, рассчитанному как сумма взвешенных коэффициентов, характеризующих разные направления деятельности медицинского кластера; показатели методики целесообразно использовать для оценки эффектов деятельности кластера для государства, бизнеса, потребителей. Применение методики на практике позволит осуществлять мониторинг работы кластера, рассматривать экономические процессы в их динамике и взаимосвязи; предупреждать негативные тенденции, которые могут возникнуть в экспорте услуг кластера и своевременно принимать эффективные меры для их устранения; учитывать прогнозы развития медицинских кластеров на средне- и долгосрочную перспективу; методика может являться основой для расчета экономической эффективности кластеров, создаваемых в сфере услуг как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

Ключевые слова: медицинский кластер, оценка деятельности, эффективность, показатели, интегральный показатель, медицинские услуги, дополнительные услуги, экспорт, иностранные пациенты

Для цитирования. Милашевич, Е. А. Комплексная методика оценки деятельности медицинского кластера / Е. А. Милашевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 377–384. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-377-384

A. A. Milashevich

Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

FULL ASSESSMENT OF THE MEDICAL CLUSTER

Abstract. Taking into consideration modern conditions of world economic development the evaluation of effectiveness of clusters, including the services sector, becomes very important. In this paper the technique of full assessment of the medical cluster can be found, including the rationale underlying the seven indicators that characterize economic processes in the cluster. All indicators are combined into blocks: the block assessments of the scale of the cluster, allowing to evaluate the performance of the cluster, is not in isolation but in conjunction with those processes that occur in the health system of the country; unit innovative activities of the cluster; the evaluation unit export capacity. The proposed integrated assessment of indicators gives the opportunity to bring all indicators to a common complex, calculated as the sum of the weighted coefficients of different directions of activity of the medical cluster; indicators of methodology are useful for assessing the effects of cluster activities for the state, businesses and consumers. The application of such methods in practice will allow to monitor the cluster operation, to review economic processes in dynamics and interrelation; to prevent negative trends that may occur in exports of services in the cluster and to take in due time meaningful steps to eliminate it; take into account the forecasts of development of medical clusters in medium and long term; the technique can be the basis for calculating the economic efficiency of the clusters created in the services sector in the Republic of Belarus and abroad.

© Милашевич Е. А., 2018

Keywords: medical cluster, performance evaluation, efficiency, indicators, integral indicator, medical services, additional services, export, foreign patients

For citation. Milashevich A. A. Full assessment of the medical cluster. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 3, pp. 377–384 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-377-384

В современных условиях кластеры являются базовым элементом стратегий развития наиболее развитых стран мира. По данным Министерства экономики Республики Беларусь, кластеризацией охвачено 50 % ведущих экономик мира, в странах ЕС насчитывается свыше 2000 кластеров, в которых занято 38 % рабочей силы. Примерами известных систем кластерного типа являются [1]:

• в области компьютерной техники и информационных технологий – Силиконовая долина (США);

• связи и телекоммуникаций – Хельсинки (Финляндия);

• кинопроизводства – Голливуд (США);

• аэрокосмической промышленности – Московский регион.

В сфере услуг выделяют кластеры, которые получили наибольшее распространение [2]:

1) туристско-рекреационные кластеры, включающие туристических операторов и агентства, гостиницы, организации общественного питания, производителей сувенирной продукции, транспортные предприятия по перевозке пассажиров, страховые, медицинские организации и др.;

2) транспортно-логистические кластеры, включающие организации, специализирующиеся на доставке, сопровождении, хранении грузов, перевозке пассажиров, обслуживании транзитных объектов (портов, аэропортов, вокзалов, станций);

3) кластеры информационных технологий, включающие организации по разработке, внедрению и обслуживанию программных продуктов, информационных технологий, компьютерной техники, инфокоммуникационных и телекоммуникационных систем связи.

По мнению ученых, кластерная модель развития является эффективной в силу ряда особенностей [3, с. 107]: организация разнородной производительной системы (фундаментальная наука, инновационная промышленность, развивающее образование); моносферная организация производственных систем (производство, воспроизводство, устойчивое функционирование, развитие и управление); полисферная организация производственных систем, предполагающая диффузию инноваций; адаптация логистического уровня организации меж- и внутрисубъектного взаимодействия.

Ряд исследователей выделяют условия, в соответствии с которыми кластеры обладают большой способностью к нововведениям [4, с. 73]:

1) кластеры являются системой тесных взаимосвязей между фирмами, поставщиками, клиентами, высшими учебными заведениями (вузами), научно-исследовательскими институтами (НИИ) и т. д., в результате межфирменной кооперации снижаются издержки на НИОКР;

2) создаются положительные эффекты для регионов базирования кластера: увеличение занятости, рост зарплаты и прибыли, ускорение регионального НТП;

3) участники кластера быстрее реагируют на потребности покупателей;

4) фирмы в кластере находятся под постоянным конкурентным давлением;

5) возможность координации усилий и средств для создания продукта и вывода его на рынок;

6) создание в рамках кластеров преимущественно экспортоориентированной продукции (внутрикластерные конкурентные преимущества становятся значимыми в международном масштабе);

7) правительства многих стран стали создавать кластеры по собственной инициативе, оказывая содействие;

8) создание системы распространения новых технологий, знаний, продукции;

9) региональный кластер обеспечивает высокую степень специализации, происходит обмен идеями от ученых к предпринимателям.

Таким образом, к отличительным чертам кластера можно отнести сетевую структуру, высокий уровень кооперации производственных, финансовых, инновационных, обслуживающих секторов.

В Республике Беларусь кластеры в сфере услуг только начинают формироваться, один из первых проектов – создание Союза медицинских и фармацевтических проектов «Фарм» в Витебске, который объединяет 10 организаций.

Самый успешный и известный кластер в Беларуси – Научно-технологическая ассоциация «Инфопарк» – объединяет около 70 юридических лиц, занимающихся разработкой и экспортом ИКТ, треть состава Инфопарка составляют резиденты ПВТ.

Существуют разные подходы к оценке эффективности деятельности кластеров: Т. С. Вертинская, В. А. Клицунова используют интегральную оценку, каждому критерию присваивается определенное количество баллов, определяются весовые коэффициенты для оценки привлекательности туристической дестинации [5]; С. С. Еспаев, Д. Ф. Рутко применяют SWOT-анализ [4; 6]; отдельные исследователи в своих работах базируются на кластерном подходе М. Портера и применяют его методологию конкурентных преимуществ; Е. Г. Патрушева, Е. А. Большакова определяют экономическую эффективность кластера как сумму добавленных стоимостей всех участников [7].

Не умаляя значимости исследований рассмотренных выше авторов, следует отметить, что в представленных работах отсутствуют показатели, которые бы позволили оценить работу медицинского кластера с учетом одновременно эндогенных и экзогенных факторов, а также показателей, характеризующих инновационную деятельность кластера. Вместе с тем методика должна быть проста в применении, поскольку предлагается для практического использования в медицинском кластере.

1. Цель и задачи разработки методики

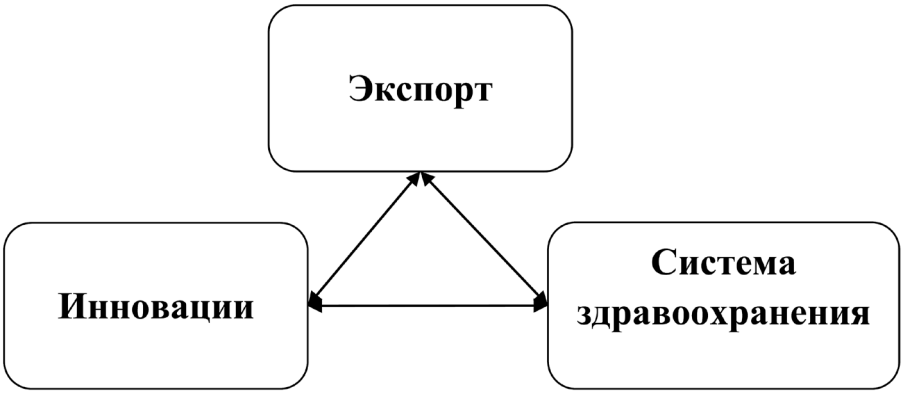
Цель разработки методики – оценить эффективность деятельности медицинского кластера.

Использование предлагаемой методики даст возможность решать следующие задачи [8]: осуществлять постоянный мониторинг экономической деятельности медицинского кластера; рассматривать экономические процессы в их динамике и взаимосвязи; проводить анализ эндогенных и экзогенных факторов, оказывающих влияние на работу кластера; предупреждать негативные тенденции, которые могут возникнуть в экспорте медицинских услуг, и своевременно принимать эффективные меры для их устранения; разрабатывать прогнозы развития медицинского кластера на средне- и долгосрочную перспективу; предлагаемая методика может стать основой для расчета экономической эффективности кластеров, создаваемых в сфере услуг.

Общий подход к показателям, используемым в разработанной методике, отражен на рисунке.

2. Система показателей методики

Разработанная методика состоит из трех блоков, первый из которых характеризует место и роль кластера в национальной системе здравоохранения, включает показатели оценки масштаба кластера и базируется на внутренних факторах. Для оценки работы медицинского кластера в сопоставлении с другими организациями системы здравоохранения страны используем показатель «удельный вес медицинского кластера в общем объеме платных услуг здравоохранения».

Система взаимосвязи блоков методики
System of interrelations for blocks of methods

1. Удельный вес медицинского кластера в общем объеме платных услуг здравоохранения (Упу) рассчитывается по формуле:

$$\text{Упу} = \frac{\text{ПУмк}_i}{\text{ПУз}_i} \cdot 100\%, \quad (1)$$

где ПУмк – объем платных услуг медицинского кластера, руб.; ПУз – общий объем платных медицинских услуг в здравоохранении, руб.; *i* – *i*-й период времени.

Он показывает долю платных услуг кластера в общем объеме платных услуг здравоохранения.

Поскольку кластер создается для оказания максимально широкого спектра дополнительных услуг, то необходимо включить в методику следующий показатель.

2. Удельный вес дополнительных (немедицинских) услуг кластера в общем объеме всех услуг кластера (медицинских и дополнительных) (Уду) рассчитывается по формуле:

$$\text{Упу} = \frac{\text{Сду}_i}{\text{С}_i} \cdot 100\%, \quad (2)$$

где Сду – общая стоимость дополнительных (немедицинских) услуг кластера, руб.; С – общая стоимость всех услуг медицинского кластера, руб.

Он показывает долю дополнительных (немедицинских) услуг в общем объеме оказанных услуг кластера.

Второй блок, отвечающий за инновационную деятельность кластера, включен в представленную методику, поскольку инновационной деятельности в современных условиях уделяется пристальное внимание на всех уровнях управления. В настоящее время без инноваций, использования и создания новых прогрессивных технологий ни одна экономическая система не в состоянии эффективно развиваться.

Показатель «удельный вес патентов и изобретений, полученных резидентами медицинского кластера» позволит проиллюстрировать, какой вклад в разработку новых технологий вносят ученые кластера.

3. Удельный вес патентов и изобретений в общем количестве патентов и изобретений в здравоохранении (Упи) рассчитывается по формуле:

$$\text{Упу} = \frac{\text{ПИмк}_i}{\text{ПИз}_i} \cdot 100\%, \quad (3)$$

где ПИмк – количество патентов и изобретений, полученных организациями медицинского кластера; ПИз – общее количество патентов и изобретений в здравоохранении.

Он показывает, какой вклад в разработку патентов и изобретений вносят ученые медицинского кластера в процентах.

4. Удельный вес количества пациентов, оценивающих услуги медицинского кластера как высококачественные (Уку), рассчитывается по формуле:

$$\text{Уку} = \frac{\text{Кв}_i}{\text{к}_i} \cdot 100\%, \quad (4)$$

где Кв – количество пациентов медицинского кластера, оценивающих услуги кластера как высококачественные, чел.; К – количество пациентов медицинского кластера, участвующих в анкетировании, чел.

Основой для расчета данного показателя будут являться данные анкетирования, проводимого на заключительном этапе работы с пациентами (предусмотрено в алгоритме работы при обращении в медицинский кластер).

Третий, экспортный блок, позволяет оценить работу кластера с учетом выхода на внешние рынки.

5. Удельный вес экспорта медицинского кластера в экспорте услуг страны (Уэ) рассчитывается по формуле:

$$\text{Уэ} = \frac{\text{Эмк}_i}{\text{Э}_i} \cdot 100\%, \tag{5}$$

где Эмк – экспорт всех услуг (медицинских и дополнительных) кластера, долл. США; Э – экспорт услуг Республики Беларусь, долл. США.

Он показывает, каков удельный вес экспорта медицинского кластера в общем объеме экспорта услуг страны.

6. Удельный вес экспорта дополнительных (немедицинских) услуг кластера в общем экспорте кластера (УЭду) рассчитывается по формуле:

$$\text{УЭду} = \frac{\text{Эду}_i}{\text{Эмк}_i} \cdot 100\%, \tag{6}$$

где Эду – экспорт дополнительных (немедицинских) услуг кластера, долл. США.

Он показывает долю экспорта дополнительных (немедицинских услуг) в общем экспорте услуг кластера.

7. Удельный вес количества иностранных пациентов в медицинском кластере (Уип) рассчитывается по формуле:

$$\text{Уип} = \frac{\text{Ки}_i}{\text{К}_i} \cdot 100\%, \tag{7}$$

где Ки – количество иностранных пациентов медицинского кластера, чел.; К – общее количество пациентов медицинского кластера, чел.

Он показывает долю иностранных пациентов в общем количестве пациентов медицинского кластера.

3. Область применения методики

Использование в методике указанных выше показателей дает возможность оценивать работу кластера не изолированно, а в связке с теми процессами, которые протекают в системе здравоохранения Республики Беларусь. Методика состоит из 7 показателей, которые должны применяться комплексно и подразумевают системную интерпретацию.

Область применения методики – экономические отделы медицинского кластера, другие кластеры, создаваемые на территории Республики Беларусь, органы государственного управления, организации (экспортеры и импортеры), независимые консультанты. Предложенная методика оценки деятельности медицинского кластера позволит провести комплексную оценку работы кластера и может стать основой для дальнейшего совершенствования и развития кластеров как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

4. Апробация результатов методики

1. *Положительная динамика показателей.* В ходе анализа, проведенного на основе использования показателей предлагаемой методики, предполагается положительная динамика показателей, что дает возможность оценивать не только работу всего кластера, но отдельных его структурных подразделений. Отрицательные значения темпов прироста показателей, отсутствие положительной динамики будут свидетельствовать о недостатках в работе кластера. В этом случае необходимо анализировать каждый показатель, выявить фактор или факторы, которые привели к отрицательной динамике. Для нивелирования выявленных недостатков целесообразно разрабатывать мероприятия, которые позволят в следующих отчетных периодах выйти на положительную динамику.

2. *Сравнение парных показателей.* Показатели методики используются как самостоятельные показатели, так и применяются для сравнения в парах – «удельный вес дополнительных (немедицинских) услуг кластера в общем объеме всех услуг кластера (медицинских и дополнительных)» (2) и «удельный вес экспорта дополнительных (немедицинских) услуг кластера в общем экспорте кластера» (6). Сравнение парных показателей позволяет определить, где наиболее востребованы дополнительные услуги – в национальной системе здравоохранения или на внешнем рынке.

3. *Измерение интегрального показателя методики.* Все три блока методики объединены интегральным показателем, каждому из блоков присваивается определенное количество баллов. Применение интегральной оценки позволяет привести показатели методики к единому комплексному показателю, рассчитанному как сумма взвешенных коэффициентов, характеризующих разные направления деятельности медицинского кластера:

$$I = \sum_{n=1}^{m} Б_n \cdot К_n = 1, \quad (8)$$

где I – сводный интегрированный показатель оценки деятельности медицинского кластера; $Б_n$ – балльная оценка показателя n; К – весовые коэффициенты, $\sum_{n=1}^{m} К_n = 1$; $К_n > 0$; $\forall\, n = 1, \ldots, m$.

Балльная оценка показателя n в разработанной методике состоит из совокупности оценок конкретных показателей блоков в зависимости от темпов прироста показателей методики: темп прироста более 20 % – 4 балла; темп прироста более 10 % – 3 балла; темп прироста более 0 % – 2 балла; темп прироста равен 0–1 балл; темп прироста имеет отрицательное значение – 0 баллов.

Вес критериев определяется исходя из экспертных оценок: показатели, объединенные в блок «экспорт», – 0,5; показатели, объединенные в блок «инновации», – 0,2; показатели, объединенные в блок «система здравоохранения», – 0,3; алгоритм расчета представлен в табл. 1.

Таблица 1. **Алгоритм расчета показателей методики**
Table 1. **Calculation algorithm of methods indicators**

Показатель, n	Темп роста показателя n, Тn	Темп прироста показателя n, ΔТn	Балльная оценка показателя n, Бn	Весовые коэффициенты критериев, Кn	Оценка показателей методики
n	$Тn = \frac{n_i}{n_{i-1}} \cdot 100$	$\Delta Тn < 0$	0	0,3 для показателей блока «система здравоохранения»; 0,2 для показателей блока «инновации»; 0,5 для показателей блока «экспорт»	Бn·Кn
		$\Delta Тn = 0$	1		
		$0 < \Delta Тn \leq 10$	2		
		$10 < \Delta Тn \leq 20$	3		
		$\Delta Тn > 20$	4		
Интегральный показатель	–	–	–	–	Сумма всех оценок показателей методики

Источник: авторская разработка.

4. *Сравнение интегрального показателя с эталонным значением.* Для оценки деятельности медицинского кластера предлагаем интегральный показатель сравнивать с эталонным значением:

9–10 баллов – деятельность кластера оценивается как высокоэффективная;

5–8 баллов – деятельность оценивается как эффективная;

1–4 – деятельность оценивается как низкоэффективная;

0 – деятельность оценивается как неэффективная.

5. *Применение показателей для оценки эффектов от создания медицинского кластера.* Все показатели разработанной методики целесообразно использовать для оценки эффектов от создания кластера по трем направлениям – для государства, бизнеса, потребителей (табл. 2).

Таблица 2. **Использование показателей методики для оценки эффектов от создания кластера**
Table 2. **Use of methods indicators for the assessment of effects from blusters creation**

Показатель	Оценка эффекта (по направлениям)
Удельный вес медицинского кластера в общем объеме платных услуг здравоохранения	Г
Удельный вес дополнительных услуг кластера в общем объеме всех услуг кластера	Г, Б
Удельный вес патентов и изобретений в общем количестве патентов и изобретений в здравоохранении	Г
Удельный вес количества пациентов, оценивающих услуги медицинского кластера как высококачественные	Г, П
Удельный вес экспорта медицинского кластера в экспорте услуг страны	Г
Удельный вес экспорта дополнительных услуг кластера в общем экспорте кластера	Г, Б
Удельный вес количества иностранных пациентов в медицинском кластере	Г, Б, П

Источник: авторская разработка.

П р и м е ч а н и е. Г – эффекты для государства, Б – эффекты для бизнеса, П – эффекты для потребителей.

Применение разработанной методики оценки деятельности медицинского кластера позволит достичь положительного эффекта по следующим направлениям.

Для бизнеса:

1) расширение экономического потенциала фирмы за счет получения новых возможностей на основе долгосрочных договоров;

2) внедрение инноваций на условиях льготных государственных преференций;

3) увеличение прибыли, повышение производительности труда;

4) снижение рисков в условиях государственных гарантий и поддержки.

Для государственного сектора:

1) повышение качества и доступности медицинских услуг;

2) техническое и технологическое перевооружение организаций здравоохранения;

3) использование передовых методик лечения;

4) увеличение экспорта медицинских услуг, привлечение дополнительного количества пациентов;

5) оптимизация системы управления организациями медицинского профиля;

6) снижение бюджетных расходов на финансирование организаций здравоохранения.

Для потребителей:

1) иностранным пациентам, приезжающим на лечение в Республику Беларусь, будет оказан широкий спектр услуг начиная с размещения, питания, транспортных услуг и заканчивая лечением, что повысит эффективность организации лечения и пребывания на территории нашей страны;

2) повышение качества оказываемых услуг в рамках кластера, выиграют белорусские пациенты и все общество в целом как глобальный потребитель медицинских услуг;

3) снижение стоимости услуг за счет конкуренции между поставщиками услуг.

Таким образом, применение методики на практике позволит осуществлять мониторинг работы кластера, рассматривать экономические процессы в их динамике и взаимосвязи; предупреждать негативные тенденции, которые могут возникнуть в экспорте услуг кластера, и своевременно принимать эффективные меры для их устранения; учитывать прогнозы развития медицинских кластеров на средне- и долгосрочную перспективу; оценивать эффекты от создания кластера для государства, бизнеса, потребителей; методика может являться основой для расчета экономической эффективности кластеров, создаваемых в сфере услуг как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

Список использованных источников

1. Руководство по организации и деятельности кластеров в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ced.by/media/publication/books/rukovodstvo-klastery/10_rukovodstvo_ po_sozdaniju_klasterov.pdf. – Дата доступа: 05.01.2017.

2. Наумова, О. Н. Территориальный кластер сферы услуг и его функциональная схема формирования / О. Н. Наумова // Вектор науки ТГУ. – 2014. – № 3. – С. 198–202.

3. Инновационная диалектика в современной экономике / А. Ковалев [и др.]. – Гамбург: Anchor Academic Publishing, 2014. – 214 с.

4. Еспаев, С. С. Формирование и развитие кластеров в Казахстане: правовые основы, задачи и перспективы / С. С. Еспаев // Стратегия развития экономики Беларуси: факторы формирования и инструменты реализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2015 г. – Минск, 2015.

5. Вертинская, Т. С. Методология создания региональных туристических кластеров в Беларуси / Т. С. Вертинская, В. А. Клицунова. – Минск, 2014. – 53 с. – (Библиотека сельского туризма).

6. Рутко, Д. Ф. Кластеры в Европейском союзе: механизм формирования и тенденции развития: автореф. дис…. канд. экон. наук: 08.00.14 / Д. Ф. Рутко. – Минск, 2015. – 32 с.

7. Патрушева, Е. Г. Оценка экономической эффективности регионального инновационного кластера [Электронный ресурс]/ Е. Г. Патрушева, Е. А. Большакова // Управление экономическими системами. – 2014. – № 4. – Режим доступа: http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/3443-2015-04-15-13-20-03.

8. Милашевич, Е. А. Экспорт медицинских услуг Беларуси: тенденции развития и направления стимулирования / Е. А. Милашевич. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 198 с.

References

1. *The guidelines on the organization and activities of clusters in the Republic of Belarus*. Available at: http://ced.by/media/publication/books/rukovodstvo-klastery/10_rukovodstvo_ po_sozdaniju_klasterov.pdf. (acessed 05.01.2017) (in Russian).

2. Naumova O. N. Territorial cluster in the sphere of services and its functional diagram of the formation. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Vector science Togliatti State University*, 2014, no. 3, pp. 198–202 (in Russian).

3. Kovalev V. I., Kovalev A. I., Ivashkevich T. V., Rebrova N. P., Konoreva T. V., Rodionov M. G. *The dialectic of innovation in the modern economy*. Gamburg, Anchor Academic Publishing, 2014. 214 p. (in Russian).

4. Espaev S. S. *The concept of formation and development of promising national clusters.* Almaty, 2013. 233 p. (in Russian).

5. Vertinskaya T. S., Klitsunova V. A. *Methodology for the establishment of regional tourism clusters in Belarus. Biblioteka sel'skogo turizma*. Minsk, 2014. 53 p. (in Russian).

6. Rutko D. F. *Clusters in the European Union: mechanism of formation and development trends.* Minsk, 2015. 32 p. (in Russian).

7. Patrusheva E. G., Bol'shakova E. A. Evaluation of economic efficiency of regional innovation cluster. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami* [Management of Economic Systems], 2014, no. 4. Available at: http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/3443-2015-04-15-13-20-03 (in Russian).

8. Milashevich E. A. *The export of medical services in Belarus: trends and directions stimulation*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 198 p. (in Russian).

Информация об авторе

Милашевич Елена Александровна – старший научный сотрудник. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ie1202@tut.by

Information about the author

Elena A. Milashevich – Senior Scientific Researcher, Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: ie1202@tut.by